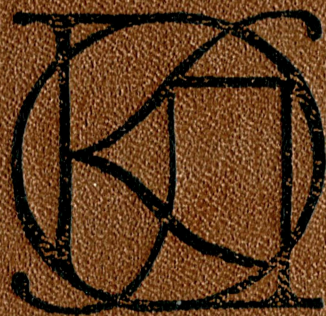

ПРЕКРАСНАЯ
ДАМА

ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЛИРИКИ

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА

ИЗ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЛИРИКИ

Составление и примечания О. В. СМОЛИЦКОЙ
и А. В. ПАРИНА

Предисловие А. Д. МИХАЙЛОВА

П $\frac{4703000000-230}{M172(03)-84}$ 252-84

С61

© Составление, предисловие, примечания, переводы, отмеченные в содержании*, и оформление издательства «Московский рабочий», 1984 г.

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАПАДА

Когда любовью я дышу,
То я внимателен; ей только надо
Мне подсказать слова, и я пишу.

Данте

В нашем повседневном представлении о Средневековье фигура рыцаря — неизменно на первом плане. Так оно и было в действительности — ведь мы имеем дело с феодальной эпохой, а феодал — состоятельный и могущественный или порядком обедневший — все равно был рыцарем. В тройственной структуре средневекового общества у феодала была одна задача и одна роль: если простолюдины трудились, обеспечивая общество материально, если духовенство молилось, учило и наставляло, то феодал был воином. Он оборонял страну от внешних врагов, сам отправлялся в военные походы, а порой и просто возглавлял шайку головорезов и беззащитно грабил — и чужих, и своих.

Но на протяжении столетий облик рыцаря-феодала менялся. Менялась и феодальная культура. Вернее, из общей господствующей феодально-церковной культуры постепенно вычленилась очень своеобразная культура рыцарства. Произошло это в пору зрелого Средневековья, то есть в конце XI и в XII столетии. К этому времени уже завершилось так называемое «великое переселение народов», на территории Европы начинали складываться национальные государства, заметно развились техника и всевозможные ремесла, расширились торговые связи и т. д. Внушительные успехи сделала и культура: с поразительной быстротой на разных концах континента возникают школы нового типа — университеты, где преподаются и светские дисциплины, а не одна теология. В архитектуре на смену монументальному романскому стилю приходит более экспрессивная и выразительная готика. Огромных успехов добивается литература на новых, недавно родившихся языках; она вырастает не только количественно; на смену нескольким ее жанрам приходит целая их россыпь. Именно в это время сложились те жанровые разновидности и формы, которые просуществуют затем несколько веков. Изменился и тип писателя: если раньше им бывал почти исключительно ученый монах, одиноко трудившийся в монастырской келье, то теперь берутся за перо представители всех сословий — кроме духовных лиц и рыцари, и простые горожане. Показательно, что университеты открываются в городах, которые как раз к этому времени добиваются известной самостоятельности — прежде всего экономической, конечно, но также политической и культурной.

В это время усложнились и умножились связи с Востоком. Впрочем, Восток давно уже был совсем рядом, буквально под боком, в Испании, еще в начале VIII в. захваченной арабами (их называли маврами или сарацинами). С этим Востоком связи не прерывались, хотя с «неверными» шла непрерывная упорная война. Иные феодалы-христиане (особенно из испанской Кастилии) нередко заключали союзы с мавританскими халифами, а купеческие караваны или толпы паломников ежегодно переваливали через Пире-

ней. У арабов, и как раз арабов испанских, была высокая по тем временам культура, нашедшая выражение в замечательной архитектуре, прикладном искусстве, философии и поэзии.

В конце XI в. началась эпоха крестовых походов, и перед удивленным Западом предстали дикивинки Ближнего Востока — и остатки искусства Древней Греции, и пышная культура Византии, и многоцветный и притягательный мир арабских Сирии, Ливана, Палестины.

Ни укрепление* королевской власти, ни богатые города, ни рост образованности, ни связи с восточными народами — ни одно из этих явлений в отдельности не могло повлиять на глубокую трансформацию феодальной культуры. Лишь их сочетание привело к возникновению новых форм литературы и искусства, которые принято называть «куртуазными».

«Куртуазный» — это значит «придворный». Действительно, новые формы культуры отвечали запросам больших и малых феодальных дворов и обслуживали прежде всего их обитателей. Но понятие куртуазности не было адекватно реальным придворным обычаям и нравам эпохи. Даже напротив: как ее понимали прежде всего поэты, она этим обычаям и нравам решительно противостояла. И поэтому идеалы куртуазии явились своеобразным протестом против не очень поэтической повседневности.

Впрочем, к началу XII столетия замковый быт заметно изменился по сравнению с предшествующими веками. Замки строились повсюду: каждый феодал хотел иметь свой «двор», пусть совсем маленький. При строительстве, конечно, учитывались задачи обороны — замки оставались крепостями. Но стали думать и о комфорте: удобней стали покои сюзерена, обширней и пышнее — пирашественная зала, просторней — внутренний двор. Все это украшалось скульптурой, резным орнаментом, гигантскими коврами. Времяпрепровождение феодалов стало разнообразнее; в нем появилось больше праздничности, ярких красочных увеселений и забав. Отношения между людьми оставались, естественно, прежними, основанными на принципах сословности и религии, но вместе с праздничными одеждами в быт вошел некоторый внешний лоск — стали цениться учтивость обращения, умение вести беседу, слушать исполнение любовных песен или чтение увлекательных рассказов о фантастических похождениях рыцарей, о их подвигах во славу уже не сюзерена, а своенравной красавицы.

Куртуазность захватила, конечно, лишь самую поверхность феодальной культуры, но придала ей неповторимые пленительные черты. Связанные с понятием куртуазности идеалы благородства и верности, самоотверженности и бескорыстия отразили не эгоистические интересы рыцарства, а более широкие и передовые воззрения эпохи. Вот почему они не утратили своего значения и в наши дни.

Куртуазия как бы стала новой своеобразной религией средневекового Запада, со своими ритуалами, системой ценностей, со своим божеством — Прекрасной Дамой. Нет, куртуазия не посягала на старую религию — христианство, но она сформировалась рядом с ним и почти вне его. Куртуазия как комплекс моральных и эстетических норм носила подчеркнуто светский, внецерковный характер. Вот почему на нее порой поглядывали косо, нередко преследовали ее пропагандистов, а самый знаменитый и яркий трактат по куртуазии — книгу Андрея Капеллана «О пристойной любви» в конце концов запретили деятели католической церкви.

У куртуазии были свои сторонники, были вечноносные покровители, поощрявшие поэтов и старавшиеся утвердить при своих дворах ее «законы», но в целом куртуазия не вошла в повседневный замковый быт и реализовалась по преимуществу только в области поэзии. Если мы и находим подчас отражение

куртуазных идеалов в изобразительном искусстве Средневековья, то это также связано с литературой — это красочные миниатюры-иллюстрации в рукописях куртуазных поэтов, изделия из кости или металла, иллюстрирующие литературные сюжеты, несколько позже — яркие гобелены и шпалеры, на которых также изображены герои куртуазных повествований или исполнение поэтом-менестрелем любовных песен в кругу изящных кавалеров и дам.

Куртуазная литература знала разные жанры — от суховатого ученого трактата до увлекательного приключенческого романа, но наиболее ярко и, главное, наиболее рано она заявила о себе в сфере лирики. Лирика эта — почти исключительно любовная. И это далеко не случайно. Именно в области любовных отношений человеческая личность могла и смогла — в условиях Средневековья — заявить о себе и утвердить свою самоценность.

В центре этой лирики — двое. Влюбленный поэт и предмет его поклонения, его страсти и его вдохновенных песен — Прекрасная Дама. Поэт непременно должен быть искренно и самозабвенно влюбленным: лишь неподдельное чувство дает ему право и на внимание Дамы, и на само творчество. И вот что оказывается: любовное чувство, воспетое в прекрасных стихах, одинаково доступно всем — и знатным сеньорам, и скромным рыцарям, и простым горожанам. Как мы увидим ниже, куртуазно любили или, по крайней мере, пели о такой любви и герцоги, и «ваассеры» (простые дворяне), и купцы, и клирики, и даже сын истопника и кухарки. Возвышенная любовь всех уравнивает. Как и высокое поэтическое мастерство. И наоборот — низменность, приземленность чувств лишает человека истинного благородства. Этим куртуазный «табель о рангах» бросал первый серьезный вызов сословно-религиозной морали, на которой основывалось средневековое общество.

Но куртуазные идеалы объективно противостояли этой морали и в другом. Вопреки общепринятым средневековым нормам главной фигурой куртуазной любовной лирики стала женщина, Дама. Тут она брала реванш за вековую приниженность (когда иные схоласты всерьез обсуждали вопрос, обладает ли женщина душой). В куртуазном микрокосме Дама была не только предметом восторженного и смиреннейшего поклонения (причем подчас об этом говорилось в терминах привычного феодального обихода), но и обожествления на свой манер. Дама куртуазных поэтов непременно прекрасна. Она совершенна душой и телом и способна влюбить возвышенную всепоглощающую страсть. И заметим: Прекрасная Дама совсем не обязательно принадлежит к высшим слоям дворянства; она может быть и горожанкой, и даже простой пастушкой. Как любовь и поэтический талант были выше сословной принадлежности влюбленного певца, так и красота и высокая одухотворенность Дамы оставляли позади ее реальное место в обществе.

Если указанные нами черты куртуазной лирики были известным вызовом общепринятым взглядам и нормам своего времени, и вызовом сознательным и последовательным, то в следующей особенности этой поэзии подобного вызова нет, хотя на первый взгляд он вполне очевиден. Дело в том, что в интересующей нас лирике воспевается любовь поэта к замужней женщине, что кладет его любовным желаниям почти неодолимый предел. Средневековая лирическая поэзия, конечно, достаточно разнообразна и богата, и мы находим в ней немало отклонений от этого правила (скажем, в пасторальных песнях, описывающих любовь к юной пастушке), но в подавляющем большинстве произведений поэт и его возлюбленная не могут и помышлять о законном браке. Почему же нельзя видеть здесь решительного отхода от общепринятой морали? Объективно эта поэзия звучала, конечно, «аморально», но субъективно, с точки зрения любящего и воспевającego эту любовь поэта нарушение моральных норм существовало лишь в его пленительных мечтах.

✓
Он грешил о взаимной любви, но сознавал, что она либо вовсе невозможна, либо сопряжена с отчаянным риском. И, что еще существеннее, — не так уж и нужна для раскрытия внутреннего мира поэта, для своего времени достаточно причудливого и сложного.

Лирическая поэзия средневекового Запада была первым в европейской литературе прорывом в область интимных сердечных переживаний, по своей напряженности, по многообразию и глубине во много раз превосходящим любовные чувства, воспетые античными поэтами (скажем, Катуллом, Горацием или даже Овидием). В отличие от не очень сложной гаммы чувств, обуревавших героев средневекового эпоса, в лирике мир человеческой души выглядел более противоречивым и богатым. В тому же в куртуазной поэзии на первом плане были переживания личностные, ориентированные не столько во внешний мир, сколько ~~внутрь~~ ~~матущегося~~ и ~~страдающего~~ сердца. До появления этой лирики средневековый человек редко оставался наедине со своими переживаниями и мыслями. Даже глубоко интимный акт — предстояние божеству — был непременно публичным и тем самым лишен сокровенной уединенности. В лирике впервые появились эти задумчивость и исповедальность.

Литература во все века познавала и постигала действительность — окружающий человека мир и мир его души. Средневековая поэзия в основном интересовалась и вдохновлялась последним. И тут сфера любви оказалась замечательной находкой поэтов.

Куртуазная лирика обратилась к любовным мотивам во многом потому, что этой области человеческих отношений и переживаний не коснулась та жесткая регламентация, которой были подчинены другие стороны жизни средневекового человека. И именно любовь незаконная, запретная, безнадежная давала широкий простор изображению изменчивой и глубокой человеческой души, подверженной игре сложных страстей, изображению их трагического накала.

Иногда полагают, что Прекрасная Дама куртуазных поэтов потому уже замужняя женщина, что и она должна быть наделена богатым внутренним миром, тогда как неопытная девушка — в условиях Средневековья — обладать им не могла. Отчасти это, видимо, так, но все-таки в Даме важнее не ее жизненный и чисто эмоциональный опыт, а те неодолимые преграды, которыми она окружена.

В жизни все бывало, конечно, иначе, да и сами поэты легко и охотно отступали в своих любовных песнях от подобного стереотипа. Но в той воображаемой модели мира, которая встает из всего комплекса куртуазной лирики, Дама всегда была недоступна и недостижима, какие бы дерзкие мечты ни изливал поэт в своих стихах. Средневековье было эпохой шаблонов и всеобъемлющих норм. И куртуазная лирика, противостоящая феодально-церковной регламентации, вскоре же после своего рождения попала в жесткие рамки своих собственных законов и правил. Поэтому, несмотря на то, что в области любовной лирики творило в средние века немало поэтов не только талантливых и самобытных, но и обладающих ярко выраженной творческой индивидуальностью, довольно легко описать тот воображаемый мир, в котором пребывают лирические герои этой поэзии, и те душевные качества, которыми они непременно обладают.

Куртуазный поэт и его герой должны подчиняться чувству меры, то есть не преступать определенных, раз и навсегда положенных границ, следовать правилам и т. д. При этом предполагается, что лирическое произведение должно идти неукоснительно «от сердца», а значит — быть искренним и адресоваться немногочисленному кругу любителей поэзии и ее знатоков, которыми оно только и может быть понято и оценено. Помимо меры поэт руководствуется также

понятием «молодости». Здесь имеется в виду, конечно, не реальная молодость поэта и его возлюбленной, а та молодость духа, без которой невозможна истинная, по возможности первая любовь. Склад души влюбленного поэта и слагаемые им песни должны нести радость, даже если они полны горьких упреков и неподдельной грусти. Это радость, веселье от соприкосновения с возвышенным, прекрасным чувством, изливающимся в не менее возвышенных и прекрасных стихах.

Тем самым в представлении куртуазных поэтов комплекс моральных норм, этика сливается с эстетикой, вне ее просто не существует. Одно подкрепляет и оправдывает другое. Здесь очень важно, что любовь к Прекрасной Даме не только внушает поэту изысканные и проникновенные стихи, но и преображает его духовно. С одной стороны, возвышенно полюбить и затем соответственно петь об этом может только достойный. С другой же — приобщение к миру куртуазии еще выше поднимает певца. Вот почему у некоторых поэтов более позднего периода, но целиком вышедших из школы куртуазной поэзии, происходит своеобразная «ангелизация» Дамы, совершенно утрачивающей не только материальные, но и чисто земные черты, а любовь к ней описывается в терминах религиозного служения. Прекрасную Даму подменяет Богоматерь, Мадонна. Этого совсем не было у ранних поэтов и почти не было у поэтов эпохи расцвета куртуазной лирики (то есть конца XI — первой половины XIII в.). Но возможность подобной трансформации облика возлюбленной была заложена в куртуазной концепции любви едва ли не изначально. Просто у наиболее оригинальных поэтов живое восприятие действительности и человеческих отношений неизменно торжествовало над весьма условным платонизмом.

Но образ Дамы на всем протяжении развития куртуазной поэзии лишен не просто бытовых примет, которые могли бы его снижать, но и каких бы то ни было индивидуальных черт. Дело не в том, что поэты старательно зашифровывают реальные приметы их действительных вдохновительниц (а такие, бесспорно, были), а в том, что образ этот растворяется в некоей идее красоты, благородства и мудрости. Вот почему любовь так могущественна и неодолима. Борьбаться с ней в своем сердце влюбленный не может: он целиком находится во власти своего чувства. Он воспринимает Даму как нечто стоящее бесконечно выше его. Его удел — любное служение, то есть выполнение всех капризов Дамы, воспевание ее красоты и добродетелей. Но также — бескомпромиссный уход в свое чувство, в интимнейший мир любовных переживаний, открытие в этом мире, а следовательно, и в себе самом, неожиданных душевных качеств и порывов. Любовь, Любовь с большой буквы, как некий огромный неизведанный мир и как верховное божество этого мира, — в концепции куртуазных поэтов — обладает неограниченным могуществом. И средневековые певцы любви не устают славить это божество, прибегая порой к смелым, но точным метафорам. Так, провансалец Бернарт де Вентадорн восклицает:

У любви есть дар высокий,
Колдовская сила,
Что зимой, в мороз жестокий,
Мне цветы взрастила.

(Перевод В. Дынник)

Однако куртуазный поэт, признавая верховную власть над ним его Дамы, может порой и посетовать на ее холодность, и упрекнуть ее в равнодушии (эти сетования и эти упреки очень скоро стали общим местом любовной поэзии Средневековья). Любовь дарит радость, но она — и жестокое

испытание, тяжелая болезнь, наваждение, от которого не может избавиться влюбленный. Радость любви неотделима от тяжелых переживаний. Они тоже — по-своему радость. Поэтому холодность и безразличие Дамы для поэта и его лирического героя необходимы, ибо именно они рождают во влюбленном многообразную гамму чувств. Казалось бы, здесь коренится глубокая противоречивость куртуазной лирики. Но не случайно противоречие это средневековыми поэтами, как правило, не бывало преодолено. Более того, на этом противоречии и держится внутренний конфликт стихотворения и всего куртуазного микрокосма в целом.

Как и в любой поэзии, в средневековой лирике много вымысла. Но коль скоро об этом говорилось ярко, убедительно, талантливо, то и над таким вымыслом можно было «обливаться слезами», прекрасно понимая, что перед тобой результаты условной поэтической игры. Действительно, в любовной лирике Средневековья было много от игры, но сквозь нее, бесспорно, прорывались истинные чувства.

Вокруг куртуазной поэзии сложилось немало увлекательных легенд, да и в самих ее законах и правилах было немало придуманного, измышленного. Поэтому до сих пор держатся некоторые поэтические предания, за которыми нет ничего, кроме прихотливой игры фантазии. Так, оказались легендой «суды любви», на которых якобы рассматривались всякие сложные «казусы» взаимоотношений поэта и его Дамы. Видимо, легендой было и то половое воздержание, о котором подчас упоминается в стихах средневековых поэтов: певец мечтает увидеть свою возлюбленную обнаженной, держать ее в объятиях, но не преступать последней черты. Что это? Условный поэтический язык, зашифрованный и двусмысленный, или странная прихоть ума? Видимо, и то и другое. Образный строй средневековой любовной лирики нередко нарочито сложен и прихотлив. О чувствах смутных и переменчивых и писать надо было непросто. Непросто в том смысле, что нужно было сказать свежо и ново, по-своему, о уже хорошо известном. Эпоха шаблонов. Средневековье все время демонстрирует нам смелое преодоление этих шаблонов. Это была увлекательная и адски трудная игра — быть оригинальным, оставаясь в рамках принятого архитектурного стиля или поэтической техники. Вот откуда эта неистощимая фантазия строителей соборов и дерзкая метафоричность поэтов.

Метафорой было и бескорыстное любовное «служение», и нехитрые чувственные радости. Все это нельзя понимать буквально, но также нельзя отдавать предпочтение какой-то одной стороне выражения любовного чувства средневековых поэтов. И само это чувство, и вся любовная лирика средних веков не были ни абсолютно платоническими, ни исключительно чувственными. Но платонические мотивы, тесно связанные с идеей возвышающей и одухотворяющей роли любви, бесспорно, занимали в этой поэзии очень большое место, отразившись в ее образном строе, ее аллгоризме.

Очень важно, что средневековые лирики самозабвенно устремились на поиски творческой оригинальности, на поиски собственного стиля. Художественный поиск был для них очень важен, и показательно, что по-провансальски и по-французски название куртуазного поэта (соответственно «трубадур» и «трувер») образовано от глагола «искать». Какой колоссальный рывок вперед сделали складывающиеся национальные языки благодаря усилиям поэтов! А какое разнообразие жанров, строфических и метрических форм вошло в это время в поэзию! Именно теперь впервые появляется рифма, и как разнообразна, богата и неожиданна бывала она подчас у того или другого поэта!

Средневековая любовная лирика просуществовала не менее двух веков

(потом пошло уже сплошное эпигонство). При том, что у нее были общие черты, о которых мы говорили, каждая национальная поэтическая школа обладала неповторимыми особенностями и на свой лад решала сходные задачи.

Раньше всего куртуазная лирика появилась на юге Франции, в Провансе.

* * *

Прованс на исходе XI столетия был краем богатым. Щедрая природа, близость моря, которое было основной торговой артерией средневекового мира, соседство с арабской Испанией — все это способствовало расцвету провансальских городов. Одной из особенностей феодализма в Провансе было то, что страна не имела единого центра и единой власти; она состояла из небольших герцогств, графств, баронств, имевших между собой подчас весьма запутанные вассальные связи. Многие феодалы жили поиросту в городах, и здесь не сложилось настойчивого противостояния культур «замка» и «города», хотя эти земли и были, конечно, покрыты плотной сетью феодальных жилищ-крепостей.

Если побудительные причины появления провансальской куртуазной лирики по существу те же, что и в других странах (о них мы уже говорили), то ее непосредственных источников, видимо, два. С одной стороны, это рано зародившийся фольклор, тесно связанный с календарной обрядностью. Вот почему в поэзии провансальцев так часты песенные и плясовые интонации, а также темы и мотивы, четко приуроченные к сменам времен года. С другой стороны, это арабская поэзия, в которой были весьма сильны идеализирующие тенденции, подхваченные поэтами Прованса. В арабо-испанской поэзии встречаются памятники, написанные на двух языках — арабском и романском. Это говорит как о постоянных литературных контактах, так и о устойчивом двуязычии, эти контакты облегчавшем и оправдывавшем. И потому не случайно мы находим у провансальских трубадуров не только мотивы и образы арабской любовной лирики, но и ее отдельные жанровые разновидности и строфические формы, сильно трансформированные, конечно. Что касается опыта античной поэзии и средневековой лирики на латинском языке, то их достижения почти не были использованы поэтами Прованса (тогда как в других странах их опыт оказал некоторое воздействие на становление и развитие куртуазной поэзии).

Основной, наиболее универсальной и емкой формой любовной лирики Прованса стала песня (кансона). Она оказалась пригодной и для восхваления возлюбленной, и для рассказа о могуществе любви, о ее зарождении в радостный майский день на фоне пробуждающейся природы, и для горьких сетований из-за холодности Дамы. В песнях же повествовалось о разлуке с любимой, о коварстве злых наушников и соглядатаев, о мрачной подозрительности ревнивого мужа. К песне был близок «плач» — стихотворение, в котором печаль поэта (впрочем, не всегда из-за несчастной любви) бывала передана с особой остротой и силой.

У провансальской поэзии была одна важная черта, которая указывает как на ее фольклорные истоки, так и на особенности бытования. Это ее диалогичность. В стихотворении часто звучит не один, а два голоса. То это поэт беседует с Дамой, просит ее о благосклонности, упрекает в безразличии и т. д., Дамы же отвечает ему, что-то обещает в будущем, сурово отказывает, иногда сама обращается с упреками, обвиняя поэта в легкомыслии, коварстве, в увлечении другими женщинами. А то перед нами беседа-спор двух

поэтов о достоинствах той или иной Дамы, о силе и благородстве чувства, о задачах и средствах поэзии и т. п. Подобные стихотворения сложились в специальную жанровую разновидность (тенсона) с четким чередованием реплик спорящих и соответствующей этому строфической организацией. Другая разновидность спора (так называемый партимен) требовала, чтобы начинающий диспут трубадур сразу же четко обозначил обсуждаемую тему. Очень распространена была альба — песня рассвета. Это был диалог возлюбленного с его другом или слугой, которые стояли на страже, пока поэт вел любовные беседы с Дамой. Они сообщали ему об опасности или напоминали, что наступает момент вынужденного расставания. Даже в обычной песне присутствовал диалогический элемент: нередко песня адресовалась, и Даме, и тому, кто должен был передать ей эти стихи. Поэтому такие песни заканчивались обращением к гонцу, другу, к самому божеству Любви, наконец, к некоему «Принцу», покровителю поэта и ценителю (или даже заказчику) его стихов (позднее на основе песен с концовкой-обращением сформировалась баллада).

Первым из известных нам трубадуров был герцог Гильем Аквитанский. Ранние его произведения относятся к концу XI в. Творческое наследие Гильема еще очень разношерстно и неровно: рядом с вполне куртуазными стихотворениями соседствуют песни, повествующие о любви, но очень далекие от смиренного поклонения Даме. В дальнейшем, у трубадуров следующего поколения, платоническая тенденция решительно побеждает. Так, легендарный Джауфре Рюдель выступает певцом «любви издалека», доводя тем самым эту тенденцию до логического конца: чтобы возвышенно любить и воспевать Даму, даже не надо видеть ее, вполне достаточно лишь услышать о ней восторженные рассказы. Однако платонизм очень скоро вызывает и реакцию: у некоторых поэтов, например, у знаменитого Бертрама де Борна, мы подчас встречаем ироническое и пародийное решение любовной темы.

В целом же у наиболее талантливых поэтов мы находим постоянную игру противоположными устремлениями — стремлением искренне рассказать о своем чувстве, которое далеко не всегда платонично, и старанием следовать определенной системе мышления и условной поэтической образности. Борьба этих разноречивых устремлений и составляет, быть может, одну из притягательных черт этой поэзии.

Точно так же и выбор художественных средств провансальской лирики отмечен постоянным столкновением противоречивых тенденций. Все трубадуры стремились писать изысканно, находить неожиданные метафоры, играть звонкими рифмами и звучными повторами. Но одни все-таки во главу угла ставили ясность и простоту поэтического слова, другие же настаивали на том, что поэзия, адресующаяся к немногим знатокам и призванная передать всю сложность и тонкость бушевающих влюбленного чувств, и по форме должна быть нарочито усложненной. Так постепенно сложились два направления, два стиля. Видимо, ни один крупный поэт не может быть безоговорочно отнесен к «ясной» или же к «темной» манере, хотя порой он, казалось бы, достаточно определенно заявлял о своем творческом кредо. Так, такие признанные мастера «темного» стиля, как Маркабрюн, Арнаут Даниэль, Раймбаут Оранский, подчас изъяснялись в своих стихах с прозрачной ясностью, а сторонник простоты Бернарт де Вентадорн прибегал к хитроумным метафорам.

Как бы примирением этих двух тенденций стала провозглашенная Пейре Овернским «изысканная манера», не отрицавшая необходимости смелого творческого поиска, но предостерегавшая от излишней формализации образного строя лирики.

Возникнув в конце XI столетия, достигнув вершин в следующем веке, поэзия трубадуров очень быстро устремилась к своему упадку.

Для этого были как внутренние, так и внешние причины. Устойчивость лирических тем и форм, при всем таланте поэтов и понимании ими того непреложного факта, что обновление в сфере творчества необходимо, не могла не привести к возникновению определенного поэтического канона, пользоваться которым было легко, но который лишал лирику неподдельной свежести и новизны. Во второй половине XIII в. еще создавались любовные кансоны по всем правилам «веселой науки» трубадуров, но более типично для этого времени было творчество Пейре Карденаля, сурового обличителя нравов, славившего любовь за то, что ему удалось от нее избавиться. Но значительно существеннее оказались причины внешние. Обеспокоенная расцветом в Провансе свободомыслия и в том числе ряда уравнилельных ересей, католическая церковь организовала в начале XIII в. крестовый поход в Прованс северофранцузских феодалов. Началась полоса опустошительных войн, и в пламени их погибла провансальская культура, которая, по словам Ф. Энгельса, «вызвала даже отблеск древнего эллинизма среди глубочайшего Средневековья»¹.

Но дело трубадуров не пропало. Уже в середине XII в. их опыт был подхвачен в сопредельных землях, прежде всего у их северных соседей, во Франции.

* * *

Большинство поэтов-трубадуров было не очень знатными рыцарями (впрочем, бывали и исключения; так, Серкамон был простым певцом-жонглером, Маркабрюн — безродным найденышем, Бернарт де Вентадорн — сыном истопника и т. д.). На севере на первых порах слагать любовные песни также стали рыцари средней руки, например, Гас Брюле или Ги Туротт (шатлен² де Куси). Но общая обстановка во Франции была совсем не такой, как в Провансе. На севере большее значение имели дворы крупных феодалов. Одним из таких дворов был, например, двор Альеноры Аквитанской, внучки первого провансальского трубадура Гильема Аквитанского и жены французского короля Людовика VII (а после развода с ним — английского короля Генриха II Плантагенета). Здесь, а также при дворах ее дочерей Марии Шампанской и Аэлисы Блуаской, охотно бывали и трубадуры (например, Бернарт де Вентадорн), и местные поэты, среди которых нередко встречались выходцы из городской среды, а также ученые клирики (например, Кретьен де Труа). А в следующем столетии куртуазных поэтов-горожан делается особенно много. Возникают уже чисто городские центры куртуазной поэзии. Таким в XIII в. становится, например, Аррас, где сочиняет плодовитый Адам де ла Аль и еще не один десяток стихотворцев. Но в городе же эта поэзия претерпевает и существенную трансформацию; так, в творчестве талантливейшего Рютбёфа (вторая половина XIII в.) куртуазная традиция получает уже даже не завершение, а решительное и полное переосмысление. Проникновенный лиризм этого поэта-парижанина носит уже совсем иной характер, начисто освобождаясь от куртуазных штампов.

В творчестве северофранцузских труверов культивируются примерно

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд., т. 5, с. 378.

² Шатлен — незнатный рыцарь, владеющий замком более знатного сеньора на определенных условиях.

те же жанры, что и у трубадуров, но здесь еще больший удельный вес принадлежит фольклорным традициям. Поэтому такой популярностью пользуются пастурели, песни полотна, песни о несчастном замужестве и др., где приметы повседневной жизни более ощутимы и не затушеваны куртуазной фразеологией.

Лишь очень немногие труверы целиком посвящали свое творчество лирическим жанрам и культивировали куртуазную концепцию любви (таким был, например, плодovitый Тибо Шампанский, знатный сеньор, правнук Альеноры Аквитанской). Большинство же труверов в разных жанрах и даже родах литературы: при северофранцузских феодальных дворах рядом с любовной лирикой пышно расцветает рыцарский роман, а в городах нарождается драматургия. И создают все это одни и те же поэты: так, Кретьен де Труа помимо нескольких любовных песен создал пять прославленных романов, а Адам де ла Аль кроме лирических стихотворений писал пьесы.

Жанровое многообразие поэзии труверов сказалось также в том, что у них широкое распространение получили песни крестовых походов, где традиции куртуазной лирики переплелись с лирикой описательной (отчасти бытовой) и религиозной. В этих песнях мотивы неизбежного расставания с капризной Дамой нередко сменяются сетованиями девушки, чей возлюбленный ушел в крестовый поход, а тема куртуазного служения переплетается с идеей участия в «правом» и богоугодном деле. Вообще в этих песнях конфликт приобретает совсем иной, чем у трубадуров и вообще в куртуазной лирике, характер. Здесь значительно меньше условной игры: реальная жизнь с ее подлинными сложностями и тревогами приходит на смену надуманным и стереотипным коллизиям.

Это вторжение в куртуазный мир дыхания живой действительности, подкрепляемое, в частности, тем, что лирические традиции оказываются подхваченными поэтами-горожанками, существенно преобразовывает любовную поэзию и, пожалуй, способствует ее более долгому существованию (традиции этой поэзии на французской почве, но в несколько иных условиях продолжают свое развитие в XIV и XV столетиях).

* * *

Сходными были становление и эволюция куртуазной лирики в немецких землях, где также сложилась — не без провансальского и французского влияния — своеобразная рыцарская культура. Первые произведения немецких поэтов-миннезингеров («певцов любви») появляются уже во второй половине XII в. И у них было очень сильно воздействие фольклора, уравновешивавшего куртуазные условности и сообщавшего их песням то незамысловатую лукавность, то задущевность.

Однако уже к концу XII столетия у немецких поэтов появляются несвойственная их романским собратьям меланхоличность, мотивы сердечной тоски и безысходной печали. Чувственный элемент совершенно изгоняется из их поэзии. Томление души и нескончаемые сетования становятся отличительной чертой лирики таких талантливых миннезингеров, как Фридрих фон Хаузен и Рейнмар фон Хагенау. У их менее способных последователей на это наслаиваются усиленные поиски в области формы, становящейся исключительно изысканной, но лишь внешне блестящей, внутренне же бездушной и пустой.

Поэтому великий поэт немецкого Средневековья Вальтер фон дер Фогельвейде, вначале верный ученик Рейнмара, в зрелом своем творчестве выступает как смелый новатор. Во-первых, он возвращает поэзию к ее

фольклорным истокам, во-вторых, отбрасывает меланхолический тон и изысканные иносказания и во весь голос славит как возвышенную любовь к недоступной Даме, так и чувство к простой крестьянской девушке, отвечающей ему ответным чувством, то есть любовь с точки зрения куртуазии «низкую». но, как полагал поэт, также бесконечно прекрасную и радостную.

Как и из среды труверов, из числа миннезингеров вышло несколько выдающихся авторов рыцарских романов (Генрих фон Фельдеке, Гартман фон Ауэ, Вольфрам фон Эшенбах), для которых их лирическое творчество, порой весьма обильное, все-таки оставалось на втором плане. Итак, немецкие поэты тоже работали в разных жанрах. Но в отличие от трубадуров и труверов у миннезингеров большую роль очень скоро начинает играть дидактическое начало. Этим оказывается отмечено не только творчество поэтов-горожан (а их среди миннезингеров, кстати говоря, на первых порах почти не было), но и поэтов-рыцарей. Даже такой тонкий и искренний лирик, как Вальтер фон дер Фогельвейде, охотно обращается к жанру шируха (короткое назидательное стихотворение).

Поэтому не случайно к середине XIII в. в область куртуазной лирики начинает вторгаться бюргерское начало. Поэты-горожане быстро осваивают опыт высокой куртуазной поэзии, используют ее формальные приемы и образный строй, но наполняют свои стихи самой бескрылой дидактикой и мелкими бытовыми подробностями. Попытки возродить былые идеалы куртуазии и петь бескорыстную любовь к далекой недоступной красавице (как, например, в творчестве Ульриха фон Лихтенштейна) выглядят уже в конце XIII в. смешным анахронизмом. К тому же у некоторых миннезингеров, даже у позднего Вальтера фон дер Фогельвейде, появляются спиритуалистическая трактовка любви (как пути к божественной мудрости) или покаянные мотивы, осуждающие любовь как чувство греховное, недостойное «добротного христианина».

Как и французские поэты-горожане, немецкие миннезингеры-бюргеры создавали свои городские «творческие объединения» (во Франции они назывались «пюи») и устраивали в определенные праздничные дни поэтические состязания. Но бюргерский дух, выразившийся в навязчивой дидактике и интересе к быту, а также религиозные мотивы лишили немецкую куртуазную лирику конца XIII и XIV в. ее основных достоинств — раскрытия глубокого и сложного любовного чувства, оказывающегося мощным созидательным началом, радостного восприятия жизни (ибо даже неразделенная любовь есть радость) и не менее радостного и восхищенного восприятия искусства.

***

Куртуазная любовная поэзия знала, конечно, своих талантливых представителей и в других странах (скажем, в Испании или Англии), но наибольших высот достигла в литературе Прованса, Франции и Германии. Именно у провансальцев учились молодой Данте и поэты его круга и возвышенному и тонкому пониманию любви, и владению поэтическим словом.

Дальнейшая история куртуазной лирики — это история ее воздействия, восприятия и изучения. Интерес к ней среди европейских поэтов последующих веков знал два счастливых момента. Один — это эпоха романтизма, когда образным строем этой лирики и в еще большей степени ее идеями увлеклись Вальтер Скотт, Виктор Гюго, Генрих Гейне и очень многие их современники. Другой — это эпоха символизма, вообще

период конца XIX — начала XX в. Мимо возвышенной рыцарской любви и рожденной ею поэзии не прошла и русская литература. Иногда с искренней увлеченностью, иногда же несколько иронически (подсмеиваясь над чрезмерным интересом ко всему средневековому) русские поэты воскрешали образы смелого рыцаря, бедного, но бесстрашного и верного, пускающегося в путь «для битвы честной и суровой», и его Прекрасной Дамы, вдохновительницы его мужественных свершений и любовных песен. И даже за ироническими интонациями нельзя не видеть восхищения этой старой поэзией, проникнутой идеалами бескорыстной любви, честности и благородства, не утратившими своего значения и много веков после того, как замолкли последние песни трубадуров, труверов и миннезингеров.

А. Д. МИХАЙЛОВ

ТРУБАДУРЫ

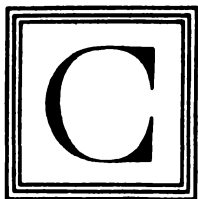
Составление О. СМОЛИЦКОЙ

Переводы со старопровансальского А. НАЙМАНА, С. БУНТМАНА,
В. ОРЛА, В. ДЫННИК, А. ПАРИНА

Гильем Аквитанский

1

ложу стихи я ни о чем,
Ни о себе, ни о другом,
Ни об учтивом, ни о том,
На что все падки:
Я их начну сквозь сон, верхом,
Взяв ритм лошадки.

Не знаю, под какой звездой
Рожден: ни добрый я, ни злой,
Ни всех любимец, ни изгой,
Но все в зачатке;
Я феей одарен ночной
В глухом распадке.

Не знаю, бодрствовал иль спал
Сейчас я, — кто бы мне сказал?
А что припадочным не стал,
Так все припадки
Смешней — свидетель Марциал! —
С мышонком схватки.

Я болен, чую смертный хлад,
Чем болен, мне не говорят,
Врача ищу я наугад,
Все их ухватки —
Вздор, коль меня не защитят
От лихорадки.

С подругой крепок наш союз,
Хоть я ее не видел, плюс
У нас с ней, в общем, разный вкус:

Я не в упадке:
Бегут нормандец и француз
Во все лопатки.

Ее не видел я в глаза
И хоть не против, но не за,
Пусть я не смыслю ни аза,
Но все в порядке
У той лишь, чья нежна краса
И речи сладки.

Стихи готовы — спрехвала
Другому сдам свои дела:
В Анжу пусть мчится как стрела
Он без оглядки,
Но прежде вынет из чехла
Ключ для разгадки.

2

Нежен новый сезон: кругом
Зеленеет лес, на своем
Языке слагает стихи
Всяк певец в листве, как ни мал;
Все проводят в веселье дни,
Человек же — всех больше шал.

Но оттуда, куда влеком,
Нет посланца с тайным письмом —
Ни взиграй душой, ни усни;
Та ль она, какую желал,
Не узнав, останусь в тени;
Прав ли я, пусть решит финал.

Беспокойной нашей любви
Ветвь боярышника сродни;
Нет листочка, чтоб не дрожал
Под холодным ночным дождем,
Но рассвет разольется ал —
И вся зелень вспыхнет огнем.

Так, однажды, в лучах зари
Мы закончить войну смогли,
И великий дар меня ждал:
Дав кольцо, пустила в свой дом;

Жизнь продли мне бог, я б держал
Руки лишь под ее плащом.

Мы с Соседом Милым близки,
А что разные языки —
Ничего: я такой избрал,
Что на нем речь льется ручьем;
О любви пусть кричит бахвал,
Мы ж разрежем кусок ножом.

3

О Друзья, для песни время настает,
Только смысла в ней никто не найдет,
Но зато любовь и младость праят строк коловорот.

Простофиля стих достойный не поймет,
Не заучит он его и не споеет —
Грустно петь тому, кто знает песни все наперечет.

Славно холью двух коней я круглый год,
В битве, в скачке их никто не превзойдет,
Но один к другому с миром ни за что не подойдет.

Примиривши их, не знал бы я забот —
Кто доспех и щит мой в битве понесет,
И скакал бы так, как птица вольный свой стремится полет.

Первый конь взращен средь горных высот,
С юных дней не знал уздечки он, и вот
Под скребницею моей он копытом гневно бьет.

Мой второй скакун оттуда род ведет,
Где за дальним Конфоленом Вьенн течет.
Кто ж коня милее сыщет, хоть полмира обойдет?

Встарь сказал его хозяину, что тот,
Кто такого скакуна себе возьмет,
Мне навек его оставит, им владея только год.

Кто, друзья, меня от гибели спасет?
Кто советом мне подскажет верный ход?
Меж Агнессой и Арсеной даму сердца избереет?

У меня в Жимеле замок и фео́д,
От Ниоля — всем на зависть доход;
Каждый мне принес присягу, каждый клятву мне дает.

4

О Дру́зья, наве́к утратил я поко́й:
Как мне спеть о горе дамы, что с мольбой
Просит защитить от стражей, посланных рукою злой.

Честь и совесть не закон им — звук пустой,
Был бы стражей тех любезней пес цепной —
Ведь когда один задремлет, даму стережет другой.

Так они ее неволят день-деньской:
Ступит шаг — они поднимут крик такой,
Будто праздный двор французский скачет шумною
толпой.

Я хочу вам, стражи, дать совет простой
(И словам моим не внемлет лишь глухой):
Не старайтесь понапрасну, не поможет вам разбой.

Я не видел в мире дамы молодой,
Что могли б сдержать засовы со скобой.
Если путь прямой заказан, путь найдет она кривой.

Кто вкусить не может пици дорогой,
Будет сыт и земляникою лесной;
В битве конь сойдет парадный, если болен боевой.

Друг разумный, согласишься ты со мной:
Коль беда придет, и сляжешь ты больной,
И вина добыть не сможешь, жажду утолишь водой.

Кто вина добыть не может — жажду утолит водой.

5

Я так оголодал, друзья мои, что вам
Я права песни петь и плакать не отдам,
Но знайте: подвигов своих я в песне не предам.

Я не люблю, когда в угоду старикам
По клеткам прячут птиц, а рыбок — по садкам,
И волю хвастуны дают болтливым языкам.

Кто первым некогда — скажи, о Боже, нам —
Решился кое-что зарешетить у дам?
Но птичку в клетку засадить — ведь это стыд и срам!

У птички этой свой закон, признаюсь вам:
Кто с ней неловок — тем она не по зубам,
Но птичка эта запоет, коль волю дать рукам.

Да, встряска так нужна всем дамским передкам,
Как вырубка нужна березкам и дубкам:
Срубил один дубок, гляди — теперь четыре там.

Хозяин — с прибылью. Он бродит по местам,
Где лес прореженный вновь вырастает сам.
Дубки валите — от того урона нет лесам.

Рубите больше — от того урона нет лесам.

6

Дано мне счастьем обладать,
Дано мне радость полюбить,
Но, чтобы радость не убить,
Порок я должен побеждать,
Во всем пороку угождать
И значит — радость погубить.

Не стану чваниться, болтать
И сам себе без меры льстить,
Но как другим не загрустить —
Им радости не испытать.
Под силу ей, как солнцу, встать
И в небе хмурым засветить.

Нам не дано ее понять:
Ее умом не охватить,
Ее в мечтах не воротить,
Ее желаньем не обнять,
А чтобы ей хвалу воздать
И года может не хватить.

Что этой радости под стать?
С кем мне любовь мою сравнить?
Тот должен голову склонить,
Кто жаждет перед ней предстать.
Ведь радость с нею испытать
Ценней, чем до ста лет прожить.

Под силу ей и жизнь отнять,
И снова к жизни воскресить,
И равнодушного взбесить,
И бешеного обуздать,
И неучтивца воспитать,
И дворянина искусить.

Второй такой не отыскать,
И, чтобы вместе с нею быть,
Решился я ее сокрыть
И с ней от старости бежать,
Чтобы душой не увядать
И чтобы плоть омолодить.

Ее любви готов я ждать,
И коль сумею победить,
Я рад ей буду угодить,
Ее красоты восхвалять
И по заслугам прославлять,
И по достоинствам судить.

Я ей стараюсь угождать,
Чтоб чем-нибудь не рассердить.
Но как мне робость победить
И о любви моей сказать?
Ведь если мне дано страдать,
То ей дано меня лечить.

7

Про то стихи сейчас сложу,
Про то спую, о чем тужу;
Любви я больше не служу —
Знай, Пуату и Лимузен.

В изгнанье отправляюсь я,
Тревог и страха не тая:

Война идет в мои края,
Лишенья сына ждут и плен.

Горька разлука с домом мне,
Мое именье Пуатье
Отдам Фольконовой семье,
Мой милый сын — его кузен.

Но, знаю, будет побежден
Гасконцем иль Анжуйцем он,
Коль не поможет ни Фолькон,
Ни тот, кто выделил мне лен.

Быть должен смел он и суров,
Когда покину я свой кров,
Но слаб он, юн и не готов
Жить средь насилья и измен.

Гнев на меня, мой друг, отринь!
И ты, Христос, прости! Аминь.
Смешав романский и латынь,
В моленье не встаю с колен.

Я Радость знал, любил я Бой,
Но — с Ними разлучен судьбой —
Взыскуя мира, пред Тобой,
Как грешник, я стою согбен.

Я весельчак был и не трус,
Но, с богом заключив союз,
Хочу тяжелый сбросить груз
В преддверье близких перемен.

Все оставляю, что любил:
Всю гордость рыцарства, весь пыл...
Да буду господу я мил,
Все остальное — только тлен.

Но вспомните, когда умру,
Друзья, на траурном пиру
То, как я весел был в миру —
Вдали, вблизи, средь этих стен.

Скитальца плащ с собой беру
Собольей мантии взамен.

Маркабрюн

1

Как-то раз на той неделе
Брел я настбищем без цели,
И глаза мои узрели
Вдруг пастушку, дочь мужлана:
На ногах чулки белели,
Шарф и вязанка на теле,
Плащ и шуба из барана.

Я приблизился. «Ужели,
Дева, — с губ слова слетели, —
Вас морозы одолели?»
«Нет, — сказала дочь мужлана, —
Бог с кормилицей хотели,
Чтобы я от злой метели
Становилась лишь румяна».

«Дева, — я казал, — отрада
Вы для рыцарского взгляда,
Как и крепкая ограда
Я для дочери мужлана;
Вы одна пасете стадо
Средь долин, терпя от града,
Ливня, ветра и бурана».

«Дон, — в ответ она, — измлада
Знаю я, чего мне надо;
Чары ваших слов — привада, —
Мне сказала дочь мужлана, —
Для таких, кто ценность клада
Видит в блеске лишь; услада
Их — вдыхать пары дурмана».

«Дева, вы милы, пригожи,
С дочерью сеньора схожи
Речью — иль к себе на ложе
Мать пустила не мужлана;
Но, увы, я девы строже
Вас не видел: как, о боже,
Выбратся мне из кашкана?»

«Дон, родня моя — ни кожи,
Если всмотритесь, ни рожи,
Их удел — кирка да вожжи, —
Мне сказала дочь мужлана, —
Но творить одно и то же
Каждый божий день — негоже
И для рыцарского сана».

«Дева, в вас видна порода,
Одарила вас природа,
Словно знатного вы рода,
А совсем не дочь мужлана;
Но присуща ль вам свобода?
Не хотите ль, будь вы подо
Мной, заняться делом рьяно?»

«Ваши речи полны меда,
Но, сеньор, такого рода
Кургуазность — ныне мода, —
Мне сказала дочь мужлана. —
Прячет ваш доход невзгоду.
Так что: ходу, дурень, ходу!
Иль вам кажется, что рано?»

«Дева, этот тон суровый,
Этот ваш ответ бредовой
Не пристал ничуть здоровой
Духом дочери мужлана;
Вежество пускай основой
Станет нам для дружбы новой
Без взаимного обмана».

«Дон, лишь вовсе безголовый
Соблазняет нас обновой —
Мил сеньор, служить готовый, —
Мне сказала дочь мужлана. —
Но за этот дар грошовый
Шлюхой числиться дешевой?!
Нет, наград не стоит рана!»

«Дева, связан мир рутиной —
Со своею половиной
Ищет встречи всяк: мужчиной
Я рожден, вы — дочь мужлана;

Мне теперь не луговиной,
Но влекущую пучиной
Эта кажется поляна».

«Дон, но следствие с причиной
Связано, дурь — с дурачиной,
Вежество — с учтивой миной,
И с мужланом — дочь мужлана;
Золотою серединой
Курс держать, борясь с судьбиной, —
Вот суть жизненного плана».

«Дева с благостной личиной,
Знать, за логикой змеиной
Вы не лезли в глубь кармана».

«Дон, тревожен крик совиный;
Тот — ждет манны; пред картиной
Этот — в позе истукана».

2

Начинаю без опаски
И, как водится, с завязки
Ладные на вид побаски:
— Разумей! —
Кто живет не по указке
Доблести — по мне, злодей.

Юность никнет, чахнет, тает,
А Любовь налог взимает
С тех, кто в плен к ней попадает:
— Разумей! —
Свой оброк издольщик знает,
И послушаться не смей.

Искоркой Любовь сначала
Тлеет в саже, от запала
Сушь займется сеновала:
— Разумей! —
И когда всего обстало
Пламя, гибнет ротозей.

Знаю я Любви повадки:
Здесь — радушье, там — загадки,
Здесь — лобзанья, там — припадки:
— Разумей! —

А начни играть с ней в прятки,
Станет линии прямой.

Прямо шла ее дорожка,
Ныне скривлена немножко,
Ну, а там заглохнет стежка:
— Разумей! —

Острым язычком, как кошка,
Лижет, чтоб куснуть верней.

Вынув мед из воска, может
Позабыть, чьи соты гложет;
Грушу чистит — не предложит:
— Разумей! —

Но, как лира, слух тревожит
Тем, кто хвост прищемит ей.

Заедино с чертом брешет
Тот, кто Лже-Амора тешит,
Кнут один бока им стешет:
— Разумей! —

Он — как тот, кто шкуру чешет,
Плоть сдирая до костей.

Род Любви куда как скромн,
Список жертв ее огромен,
Обольститель вероломен:
— Разумей! —

Сам мудрец рассудком темен
Выйдет из ее сетей.

Плюс — Любовь, сродни кобыле,
Хочет, чтоб за ней следили
И накручивали мили:
— Разумей! —

Тошь иль жирен, слаб иль в силе —
Все равно: скачи быстрее!

Мною взгляд ее испытан,
Вовсе слеп или косит он;

Ядом мед речей пропитан:
— Разумей! —
Пусть ужал ее засчитан
За пчелиный — жар сильней.

Кто свой путь по жизни свяжет
С женщиной — себя накажет,
То же и Писанье скажет:
— Разумей! —
Бремя бед на тех возляжет,
Кто не чтит прямых путей.

Маркабрюн отцом был зачат
Под звездой, чья воля значит,
Что Любовь, любя, дурачит:
— Разумей! —
Он себя от женщин прячет
И любовных чужд затей.

3

Близ родника, средь сада, где в
Тени белеющих дерев
Звучал ликующий напев,
Я, вешней свежестью дыша,
На пышную траву присев,
Узрел стройнейшую из дев,
Чей зов мне скрасил бы досуг.

Владельца замка дочь, она
Была здесь без друзей, одна;
Я, все, чем радостна весна,
Открыть прелестнице спеша,
Хотел сказать ей, как нежна
Листва и песня птиц звучна;
Она ж переменилась вдруг.

Пролились слезы, как родник,
И бедный вымолвил язык:
«О Иисус, сколь ты велик!
Тобой уязвлена душа:
Ты оскорблен был, но привык
Столь к поклонению, что вмиг
Находишь для отмщенья слуг.

Мой друг, чей благороден нрав,
Чей вид изыскан, величав
И смел, сейчас летит стремглав
К тебе, тем сердце мне круша;
Ах, знать, Людовик был не прав,
Их проповедью в бой подняв,
Коль мучит душу мне недуг».

Я, жалоб выслушав поток
Под лепет струй, сказал: «Упрек
Ваш лишь гневит напрасно рок;
Красавица, жизнь хороша;
От слез тускнеют краски щек;
Тот, кто в листву леса облек,
Избавить может вас от мук».

Она ответила: «Сеньор,
Я верю, будет не в укор
Мне этот хульный разговор:
«Бог, как от всех, кто жил греша,
В той жизни от меня свой взор
Не отвратит — но до тех пор
Как жить, когда далеко друг?»

Алегрет

* * *

Природа в распаде: стал сух
Поивший растенья родник,
Мутнеет окрестности лик,
Дым виснет в древесной сени;
Уныние застит блиставший взор
И пения птицы не ловит слух,
Как будто на мир напустили мор.

Хоть жив мой рассудок, но сух:
Хирея от низких интриг
Злой скаредности, он поник
В тени ее мрачной тени;
Скупцов не жжет ни мольба, ни укор:
Не будет плода, коль цветок пожух,
И честным не станет тот, кто хитер.

Пусть юн, но и вял он, и сух,
И жить в вожделенье привык,
И, в храбрости каясь, он сник,
И рот его в злобной пене;
Кто храбр только на́ день, увы, тот хвор:
Коль дело пошло, но к концу потух
Пыл благородный, весь замысел — вздор.

Скаредности характер сух:
Столь к злу в ней стремителен сдвиг,
Что Щедрость издать не успеет крик,
Как вся уж в крови и тлене;
Корыстолюбия большой напор
Чувствует тот, кто богат: чтобы вслух
«Да» не сказать, рот замкнул на запор.

Внешне и внутренне сух
Скаред в деле, но если пшик —
Дело, он обнаружит шик:
Платит ничем долг и пени;
Их тысячи — тех, чья участь позор,
Однако хранит благородный дух
Над Западом властвующий сеньор.

Ибо душой ни вял, ни сух
Самый храбрый из ста владык,
Многих он на подвиг подвиг,
Он щедр на лены, чужд лени;
Нет крепче, чем сердце его, опор;
Для Чести — пусть слышит всяк, кто не глух! —
Им Доблести предоставлен простор.

Вежества путь кремнист и сух,
Ибо спрос у мужей возник
На супруг, дефицит велик,
Плюс из-за измен при обмене
На лбу навек вырастает бугор:
Чаш слишком мало на столько питух,
Пьют из одной с обворованным вор.

Кончу стихи, язык их сух,
Но кто говорит, что он дик,
Тот сути его не постиг,
Ибо, песню словами пеня,
Изящных от грубых я вел отбор:
Пусть знает глупец, чей испорчен нюх,
Что Алегрет соблюдет договор.

Песнь, всем ответь, кто с тобой ищет спор,
Что слов таких знаешь ты больше двух,
Чьи смыслы друг с другом вступают в спор.

Серкамон

* * *

Ненастью наступил черед,
Нагих садов печален вид,
И редко птица запоет,
И стих мой жалобно звенит.
Да, в плен любовь меня взяла,
Но счастье не дала познать.

Любви напрасно сердце ждет,
И грудь мою тоска щемит!
Что более всего влечет,
То менее всего сулит,—
А мы за ним, не помня зла,
Опять стремимся и опять.

Затмила мне весь женский род
Та, что в душе моей царит.
При ней и слово с уст нейдет,
Меня смущенье цепенит,
А без нее на сердце мгла.
Безумец я, ни дать ни взять!

Всей прелестью своих красот
Меня другая не пленит,—
И если тьма на мир падет,
Его мне Донна осветит.
Дай бог дожить, чтоб снизошла
Она моей утехой стать!

Ни жив ни мертв я. Не грызет
Меня болезнь, а грудь болит.
Любовь — единый мой оплот,
Но от меня мой жребий скрыт,—
Лишь Донна бы сказать могла,
В нем гибель или благодать.

Наступит ночь, иль день придет,
Дрожу я, все во мне горит.
Страшусь открыться ей: вот-вот
Отказом буду я убит.
Чтоб все не разорить дотла,
Одно мне остается — ждать.

Мне б лучше сгнуться наперед,
Пока я не был с толку сбит.
Как улыбался нежный рот!
Как был заманчив Донны вид!
Затем ли стала мне мила,
Чтоб смертью за любовь воздать?

Томленье и мечты полет
Меня, безумца, веселит,
А Донна пусть меня клянет,
В глаза и за глаза бранит,—
За мукой радость бы пришла,
Лишь стоит Донне пожелать.

Я счастлив и среди невзгод,
Разлука ль, встреча ль предстоит.
Все от нее: велит — и вот
Уже я прощ иль сановит,
Речь холодна или тепла,
Готов я ждать иль прочь бежать.

Увы! А ведь она могла
Меня давно своим назвать!

Да, Серкамон, хоть доля зла,
Но долг твой — Донну прославлять.

Джауфре Рюдель

1

Длиннее дни, алей рассвет,
Нежнее пенье птицы дальней,
Май наступил — спешу я вслед
За сладостной любовью дальней.
Желаньем я раздавлен, смят,
И мне милее зимний хлад,
Чем пенье птиц и маки в поле.

Я верой в господу согрет —
И встречаюсь я с любовью дальней.
Но после блага жду я бед,
Ведь благо — это призрак дальний.
Стать пилигримом буду рад,
Чтоб на меня был брошен взгляд,
Прекраснейший в земной юдоли.

Услышать на мольбу в ответ
Жду, что готов приют мне дальний;
Я мог бы, если б не запрет,
Быть рядом с ней и в дали дальней;
Польются наши речи в лад
И близь и даль соединят,
Даря усладу после боли.

Печаль и радость тех бесед
Храню в разлуке с Дамой дальней,
Хотя и нет таких примет,
Что я отправлюсь в край тот дальний:
Меж нами тысячи лежат
Шагов, дорог, земель, преград...
Да будет все по божьей воле!

Даю безбрачия обет,
Коль не увижусь с Дамой дальней,
Ее милей и краше нет
Ни в ближней нам земле, ни в дальней.
Достоинств куртуазных клад
Сокрыт в ней — в честь ее я рад
У сарацинов жить в неволе.

С Творцом, создавшим тьму и свет,
Любви не позабывшим дальней,
Я в сердце заключил завет,
Чтоб дал свиданье с Дамой дальней,
Чтоб стали комната и сад
Роскошней каменных палат
Того, кто ныне на престоле.

Мой только тот правдив портрет,
Где я стремлюсь к любви дальней.
Сравню ль восторги всех побед
С усладою любви дальней?
Но стать горчайшей из утрат —
Ибо я крестным был заклят —
Ей предстоит. О злая доля!

О сладость горькая утрат!
Будь крестный мой врагом заклят!
Страсть без ответа — что за доля!

2

В час, когда разлив потока
Серебром струи блеснит,
И цветет шиповник скромный,
И раскаты соловья
Вдаль плывут волной широкой
По безлюдью рощи темной,
Пусть мои звучат напевы!

От тоски по вас, Далекой,
Сердце бедное болит.
Утешения никчемны,
Коль не увлечет меня
В сад, во мрак его глубокий,
Или же в покой укромный
Нежный ваш призыв, — но где вы?!

Взор заманчивый и томный
Сарацинки помню я,
Взор еврейки черноокой, —
Все Далекая затмит!
В муке счастье найдено мной:
Есть для страсти одинокой
Манна сладостной посева.

Хоть мечтою неумной
Страсть томит, тоску струя,
И без отдыха и срока
Боль жестокою дарит,
Шип вонзая вероломный, —
Но приемлю дар жестокий
Я без жалобы и гнева.

В песне этой незаемной —
Дар Гугону. Речь моя —
Стих романский без порока —
По стране пускай звучит.
В путь, Фильоль, сынок приемный!
С запада и до востока —
С песней странствуйте везде вы.

3

Песнь без напева как сложить?
Стихи без слов сложить сумеи!
Без рифмы даже чародей
Не сможет строфы завершить!
Зачин, чтоб всех заворожить:
Чем больше слушать, тем милей. Ей-ей!

Мне страстью вас не удивить
К той, что чужда душе моей.
Незримой для моих очей,
Лишь ей дано мне жизнь живить.
Удачу стану я ловить,
Хоть не пойму, что делать с ней. Ей-ей!

Я рад в огне любви гореть,
Хоть жар пронзает до костей.
Плоть все худее, все слабей,
Не знал, что можно боль терпеть,
При этом от блаженства млеть.
Кто так страдал в пылу страстей? Эй-эй!

Мне душу сладким сном не греть —
Я в снах спешу за край морей,
От сна не становлюсь бодрей —
Дух рвется к Даме улететь.

Нет утром сил на мир глядеть —
Все мне постыло, хоть убей! Ей-ей!

Нет, Даму мне не услаждать,
Любовных мне не ждать затей.
Увы, я мил не стану ей.
Та, что не в силах награждать
И нежной речью угождать,
Моих не осчастливит дней. Эй-эй!

Стиху красот не занимать,
Все складно в нем до мелочей.
Его запомни, но не смей
Слова калечить и ломать.
В Кабре и в Тулузе знать
Пусть слышит стих мой поскорей! Эй-эй!

Стиху дано о том вещать,
Что тронет души всех людей! Ей-ей!

Ригаут де Барбезьеу

1

На землю упавший слон
Поднимается опять,
Если крик вокруг поднять,—
Я, как слон, свалившись с ног,
Без подмоги встать не мог.
Такой проступок мною совершен
И так мне душу угнетает он,
Что двор Пюи осталось мне молить,
Где есть сердца, способные дружить:
Пусть к милосердию громко воззовут
И снова встать мне силы придадут.

Коль не буду я прощен,
Счастья мне уже не знать!
С песнями пора кончать,—
Спрячусь, грустен, одинок,
В самый дальний уголок.
Кто Донною сурово отстранен,
Тому вся жизнь — лишь труд, лишь тяжкий сон,
А радость может только огорчить:
Я не ручной медведь, чтоб все сносить,
Терпеть, когда тебя жестоко бьют,
Да и жиреть — коль есть тебе дают!

Может, мой услышав стон,
И простят меня, как знать?
Симон-маг Христу под стать
Вознестись хотел, но бог
Грозный дал ему урок:
Господней дланью тяжело поражен,
Был Симон-маг за дерзость посрамлен.
И я был тоже дерзок, может быть,
Но только тем, что я посмел любить.
Не по грехам бывает грозен суд,
Так-пусть со мной не столь он будет крут!

Впредь я скромности закон
Не осмелюсь нарушать.
Фениксом бы запылать,

Чтоб сгореть со мною мог
И болтливости порок!
Сгорю, самим собою осужден
За то, что чести наносил урон,
Восстану вновь — прощения молить
И Донны совершенство восхвалить,
Когда в ней милосердьи обретут
Те слезы, что из глаз моих бегут.

В путь посол мой снаряжен —
Эта песня! Ей звучать
Там, где я не смел предстать,
Каяться у милых ног —
И в очах читать упрек.

Два года я от Донны отлучен.
В слезах спешу к Вам, Лучшая из Донн,—
Вот так олень во всю несется прыть
Туда, где меч готов его сразить.
Ужель меня одни лишь муки ждут?
Ужель чужим я стал навеки тут?

2

Жил в старину Персеваль,—
Изведал вполне я
Сам Персеваля удел:
Тот с изумленьем глядел,
Робко немея,
На оружия сталь,
На священный Грааль,—
Так, при Донне смущеньем объят,
Только взгляд
Устремляю вослед
Лучшей из Донн,— ей соперницы нет.

Врезано в сердца скрижаль
Свидание с нею:
Взор меня лаской согрел,
Я оробел, онемел,—
Этим себе я
Заслужил лишь печаль
И сомненье, едва ль
Я других удостоюсь наград.

Но стократ
Муки прожитых лет
Сладостней радостей легких побед.

Ласкова речь ваша, — жаль,
Душа холоднее!
Иначе я бы посмел
Верить — не зря пламенел
Молча, робея:
И без слов не пора ль
Знать, как тягостна даль
Для того, кто, любовью богат,
Вспомнить рад
Хоть ваш первый привет,
Хоть упования обманчивый бред.

В небе найдется звезда ль,
Что солнца яснее?
Вот я и Донну воспел
Как совершенства предел!
Краше, милее
Мы видали когда ль?
Очи, словно хрусталь,
Лучезарной игрою манят
И струят
Мне забвение бед,
Тяжких обид и печальных замет.

Жизнь не зовет меня вдаль,
Всего мне нужнее
Сердцу любезный предел,
Все бы дары я презрел, —
Знать бы скорее:
Милость будет дана ль,
Гибель мне суждена ль?

Если буду могилою взят
Пусть винят —
Вот мой горький завет! —
Вас, моя Донна, очей моих свет!

Старость умом не славна ль?
Вы старцев мудрее.
Юный и весел и смел,

Все бы резвился и пел,—
Вы веселее!
Юность в вас не мудра ль?
Мудрость в вас не юна ль?
Блеск и славу они вам дарят,
Говорят,
Покоряя весь свет,
Как совершенен ваш юный расцвет.

Донна! Муки мне сердце томят,
Но сулят,
Что исчезнет их след:
Милость приходит на верность в ответ.

Бернарт де Вентадорн

1

✓ Коль не от сердца песнь идет,
Она не стоит ни гроша,
А сердце песни не споет,
✓ Любви не зная совершенной.
Мои кансоны вдохновенны —
✓ Любовью у меня горят
И сердце, и уста, и взгляд.

Готов ручаться наперед:
Не буду, пыл свой заглуша,
Забыв, куда мечта зовет,
✓ Стремиться лишь к награде брэнной!
Любви взыскую неизменной,
Любовь страданья укрепят,
Я им, как наслажденью, рад.

Иной такое наплетет,
Во всем любовь винить спеша!
✓ Знать, никогда ее высот
Не достигал глупец презренный.
Коль любят не самозабвенно,
А ради ласки иль наград,
То сами лжелюбви хотят.

Сказать ли правду вам? Так вот:
✓ Искательница барыша,
Что наслажденья продает, —
Уж та обманет непременно.
Увы, вздыхаю откровенно,
Мой суд пускай и грубоват,
Во лжи меня не обвинят.

Любовь преграды все сметет:
Коль у двоих — одна душа.
Взаимностью любовь живет,
Не может тут служить заменой
Подарок самый драгоценный!
Ведь глупо же искать услад
У той, кому они претят!

С надеждой я гляжу вперед,
Любовью нежной к той дыша,
Кто чистою красой цветет,
✓ К той, благородной, ненадменной,
Кем взят из участи смиренной,
Чье совершенство, говорят,
И короли повсюду чтят.

Ничто сильнее не влечет
Меня, певца и голыша,
Как ожиданье, что пошлет
Она мне взгляд проникновенный.
Жду этой радости священной,
Но промедленья так томят,
Как будто дни длинней стократ.

Лишь у того стихи отменны,
Кто, тонким мастерством богат,
Взыскует и любви отрад.

✓ Бернарт и мастерством богат,
Взыскует и любви отрад.

2

✓ Любовь не дает мне вздохнуть,
Томит мое сердце тоской,
А прочь не направлю свой путь:
Удержит всеильной рукой.
Лишь к Донне стремленье она
В сердце моем сохранила,—
Та б королей покорила,
Над тронами вознесена.

✓ Увы, навсегда позабудь,
Бедняга, про мир и покой.
Подал бы совет кто-нибудь,
Где взять мне отваги такой,
Что всю бы до самого дна
Боль мою Донне открыла?
Глупый! В отваге ли сила,
Коль Донна к тебе холодна!

Не смею уста разомкнуть,
Смущенный ее красотой,
И ей намекнуть хоть чуть-чуть,
Что гибну и кто здесь виной.
Нет, речь моя будет темна,
Да и замолкнет уныло,
Будь мне хотя б не могила —
Испания послена!

Тоски моей тайная суть
От Донны скрывается мной.
Словцо ей об этом ввернуть
Захочет ходатай иной —
Мне помощь его не нужна:
Гибнуть за милую — мило,
Так мне любовь возвестила —
Пусть ляжет на Донну вина!

Ужель не виновна ничуть
Она пред любовью немой?
Как пламя терзает мне грудь,
Пора б догадаться самой!
Любовь моя сразу видна:
В дурня меня превратила,
Даже и речи лишила, —
Примета ужель не ясна?

А Донне ко мне обернуть
Случится ли взор свой живой —
Способен он тотчас вернуть
Душе моей свет и покой.
И столь моя радость полна,
Все бы другие затмила,
Если бы Донна продлила
Мгновенья счастливого сна.

К ней песня найдет ли свой путь?
Некстати здесь голос чужой,
А вслух не решусь помянуть
Я то, что напето душой.
Но Донна читать письмена,
Помнится, очень любила, —
Все, что любовь начертила,
Пускай прочитает одна.

✓ Любовь ей моя не нужна, —
Жалость! Хоть ты бы внушила,
Чтобы она возвратила
Мне дружных бесед времена.

3

✓ Хотелось песен вам, —
Я песни петь готов,
Да с плачем пополам
В них каждый из стихов.
Петь нелегко певцам,
Коль Донны нрав суров,
Но я-то слышал сам
От Донны и без слов
Ответный сердца зов.

✓ Хваленце небесам,
Всевышний с облаков,
В подмогу всем мечтам,
Послал мне свой покров!
Но лишь по временам
С подругой светлых снов
Дано встречаться нам:
Далек он, милой кров,
А нет и нет гонцов!

Да мой восторг таков,
Что, где б я ни бывал,
Пускай хоть вой и рев
Вокруг забушевал,
Я б криков крикунов
Совсем не примечал:
За тридевять холмов
Меня б восторг умчал —
Там ждет мечту причал.

мелко

✓ Все ж без твоих даров,
Любовь, я захворал, —
Но вместо докторов
✓ Одну б тебя призвал:
Опять бы свеж и нов
Мне целый мир предстал,
Коль с Донны сняв покров,

Во мраке я б дерзал
Испить любви фиал!

Я помощи искал,
Но помощь не идет.
О боже, слишком мал
Моим отрадам счет!
Но пусть любви накал
Все более растет:
Кто дольше счастья ждал,
Тот больше и берет,
Когда придет черед.

✓ Я, Донна, так страдал!
Ужели и вперед
Не вымолит вассал
У вас любви щедрот?
↘ Хотя б тайком послал
Улыбку нежный рот!
Иль вам немил я стал?
Иль случай не придет?
Тяжел сомнений гнет...

✓ Оруженосца звал
Уже я в свой поход.—
Зачем бродить вразброд?

✓ Я с ним бы в путь собрал
Любезный нам народ.
Магнит меня поймет.

4

Залился в роще соловей,
И, нежной трелью пробужден,
Я позабыл покой и сон —
Сменяет их волшебный бред,
И песнь моя в тиши ночной
Плывет широкою волной,—
Я для любви рожден на свет.

Ни в ком, поверьте, из людей
Всех стран земных и всех времен

Так ярко не бывал зажжен
Играющий, веселый свет
Любви и радости живой,—
И жалок мне своей судьбой
Любой заядлый сердцеед!

Кто милой Донною моей
Еще в восторг не приведен?
Стройнее и прекрасней донн
На свете не было и нет. ✓
Не хватит жизни никакой
Воспеть и взор ее живой,
И прелесть тонкую бесед.

Вот я сижу среди друзей —
Хоть шум и смех со всех сторон,
Далеко взор мой устремлен
✓ Привычным помыслам вослед.
От Донны — вести никакой,
Но сам проникну к ней в покой
В мечтах: недаром я поэт!

Пошел я, Донна, с давних дней
За вами в сладостный полон,
Вы — мой сеньор, вы — мой барон,
✓ Я дал вам верности обет.
Ваш милый облик молодой
Моей любовью и мечтой
Овеян до скончанья лет.

Но тем разлука тяжелей...
Взывают к вам из тех сторон,
Где столь от вас я отдален:
Коль снял король бы свой запрет,
Я был бы скромностью самой!
Я только с нежностью немой
Вас охранять хочу от бед.

Сбирайся в путь, посланец мой!
✓ Нормандской королеве спой
Все эти строки, друг Гюгет!

Нет, не вернусь я, милые друзья,
 В наш Вентадорн: она ко мне сурова.
 Там ждал любви — и ждал напрасно я,
 Мне не дожидаться жребия иного!
 ✓ Люблю ее — то вся вина моя,
 И вот я изгнан в дальние края,
 Лишенный прежних милостей и крова.

Как рыбку мчит игривая струя
 К приманке злой — на смерть — со дна морского,
 ✓ Так устремила и любовь меня
 Туда, где гибель мне была готова.
 ✓ Не уберег я сердца от огня,
 И пламя жжет сильнее день ото дня,
 И не вернуть беспечного былого.

Но я любви не удивлюсь моей, —
 Кто Донну знал, все для того понятно:
 На целом свете не сыскать милей
 Красавицы приветливой и статной.
 Она добра, и нет ее нежней, —
 Со мной одним она строга, пред ней
 Робею, что-то бормоча невнятно.

Слуга и друг, в покорности своей
 Я лишь гневил ее неоднократно
 Своей любовью, — но любви цепей,
 Покуда жив, я не отдам обратно!
 ✓ Легко сказать: с другою преусней, —
 Но я чуждаюсь этаких затей,
 Хоть можно все изобразить превратно.

Да, я любезен с каждою иной —
 Готов отдать ей все, что пожелала,
 И лишь любовь я посвятил одной, —
 Все прочее так бесконечно мало.
 Зачем же Донна так строга со мной?
 Зачем меня услала с глаз долой?
 Ах, ждать любви душа моя устала!

Я шлю в Прованс привет далекий мой,
 В него вложил я и любви немало.

Считайте чудом щедрым дар такой:
Меня любовью жизнь не наделяла,
Лишь обольщала хитрою игрой,—
✓ Овернец, правда, ласков был порой,
✓ Очей Отрада тоже обласкала.

✓ Очей Отрада! Случай мой чудной,
✓ Все чудеса — затмили вы собой,
Вы, чья краса столь чудно воссияла!

6

Не нужен мне солнечный свет!
Зачем его луч золотой?
Я радости полон иной:
Ярче небесного света
В сердце заря золотая,—
Вот моя радость иная.
Всех звонче я нынче запел:
Сердце любовью запело.

И снег — муравую одет,
И в зелени этой живой
Пестреет узор луговой.
Светом надежды одета,
В майском тепле оживая,
Манит краса луговая.
О, как бы любви я хотел,
Только бы Донна хотела!

Но вот уже зреет навет
Завистливой своры людской,
Он — недруг любви молодой.
Ложью, коварством навета
✓ Злоба нас губит людская.
✓ Бойся, любовь молодая:
✓ Прodelки злокозненных дел
Губят любовь то и дело.

Где низким наветам запрет?
Наветчик — разведчик лихой.
✓ Но пусть, и бесстыдный, и злой,
Мне он вредит без запрета,
Ждет его участь лихая —

Зависть мучает злая,
Коль счастье, что гнать он посмел,
Донна подарит мне смело!

А любит ли Донна в ответ?
Терзаюсь я мукой ночной,
Томлюсь я досадой дневной,—
Но и в любви без ответа
Теснит нас мука ночная,
Тешит досада дневная.

✓

И есть ли для счастья предел,
Если любить без предела!

Пейре — Бернарт де Вентадорн

* * *

— Мой славный Бернарт, неужель
Расстались вы с песней своей?
А в роще меж тем соловей
Выводит победную трель,
Страстно и самозабвенно
Ликуя в полуночный час.
В любви превосходит он вас!

— Мне, Пейре, покой и постель
Рулад соловьиных милей.
Душе опостыли моей
Несчастной любви канитель,
Цепи любовного плена.
Уж я отбезумствовал раз,
Постигнув любовь без прикрас.

— Бернарт, перестаньте, мой друг,
Бесстыдно любовь порицать.
Она заставляет страдать,
Но в мире нет сладостней мук,
Ранит любовь и врачует.
В ней — счастье великое нам,
Пускай и с тоской пополам.

— Эх, Пейре, вот стали бы вдруг
Любви у нас донны искать,
Чтоб нам их владыками стать
Из прежних безропотных слуг!
Где уж! Три года минует,
Как мог убедиться я сам:
Не сбыться сим дерзким мечтам!

— Бернарт! Что валять дурака!
Любовь — вот исток наших сил!
Ужели бы жатвы решил
Я ждать от сухого песка!
В мире такой уж порядок:
Положено донну любить,
А донне — к любви снисходить.

— Мне, Пейре, и память горька
О том, как я нежно любил,—
Так донной обижен я был,
Такая на сердце тоска!

Донны коварных повадок
Вовек не могу я простить.
Ловка она за нос водить.

— Полно, Бернарт мой! Нападок
Умерьте безумную пруть.
Любовь нам положено чтить.

— Пейре, мой жребий несладок,
Коварную мне не забыть —
Так как же безумным не быть!

Пейре Овернский

1

Короток день и ночь длинна,
Воздух час от часу темней;
Будь же, мысль моя, зелена
И плодами отяжелей!
Прозрачны дубы, в ветвях ни листа,
Холод и снег, не огласится дол
Пением соловья, сойки, клеста.

Но надежда мне все ж видна
В дальней и злой любви моей:
Вставать одному с ложа сна
Горько тому, кто верен ей;
Радость должна быть в любви разлита,
Друг она тем, кто тоску поборол,
И тех бежит, в чьих сердцах темнота.

Мне ль не знать, что любовь вольна
И толстить, и худить людей:
Тем — полезна, этим — вредна,
Этот — смейся, тот — слезы лей;
Дар любви — ничим другим не чета:
Не так желанен шотландский престол
Мне был бы, как от нее — нищета.

Мною проиграна война,
Ибо можно ли быть правей
Той, кем доблесть обновлена?
В ней источник моих скорбей;
Прикажет молчать — не открою рта,
И то боясь потерять, что нашел.
Забиться бы — так гнетет маета.

Но стань ко мне Дама нежна
В меру учтивости своей,
Буду вознагражден сполна
За лишения этих дней;
Ни лесь не мила мне, ни суета:
Не как влюбленный себя я повел,
Но ждать признанья готов лет до ста.

Коль достоинств ее казна
Всех сокровищ мира ценней,

То, приблизься ко мне она,
Стану первым из богачей;
Зато, в роли нищего иль шута
Прежде не быв, мог бы смешон и гол
Стать — по мановенью ее перста.

В ней с весельем совмещена
Сладость куртуазных затей;
Радостью сверходарена,
Властелинов она славней;
Слуги ее — вежество и красота:
Урожай служенья любви тяжел,
Сама же любовь, как снега, чиста.

Я верю, нельзя покидать места,
Где больше, чем Францию, ты обрел,
Когда молвили «да» ее уста.

Аудрик, песня Овернца проста:
Претят ему те, кто в любви отцвел,
Как пышный бутон, чья завязь пуста.

2

Трубадуров прославить я рад,
Что поют и не в склад и не в лад,
Каждый пеньем своим опьянен,
Будто сто свинопасов галдят:
Самый лучший ответит навряд,
Взят высокий иль низкий им тон.

О любви своей песню Роджьер
На ужасный заводит манер —
Первым будет он мной обвинен;
В церковь лучше б ходил, малOVER,
И тянул бы псалмы, например,
И тарашил глаза на амвон.

И похож Гираут, его друг,
На иссушенный солнцем бурдюк,
Вместо пенья — бурчанье и стон,
Дребезжание, скрежет и стук;
Кто за самый пленительный звук
Грош заплатит — потеряет урон.

Третий — де Вентадорн, старый шут,
Втрое тоньше он, чем Гираут,
И отец его вооружен
Саблей крепкой, как ивовый прут,
Мать же чистит овечий закут
И за хворостом ходит на склон.

Лимузинец из Бривы — жонглер,
Попрошайка, зато хоть не вор,
К итальянцам ходил на поклон;
Пой, паломник, тyani до тех пор
И так жалобно, будто ты хвор,
Пока слух мой не станет смягчен.

Пятый — достопочтенный Гильем,
Так ли, сяк ли судить — плох совсем,
Он поет, а меня клонит в сон,
Лучше, если б родился он нем,
У дворяги — и то больше тем,
А глаза взял у статуи он.

И шестой — Гриомар Гаузмар,
Рыцарь умер в нем, жив лишь фигляр;
Благодетель не больно умен:
Эти платья отдав ему в дар,
Все равно что их бросил в пожар,
Ведь фигляров таких миллион.

Обокраден Мондзовец Пейре,
Приживал при тулузском дворе, —
В этом есть куртуазный резон;
Но помог бы стихам и игре,
Срежь ловкач не кошель на шнуре,
А другой — что меж ног прикреплен.

Украшает восьмерку бродяг
Вымогатель Бернарт де Сайссак,
Вновь в дверях он, а выгнан был вон;
В ту минуту, как де Кардальяк
Старый плащ ему отдал за так,
Де Сайссак мной на свалку снесен.

А девятый — хвастун Раймбаут
С важным видом уже тут как тут,

А по мне, этот мэтр — пустозвон,
Жжет его сочинительства зуд,
С жаром точно таким же поют
Те, что наняты для похорон.

И десятый — Эбле де Санья,
Он скулит, словно пес от битья,
Женолюб, пострадавший от жен;
Груб, напыщен, и слыхивал я,
Что, где больше еды и питья,
Предается он той из сторон.

Ратным подвигам храбрый Руис
С давних пор предпочтя вокализ,
Ждет для рыцарства лучших времен;
Погнут шлем, меч без дела повис —
Мог тогда только выиграть приз,
Когда в бегство бывал обращен.

И последний — Ломбардец-старик,
Только в трусости он и велик;
Применять заграничный фасон
В сочинении песен привык,
И хоть люди ломают язык,
Сладкопевцем он был наречен.

А про Пейре Овернца молва,
Что он всех трубадуров глава
И слагатель сладчайших кансон;
Что ж, молва абсолютно права,
Разве что должен быть лишь едва
Смысл его темных строк прояснен.

Пел со смехом я эти слова,
Под волынку мотив сочинен.

Раймбаут Оранский

1

Я совет влюбленным подам,
Но забочусь не о своем,
Ибо к лести глух и хвалам,
Касательно ж собственных драм
Не обмолвлюсь сам ни словцом;
И солгать не даст мне Amor,
Что слугою был верным самым
Я ему, служаая дамам.

Воздыхателям-простакам
Сложный курс науки о том,
Как любимым стать, преподам,
Чтоб, внимая моим словам,
К цели шли они прямоком;
Вздернут будь или брошен в костер
Тот, кто речь мою глушит гамом!
Всяк учись по моим программам!

Те владеют сердцами дам,
Тех любезный встретит прием,
Кто сумеет дерзким речам
Дать отпор, то бишь по зубам
Дать как следует кулаком;
Угрожая, не бойтесь ссор!
С несговорчивой — будьте хамом!
Благо кроется в зле упрямом.

Чтобы путь проложить к сердцам
Лучших, действуйте только злом:
Дайте волю дурным словам,
Грубым песням и похвальбам;
Чтите худших; вводите в дом
Тех, чей всем известен позор,—
Словом, дом свой покройте срамом,
Чтоб не стал кораблем иль храмом.

Этим следуя образцам,
Преуспеете! Я ж в другом
Плане действую, ибо там,
Где лукавите вы, я прям,

Мягко, верен, честью ведом,
Вижу в женщинах лишь сестер —
И... подобным увлекшись хламом,
Я приблизился к страшным ямам.

Вы избегнете этих ям,
Но, поняв, что я стал глупцом,
По моим найдите следам,
Поступайте же, как я вам
Заповедал, не то потом
Чувство вас возьмет на измор;
Да и я наглецом упрямым
В дом приду к самым милым дамам.

Выдам всем сестрам по серьгам,
Ибо я с тех пор не влеком
Ни к которой, увы, из дам,
Как Мой Перстень наделся сам
Мне на палец... Молчи о том,
Мой язык! Не суйся! Позер
Жизнь кончает увенчан срамом!
Нет во мне пристрастья к рекламам.

Это знает Милый Жонглер —
Та, что мне не пометит шрамом
Сердца, ибо не склонна к драмам.

Ей пошлю стихи — курс тем самым
На родной мой Родес задам им.

2

Сеньоры, вряд ли кто поймет
То, что сейчас я петь начну,
Не сирвентес, не эстрибот,
Не то, что пели в старину,
И мне неведом поворот,
В который под конец сверну,

чтобы сочинить то, чего никто никогда не видел сочиненным
ни мужчиной, ни женщиной, ни в этом веке, ни в каком
прошедшем.

Безумным всяк меня зовет,
Но, петь начав, не премину

В своих желаньях дать отчет,
Не ставьте это мне в вину;
Ценней всех песенных красот —
Хоть мельком видеть ту одну.

И могу сказать почему: потому что, начини я для вас это и не доведи дело до конца, вы решили бы, что я безумец: ибо я предпочту один сол в кулаке, чем тысячу солнц в небе.

Я не боюсь теперь невзгод,
Мой друг, и рока не кляню,
И, если помощь не придет, —
На друга косо не взгляну.
Тем никакой не страшен гнет,
Кто проиграл, как я, войну.

Все это я говорю из-за Дамы, которая прекрасными речами и долгими проволочками заставила меня тосковать, не знаю зачем. Может ли быть мне хорошо, сеньоры?

Века минули, а не год
С тех пор, как я пошел ко дну,
Узнав, что то она дает,
За что я всю отдам казну.
Я жду обещанных щедрот,
Вы ж сердце держите в плену.

Господи, помилуй! In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti!
Дама, да что же это получается?

Вы — бед и радостей оплот,
Я песню ради вас тяну;
Еще с тремя мне не везет —
Вас четверо на всю страну;
Я — спятивший жонглер, я — тот,
Кем трогаете вы струну.

Дама, можете поступать как вам угодно, хоть как госпожа Айма со своей рукой, которую она кладет, куда ей нравится.

«Не-знамо-что» к концу идет —
Так это окрестить рискну;
Не знаю, точен ли расчет
И верно ль выбрал я длину;

Мне вторящий — пускай найдет
Здесь сладостную новизну;

если же его спросят, кто это сочинил, он может сказать, что тот, кто способен все делать хорошо, когда захочет.

3

Светлый цветок перевернут,
Он на холмах и на скалах
Вырос под мертвые трели
Среди оголенных прутьев;
Зимний цветок — это наледь,
Может кусаться и жалить,
Но зелень моя весела
При виде увядшего зла.

Все в мире перевернул я,
Стали долиною скалы,
Гром отзывается трелью;
Покрылись листьями прутья,
Цветком прикинулась наледь,
Стуже — тепла не ужалить,
И так моя жизнь весела,
Что больше не вижу я зла.

Люди, чей мир перевернут
(Будто росли они в скалах),
Могут унять свои трели
Лишь под угрозой прутьев,
Мутны их речи, как наледь,
Каждый привык только жалить,
Тем больше их жизнь весела,
Чем больше в ней сделано зла.

И вас бы перевернул я,
Целуя, — пусть видят скалы!
Для вас рассыпаюсь трелью,
Хоть взор ваш — хлесткие прутья.
Не могут ни снег, ни наледь
Больней, чем бессилье, жалить;
Что ж, доля не весела,
Но к вам не питаю я зла.

Я словно был перевернут,
Блуждая в полях и скалах;
Меня не трогали трели,
Как школьника — связка прутьев;
Я горевал, будто наледь
Стала и впрямь меня жалить,
Но жизнь — видит бог — весела,
Хоть лжец и принес много зла.

Так песню перевернул я,
Что ей не преграда скалы;
Пусть зазвонит она трелью,
Пусть зацветут ее прутья,
Пред Дамой моей — пусть наледь,
Подтаяв, не станет жалить,
Хорошая песнь — весела,
Затем что чурается зла.

О Дама, любовь весела,
И тщетны усилия зла.

Не так уж душа весела,
Жонглер, и хула моя — зла.

Гираут де Борнель

1

- Увы мне! — Что с тобою, друг?
— Умру от мук!
— А чья вина?
— Она со мною холодна,
Забыла первый свой привет.
— В том вся причина? Да иль нет?
— Да, да!
— Ты любишь? В чем же тут беда?
— Люблю, да как!
— И сильно мучишься, чудак?
— Всех мук моих не описать.
— Так надобно смелее стать.
- Пугаюсь! Робость — мой недуг.
— К чему испуг?
— А вдруг она
Не любит? — Грусть твоя смешна:
Сначала получи ответ.
— Но мне со страхом сладу нет.
— Всегда?
— Лишь перед нею. — Ну, тогда
Ты сам свой враг.
Ужель любви страшишься так?
— Нет, но боюсь о ней сказать.
— Тогда надежды все утрать!
- Подать совет ты мог бы мне?
— Могу вполне.
— Ну, и какой?
— На глупый страх махнуть рукой
И объясниться напрямик.
— Боюсь, она прогонит вмиг!
— И что ж?
— Да как такой позор снесешь?
— Стерпи его:
В терпенье — страсти торжество.
— Но у нее ревнивый муж.
— А хитрость женская к чему ж?

— Найду ль сообщницу в жене?
— Наедине
Она с тобой
Обсудит все.— То сон пустой!
— Он сбудется.— О, сладкий миг!
— Ты смелостью всего б достиг.
— Хорош
Твой план, не то ведь пропадешь.
— Он для того,
Кто выше страха своего.
— В надежде — сила нежных душ.
— Смотри же, плана не нарушь!

— Да я бы действовать готов...
Не хватит слов!
— Пора найти.
— Тут нужно тонкость соблюсти.
— Но что же ты, совсем немой?
— Немой лишь перед ней самой.
— Смущен?
— Уверенности я лишен.
— Любви венец
Так потеряешь ты вконец!
— Нет, план мой тверд.— Так исполняй,
Блажь на себя не нагоняй.

Уныл конец
Для унывающих сердец.
Тебе б хороший нагоняй!
Теперь хоть время нагоняй.

— Я наконец
Закон любви постиг, простец:
Мелькнет удача — нагоняй,
Упустишь — на себя пеняй!

2

«Друг милый Аламанда, как в тумане,
Я обращаюсь к вам, узнав о плане
Сеньоры вашей, что, меня тираня,
Жила и вот сейчас стоит на грани
Злодейства, ибо ею же в обмане
Я обвинен:

Уверен, что в неравной этой брани
Останусь побежден».

«Гираут, ради бога, чем заране
Сдаваться, меры приняли б к охране:
Страсть, требует от вас посильной дани,
То есть согласия в том и этом стане —
Пусть Дама приравняет холм к поляне,
Ответьте в тон,
Что есть, мол, радость и в сердечной ране
И счастьем вызван стон».

«Вы судите не как иные дуры,
К тому ж прелестны, юны, белокуры;
Жизнь чуть добрей — вы рады, злее — хмуры,
Но не милы мне ваши каламбуры,
И вывертом судебной процедуры
Я удручен:
По мне, уж лучше падать с верхотуры,
Чем ехать под уклон».

«Удачней, чем моя, кандидатуры,
Клянусь, вам не сыскать — а мне фигуры
Смешней, чем ваша: ходите понуры,
Твердя о пустоте моей природы;
Ну что ж, в любви я против диктатуры,
Претит ей гон,
И лучше тихо заводить амуры,
Чем поднимать трезвон».

«Не будьте, дева, так глупы и серы
И не касайтесь вам далекой сферы!
Она ведет себя, как лицемеры!
По-вашему, у всех ко мне нет веры —
Нет, передан от Дамы Беренгеры
Мне был поклон!
Я вас ударю, коль и впредь без меры
Так буду оскорблен».

«Поскольку вы цеплялись за химеры,
Крушенье вашей, господин, карьеры
Приобрело огромные размеры;
Иль нужно вам перечислять примеры
Того, как, с нею ссорясь, кавалеры
Несли урон?»

Тот, у кого столь дерзкие манеры,
Как ваши, — обречен!»

«Красавица, мое бунтарство мнимо,
Поддержка ваша мне необходима:
Устройте, коль ошибка поправима
И коль любовь, как мною, вами чтима,
Чтоб в результате вашего нажима
Я был прощен;
Ведь если эта мука будет длима,
Конец мой предрешен».

«Зло, эн Гираут, было б одолимо,
Будь ваше поведение извинимо:
Но вами, говорят, была любима
Та, что и в платье с этой несравнима
И без; с тех пор она неумолима
И свой резон
Блюдет: не видя вас, проходит мимо,
А то и гонит вон».

«Просите ж за меня неутомимо,
Ведь я теперь учен!»

«Да будет вами впредь любовь хранима —
Суров ее закон».

3

«Благому Свету, славному Царю,
Тебе, господь, молитву я творю,
Чтоб друга моего ты не отринул
За то, что на ночь он меня покинул;
Заря вот-вот займется».

«Прелестный друг, сном долгим вас корю,
Проснитесь — иль проспите вы зарю,
Я вижу, свет звезды с востока хлынул,
Уж близок день, час предрассветный минул,
Заря вот-вот займется».

«Прелестный друг, я песней вас зову,
Проснитесь — ибо, спрятавшись в листву,
Приветствует зарю певец пернатый:

Ревнивца месть за сон вам будет платой —
Заря вот-вот займется».

«Прелестный друг, увидите наяву
Бледнеющую в окнах синеву
И верный ли, решите, я глашатай;
Проснитесь — или я ваш враг заклятый!
Заря вот-вот займется».

«Прелестный друг, я не встаю с колен
С тех пор, как вы ушли: всю ночь согбен,
К Спасителю взываю многократно,
Чтоб невредимо вы прошли обратно:
Заря вот-вот займется».

«Прелестный друг, когда у этих стен
Меня просили бодрствовать, взамен
Вы обещали дружбу — непонятно,
Я ль стал немил, иль пенье неприятно?
Заря вот-вот займется».

4

Все время хочет мой язык
Потрогать заболевший зуб,
А сердце просится в цветник,
Взор тонет в неге вешних куп,
Слух — в томном сладострастье
Птиц, о любви такой трезвон
Поднявших, что, хоть удручен
Я был бы, хоть в несчастье,
При взгляде на лесистый склон
Вновь стану к жизни возвращен.

Жизнь — песен и услад родник,
Я по природе жизнелюб:
Мне снился сон, и в первый миг
Смех радостный сорвался с губ:
Сел на мое запястье
Изящный ястреб-птицегон,
Казалось, будет он взбешен,
Не стерпит чужевластья,
А вышло, что и ласков он
И тонкостям ловить учен.

Сколь сон ни темен был и дик,—
Суть выколупав из скорлуп,
Мой господин его постиг
И подал так, что стал мне люб:
    Любовное ненастье
Пройдет, очистив небосклон,—
Я — будь соперник хоть барон —
    Достигну полновластья,
Всем оказавшись предпочтен,
Кто был любим или влюблен.

Проснувшись, я в тоске поник,
Скорбел, стал бездыхан, как труп,
Считал, что мой сеньор — шутник,
Что сон — безумен, сонник — туп,
    И все ж не без пристрастья
Тому подыскивал резон,
Что вскоре понести урон
    Должно мое злосчастье,
И верил, что свершится сон
Точь-в-точь как был мне возвещен.

Тогда, веселья поставщик,
На песни я не буду скуп;
Столь резок будет сердца сдвиг,
Что сам спадет засохший струп,
    Судьбу не стану клясть я,
Мной будет вестник снаряжен,
А получу ль в ответ поклон —
    Не знаю: соучастье
Мне нужно — строить бастион
Нельзя, коль бут не подвезен.

Сложив подстенье, камни встык
Кладя, с уступа на уступ
Взбираясь, зодчий форт воздвиг:
Порядку служащий — не глуп;
    Я к рыцарству причастье
Тем подтверждаю, что верный тон
Найду и музыку вдогон
    Стихам пошлю на счастье,
Чтоб наслажденьем напоен
Слух Дамы был — и побежден.

Коль за морем кто из владык
Вдруг миру объявил всему б.
Что я предатель и двойник.
Умом коварен, сердцем груб
И принимал участие
В натравливании сторон.—
Я б меньший потерпел урон,
Чем ныне от бесстрастья
Белейшей средь прекрасных жен,
Чьим гневом все ж я обелен.

Нет к тем, кем мой словарь сочтен,
Во мне подобострастья:
С закрытых слов не снял пелен.
Однако смысл их просветлен.

Тем самым вам был ключ вручен
К темнотам спетых мной кансон.

Линьяура — Гираут де Борнель

* * *

Вижу, что вам, Ги́раут де Борнель,
Претит темный стиль — но почему?
Нельзя, в творенье видя лишь тьму,
    Винить творца;
    Чернь без лица
Если я публикой назову,
Не лучше ль вспомнить про трын-траву?

Эн Линья́ура, я всякую трель
Услышу с радостью и приму;
Но желал бы себе самому
    Жалом словца
    Трогать сердца:
Пусть простоватым я прослыву,
Но на том стою и тем живу.

А я, Ги́раут, преследую цель
Так сочинять, чтоб было чему
Тонкому радоваться уму.
    Нам ли венца
    Ждать от глупца?
Я не ценю людскую молву
И по течению не плыву.

Линьяура, не сесть бы нам на мель!
Недолго жизнь превратить в тюрьму,
Если прислушиваться ко всему
    И без конца
    Ждать мудреца,
Что с пониманьем склонит главу.
Одолев в вашей книге главу.

Ги́раут, высокое взяв за модель,
Еще выше его подниму,
И мне признание ни к чему;
    Вряд ли грязца
    Найдет купца;
Золота с солью не верь родству —
То же и в песне, по существу.

Линьаура, мне эта параллель
Сердце прожгла, подобно клейму;
Но мер никаких не предприму,
Коль хрипотца
Мучит певца,
И петь другого не позову,
Ведь я слагал не гимн божеству.

Гираут, мы развели канитель,
А каков предмет — в толк не возьму,
И даже имя забыл потому
Родного отца;
Мне ж нравится
Стремиться всегда лишь к естеству,
Так что уж лучше я спор прерву.

Линьаура, та, которой досель
Служу я, вдруг заперлась в дому,
Конец мой близок — я рад ему:
Для мертвеца
Двери дворца
Откроются как по волшебству,
Так к ней приду я на randevu.

Гираут, я во сне и наяву
Буду ждать вас назад к Рождеству.

Линьаура, я беду наживу,
К пышному опоздав торжеству.

Арнаут Даниэль

1

Из слов согласной прямизны
Сложу я песнь в канун весны.

Дни зелены,
В цветенье бор
И скаты гор,
И сладостного грома
Лесных стихир
И птичьих лир
Полн сумрак бурелома.

Весь бурелом — как звон струны;
Слова же мной огранены,

До белизны
Их мыл и тер,
Чтоб сам Амор
Не мог найти излома;
Прям их ранжир,
Он командир,
Я в роли мажордома.

Но мажордом — что живодер,
Коль так устроил, чтоб позор

Узнал сеньор,
Чей стал мундир
Протерт до дыр,
Сам — как от костолома;
Впрямь, те больны,
В жару, грустны,
Кому любовь — истома.

Не томен, Дама, но хитер
Я и, что чей-то там партнер,

Плету узор:
Проведай клир
Лихих проныр,
Что к вам душа влекома,—
Вам хоть бы хны,
А мне видны
Все ковы их приема.

Любой прием, хоть пышный пир,
Отвергну, ибо сердцем щир:
Вы мой кумир;
Разлучены
Мы, но верны —
И в душах нет надлома;
Слезится взор,
Но все остёр —
Мной в неге боль искома.

Иском, хоть я не из придир,
Мной в страсти благодатный мир,
В любви я сир;
Стезя войны,
Измен, вины
От Каина ведома,
Но (чтя раздор),
Как в нас, с тех пор
Не знала страсть подъема.

О прелесть, будь вы дома,
Не как фразер
Арнаут в ваш двор
Придет стезей подъема.

2

Когда с вершинки
Ольхи слетает лист,
Дрожат тростинки,
Крепчает ветра свист
И нем солист
Замерзнувшей лощинки —
Пред страстью чист
Я, справив ей поминки.

Морозом сжатый,
Спит дол; но, жар храня,
Амор-оратай
Обходит зелена,
Согрев меня
Дохой, с кого-то снятой,
Теплей огня, —
Мой страж и мой вожатый.

Мир столь прекрасен,
Когда есть радость в нем,
Рассказчик басен
Злых — сам отравлен злом,
А я во всем
С судьбой своей согласен:
Ее прием
Мне люб и жребий ясен.

Флирт, столь удобный
Повесам, мне претит:
Льстец расторопный
С другими делит стыд;
Моей же вид
Подруги — камень пробный
Для волокит:
Средь дам ей нет подобной.

Было б и низко
Ждать от другой услад,
И много риска:
Сместится милой взгляд —
Лишусь наград;
Хоть всех возьми из списка
Потрембльский хват —
Похожей нет и близко.

Ее устои
Тверды и мил каприз,
Вплоть до Савойи
Она — ценнейший приз,
Держусь я близ,
Лелея чувства, кои
Питал Парис
К Елене, житель Трои.

Едва ль подсудна
Она молве людской;
Где многолюдно,
Все речи — к ней одной,
Наперебой;
Передает так скудно
Стих слабый мой
То, что в подруге чудно.

Песнь, к ней в покой
Влетев, внушай подспудно,
Как о такой
Петь Арнауту трудно.

3

Не Amor в моей власти, а
Сам он властвует надо мной:
Радость, грусть, ум, дурь — все впрок
Тому, кто, как я, робеет,
Видя, что зла его кара;
Ходить дозором
Должен вслед за Амором
Всякий, кто ждет
Щедрот:
Будет нажива,
Коль страсть терпелива.

Страх сковал немотой уста,
Сердце ж мучится полнотой
Чувств — и то, о чем я молчок,
Переживая, лелеет;
Искать таких дам средь мара
Тщетно по норам
Тайным и по просторам:
Всякий расчет
Собьет
Та, что на диво
Нежна и красива.

Истинна она и верна,
Думать не хочу о другой;
Мысль же о ней — как кипяток:
Закат ли, или утреет —
Сердце на грани развара:
Алкаю взором
Ее — она ж измором
Меня берет;
Но ждет
Сердце призыва,
Тем только и живю.

Тот безумен, чья речь текла
С целью сменить радость тоской.
У лжецов — обезумь их бог! —
Вряд ли язык подобреет:
Совет дадут — тотчас сваря;
Покрыт позором
Амор, но, верю, в скором
Времени в ход
Пойдет
То, что нелживо
В природе порыва.

Пусть она меня вознесла,
Но молчу об усладе той;
Гортань, заперта на замок,
Ее омрачить не смеет;
Мучусь от знойного жара,
Справлюсь с которым
Тем же крепким затвором:
В том, что наш рот
Ведет
Себя крикливо, —
Причина разрыва.

Если бы мне помогла она,
Песням дав высокий настрой,
Я б немало сложить их мог;
Душа то никнет, то реет,
То дара ждет, то удара;
С ней ни потвором
Сладить нельзя, ни спором,
И все пойдет
Вразброд,
Косо и криво,
Коль Милость глумлива.

К Мьель-де-бен шлет
Сей сплот
Слов и мотива
Арнаут учтиво.

Гну я слово и строгаю
 Ради звучности и лада,
 Вдоль скоблю и поперёк
 Прежде, чем ему стать песней,
 Позолоченной Амором,
 Вдохновенной тою, в ком
 Честь — мерило поведенья.

С каждым днем я ближе к раю
 И достоин сей награды:
 Весь я с головы до ног
 Предан той, что всех прелестней;
 Хоть поёт метели хором,
 В сердце тает снежный ком,
 Жар любви — мое спасенье.

Сотнями я возжигаю
 В церкви свечи и лампы,
 Чтоб послал удачу бог:
 Получить куда чудесней
 Право хоть следить за взором
 Иль за светлым волоском,
 Чем Люцерну во владенье.

Так я сердце распаляю,
 Что, боюсь, лишусь отрады,
 Коль закон любви жесток.
 Нет объятий бестелесней,
 Чем у пут любви, которым
 Отданы ростовщиком
 И должник, и заведенье.

Царством я пренебрегаю,
 И тиары мне не надо,
 Ведь она, мой свет, мой рок,
 Как ни было б чудно мне с ней,
 Смерть поселит в сердце хвором,
 Если поцелуй тайком
 Не подарит до Крещенья.

От любви я погибаю,
 Но не попрошу пощады;

Одинок слагатель строк;
Груз любви тяжеловесней
Всех ярем; и к разговорам:
Так, мол, к Даме был влеком
Тот из Монклан — нет почтенья.

Стал Арнаут ветробором,
Травит он борзых быком
И плывет против течения.

5

Слепую страсть, что в сердце входит,
Не вырвет коготь, не отхватит бритва
Лыстеца, который ложью губит душу;
Такого вздуть бы суковатой веткой,
Но, прячась даже от родного брата,
Я счастлив, в сад сбежав или под крышу.

Спешу я мыслью к ней под крышу,
Куда, мне на беду, никто не входит,
Где в каждом я найду врага — не брата;
Я трепещу, словно у горла бритва,
Дрожу, как школьник, ждущий порки веткой,
Так я боюсь, что отравлю ей душу.

Пускай она лишь плоть — не душу
Отдаст, меня пустив к себе под крышу!
Она сечет меня больней, чем веткой,
Я раб ее, который к ней не входит.
Как телу — омовение и бритва,
Я стану нужен ей. Что мне до брата!

Так даже мать родного брата
Я не любил, могу открыть вам душу!
Пусть будет щель меж нас не толще бритвы,
Когда она уйдет к себе под крышу.
И пусть со мной любовь, что в сердце входит,
Играет, как рука со слабой веткой.

С тех пор как палка стала Веткой
И дал Адам впервые брату брата,
Любовь, которая мне в сердце входит,
Нежней не жгла ничью ни плоть, ни душу.

Вхожу на площадь иль к себе под крышу,
К ней сердцем близок я, как к коже бритва.

Тупа, хоть чисто бреет, бритва;
Я сросся сердцем с ней, как лыко с веткой;
Она подводит замок мой под крышу,
Так ни отца я не любил, ни брата.
Двойным блаженством рай наполнит душу
Любившему, как я, — коль в рай он входит.

Тому шлю песнь про бритву и про брата
(В честь той, что погоняет душу веткой),
Чья слава под любую крышу входит.

Мария Вентадорнская — Ги д'Юссель

* * *

— Ги д'Юссель, сердит мой упрек:
Почему, о пенье забыв,
Вы молчите? Талант ваш жив,
И к тому ж вы любви знаток:
Так ответьте, должно ль Даме в обмен
На страстность представленных другом сцен
С ним столь же страстный вести разговор?
С такой точкой зренья возможен спор.

— На Мария, изящный слог
Позабыт мной, как и мотив
Сладостный, но на ваш призыв
Я откликнусь десятком строк.
Итак, дать обязана Дама взамен
Любви — любовь, ту назначив из цен,
Чтоб равенство соблюдал договор
Без счетов, кто кем был до этих пор.

— Ги, влюбленный, подав намек
Даме, должен быть терпелив
И благодарить, получив
Милость в должном месте в свой срок;
Пусть просит, не поднимаясь с колен:
Она — и подруга, и сюзерен
Ему; превосходство же ей не в укор,
Поскольку он — друг ей, но не сеньор.

— Дама, или вам невдомек,
Что учтива, как друг учтив,
Дама быть должна: ведь порыв
Одинаковый их увлек;
Если ж попала она к нему в плен,
Пусть подчиняется, из-за измен
Не начиная с возлюбленным ссор,—
Должен быть весел всегда ее взор.

— Ги д'Юссель, но свершить подлог
Может всякий, кто сердцем лжив:
Вот влюбленный, руки сложив,
Молвит Даме, ушав у ног:

«Молю вас мне выделить в сердце лен!»
Поднимут же — буркнет: «Любовь — лишь тлен!..»
Кто нанят слугой, не будь столь хитер,
Чтоб хозяин с тобой делил свой двор!

— Дама, вы лишь то, сколь жесток
Нрав ваш, явите, прав лишив
Друга, с кем — сердца ваши слив —
Одарил вас поровну рок;
Хотите ль, чтоб он пред Дамой согбен
Стоял всю жизнь и не ждал перемен?
Признайтесь, что мысль такая — позор,
Он равен любой из ваших сестер.

Раймбаут де Вакейрас

1

Мне образец мотива
Дал Монт Рабей,
Чтоб я спел, как красиво
В стране моей
Турнир был разыгран — диво
Недавних дней.
Я расскажу правдиво,
Кто из гостей
Вел себя неучтиво
С Дамой своей.
Встретясь, рыцари живо
Всех лошадей
Переменяли счастливо —
Чья же ценней?
То-то была пожива!

Спор начавшему — слава —
Дону де Бос!
Лошадь его костлява,
И взгляд раскос,
Притом дикого нрава —
Какой с нее спрос?
Езда на ней — не забава!
Копье занес
Эн Раймон величаво,
Но обошлось
Дело без костоправа:
Просто увез
С собой кобылку. Право,
Не стоит слез
Урон, коль подумать здраво.

Мчался, лица не пряча,
Сквозь гром и дым
Сам Драгонет на кляче,
Цел, невредим;
Был его конь не иначе
Конем лихим,
Силою всех богаче,
Зато и злым,

И низкорослым в придачу,
И остальным
Не взял — вот незадача;
Сброшенный им,
Повествовал, чуть не плача,
Друзьям своим
Всадник о неудаче.

Смело врага встречая,
Граф де Боке
Скакал, души не чая
В своем коньке.
Был храбр де Монлор, ристая
Невдалеке,
И отдалась гнедая
Его руке,
Средь рычанья и лая
Мчась налегке.
Граф, другую седлая,
Не стыл в тоске:
Ржет теперь вороная
В его табунке —
Более молодая.

И Барраль из Марсея
Не думал пасть.
Был скакун его в теле,
Каурая масть,
Всех проворнее в деле.
Крепкую снасть
Ловцы сплести успели,
Решив напасть,
Когда был он у цели.
Эн Барраль клясть
Начал тех, что посмели
Лошадь украсть.
Но над ней неужели
Вернет он власть,
Вновь поймав еле-еле?

Выехал на арену
Эн Понс верхом.
Честь его я задену
И со стыдом
Опишу эту сцену,

Этот разгром:
Оруженосец, измену
Взлелеяв тайком,
Стал своему сюзерену
Грозить копьем;
Эн Понс готовился к плену,
Но пегую в дом
Тот ввел, обтирая пену,
Забыв о нем.
Ищет эн Понс замену.

Де Меольона сначала
Ждал лишь успех,
Но арабка устала
Быстрее всех —
В стойле жирок нагуляла,
Был такой грех.
В его враге немало
Доблестей тех,

Поместил под забрало
Он без помех;
Тот, когда затрещало,
Сказал сквозь смех,
Что жалеть не пристало.

Отличился в ристайне
И Авенгут;
Лошадь купил в Испании,
Был с нею крут —
Увели!.. Он в незнанье,
Кто ж этот плут,

Ибо в стране Германии
Не найдут
Трех из его компании;
Правда, тут
Я не слышал рыданий,
Видно, не ждут
Их назад из скитаний.

Вот обложил Амор, мой сюзерен,
 Меня оброком, ибо силой чар
 Прекраснейшей из дам смягчен удар
 И в сердце щедром выделен мне лен.
 Дождался я столь доброго совета,
 Что благом для меня стал прежний вред;
 И так как лучшей в целом мире нет,
 Она по праву будет мной воспета.

Взираю на нее, не встав с колен,
 И чувствую в груди такой же жар,
 Как перед Фисбою Пирам в разгар
 Исполненных великой страсти сцен.
 Я следую благим словам совета
 Той, для которой слов достойных нет,
 В ней для клеветника — источник бед,
 Но милости источник для клеветра.

Когда сдавался Алый Рыцарь в плен,
 То Персеваль не более был яр,
 Чем я, когда рассеялся угар
 И вдруг пахнуло ветром перемен;
 Я в восхищенье от ее совета,
 Но мучусь, как Тантал, когда запрет
 Она кладет на искренность бесед,
 Сама ни в чем не ведая запрета.

О Дама, разве я стоял согбен,
 Когда просил мне срезать локон в дар
 И средство дать, чтоб так не жег пожар?
 Я был — как к Тиру рвавшийся Эвмен!
 И вот добился славного совета,
 Что стоит всех Эвменовых побед.
 Теперь иль смертный мрак, иль горний свет
 Вознаградит настойчивость аскета.

Энглес мне дал приют среди крепких стен,
 Но бог велел Оранж и Монтлимар
 Покинуть, чтобы тем избегнуть кар,
 Ибо прекрасной Даме нет замен;
 И стань я даже королем полсвета —
 Послушный указаниям планет,

Я б трон оставил, чтоб напасть на след
Той, что достойна своего совета.

Прекрасный Рыцарь, украшение света,
В меня вселил надежду ваш совет,
Ибо моей любви он не во вред,
И нет для песни сладостней предмета.

На Беатрис из Монферрата, эта
Кансона льется вашей славе вслед,
Скрывая лучезарный ваш портрет
Под позолотой каждого куплета.

3

Имеет слабость больше сил,
Чем сила; тот, кто слаб и мал,
Ослабив сильных, побеждал.
Великий проявляя пыл:
Лишь тот, кто слаб бывал, но смел,
У силы честь отнять умел.
Над сильным властен слабый пол.

Вздор некий то всегда губил,
Что сам творил и разрушал;
Мир видел в нем свой идеал,
А он — ущерб лишь приносил.
Так где безумию предел?
Вздор в этом мире преуспел,
Поскольку мир в нем вкус нашел.

Служа судьбе, я проследил,
Как кислый вскоре сладким стал;
Знать, оба от одних начал,
Коль кислый сам себя сластил.
И холод медленно теплел
В боренье нежном этих тел,
Где сладкий кислого борол.

Мне часто был умерший мил,
Я видел, как он воскресал;
Он больших заслужил похвал,
Чем тот, который только жил.
Умерший полн грядущих дел;

Кто смерти страх преодолел,
Не мыслит смерть одним из зол.

То стужу грел, то жар студил
Благовещательный канал,
Одно другим уничтожал
И воедино их сводил.
Лишь бедность — богача удел.
Ты в этом притчу усмотрел?
Нет, просто ум я с правдой свел.

Вместила слабость много сил,
И кислый вскоре сладким стал,
И холод жар уничтожал,
И некий вздор себя губил,
И умиравший богател,
И был богатый жертвой дел,
В которых честь свою обрел.

4

Волны высокие, волны кругом,
Ветром гонимые на волнолом,
Весть мне подайте о друге моем!
Он до сих пор не вернулся в свой дом!
Увы, дар любви!
И скорби, и радости — слуги твои!

Нежный зефир, захвати из широт,
Где засыпает мой друг и встает,
Вдох его нежный с собой в перелет!
Видишь, томясь, приоткрыла я рот.
Увы, дар любви!
И скорби, и радости — слуги твои!

Страсть к иноземцу всегда тяжела,
Он веселится — мне жизнь не мила,
Все, что просила любовь, я дала —
Предал меня он! За что столько зла?
Увы, дар любви!
И скорби, и радости — слуги твои!

Бертран де Борн

1

Легко сирвенты я слагал,
Но в них ни словом не солгал:
Я поделиться, чем богат,
До полденье последних рад,
Но если кто мне скажет: «Мало!»,
Будь это хоть кузен, хоть брат,
Тотчас даров лишу нахала.

Тверд мой рассудок, как кристалл,
Хоть и его поколебал
Лиможца с Ричардом разлад,
Немало принеся утрат;
Чтоб на потомков зло не пало,
Пусть подчиниться поспешат
Сегодня королю вассалы.

Гильем Гурдонский, хоть звучал
Набат ваш выше всех похвал,
Я б вас любил сильней стократ,
Не подпиши вы тот трактат:
Теперь не избежать скандала —
Вас два виконта норовят
В него втянуть, ждуд лишь сигнала.

Всю жизнь я только то и знал,
Что дрался, бился, фехтовал;
Везде, куда ни брошу взгляд,
Луг смят, двор выжжен, срублен сад,
Вместо лесов — лесоповалы,
Враги — кто храбр, кто трусоват —
В войне со мною все удалы.

Я взялся ветхий арсенал
Баронов в новый сдать закал
И латки класть поверх заплат
На ржавую броню их лат
(Цепь Леонарда из металла
Была прочнейшего) — на лад
Дела их не идут нимало.

Вот Таллейран, бессилён, вял,
Пропал воинственный запал,
Стал лежебокою солдат —
В домашний кутаясь халат,
Он, как ломбардец, копит сало:
Пусть за отрядом в бой отряд
Идут — он подождет финала.

Пока Байард мой не устал,
Взлечу на перигорский вал.
Пробившись через сеть засад:
Пуатевинца жирный зад
Узнает этой шпаги жало,
И будет остр на вкус салат,
Коль покрошить в мозги забрало.

Бароны! Бог не бросит чад
Своих в беде! Давно бы стало
Знать Ричарду, как невпопад
Ворона павой выступала.

2

Чтоб песни слагать без труда,
Я ум и искусство запряг
И так отпустил повода,
Что легок сирвент моих шаг;
    И граф, и король
    Находят в них столь
    Чарующий лад,
    Что все мне простят.

Король и граф Ричард вреда
Не видят во мне: коли так,
Нам мир ни к чему, господа,
Амбларт, Адемар, я — ваш враг!
    Мой форт, моя боль!
    Тебе, вширь и вдоль
    Исхоженный сад,
    Осадой грозят.

Докажет, что войны — беда,
Славнейший из горе-вояк —

Желаю, чтоб чирей тогда
В глазу миротворца набряк:
    Война — мой пароль!
    Земную юдоль
    Сраженья долят
    Столетия подряд.

Неважно, четверг иль среда,
И в небе какой зодиак,
И засуха иль холода, —
Жду битвы, как блага из благ:
    В ней — доблести соль,
    Все прочее — ноль
    С ней рядом. Солдат
    Не знает утрат.

Вся жизнь — боевая страда:
Походный разбить бивуак,
Стеной обнести города,
Добыть больше шлемов и шпаг —
    Господь, не неволь
    Ждать лучшей из доль:
    Любовных услад
    Мне слаще звон лат.

Детей моих гнать из гнезда
Задумал союз забияк;
Что им ни отдать — без стыда
Клевещут: Бертран-де из скряг;
    Им только позволь —
    Все съест эта моль.
    Но хватам навряд
    Удастся захват.

Ценя мою роль
В размирье, король
Признать будет рад
Моим майорат.

Пень отныне заглушено плачем,
Горе владеет душой и умом,

Лучший из смертных уходит: по нем,
По короле нашем слез мы не прчем.
Чей гибок был стан,
Чей лик был румян,
Кто бился и пел —
Лежит бездыхан.
Увы, зло из зол!
Я стал на колени:
О, пусть его тени
Приют будет дан
Средь райских полян,
Где бродит Святой Иоанн.

Тот, кто могилой до срока захвачен,
Мог куртуазности стать королем;
Юный, для юных вождем и отцом
Был он, судьбою к тому предназначен.
Сталь шпаг и байдан,
Штандарт и колчан
Нетронутых стрел,
И плащ златоткан,
И новый камзол
Теперь во владенье
Лишь жалкого тленья;
Умолк звон стремян;
Все, чем сияя
Он был, — скроет смертный курган.

Дух благородства навеки утрачен,
Голос учтивый, пожайуйте-в-дом,
Замок богатый, любезный прием,
Всякий ущерб был им щедро оплачен.
Кто, к пиршеству зван,
Свой титул и сан
Забыв, с ним сидел,
Беседую пьян
Под пенье виол —
Про мрачные сени
Не помнил: мгновенье —
И, злом обуян,
Взял век-истукан
Того, в ком немислим изъян.

Что б ни решил он, всегда был удачен
Выбор; надежно укрытый щитом,
Он применял фехтовальный прием
Так, что противник им был озадачен;
Гремя, барабан
Будил его стан;
Роландовых дел
Преимник был рьян
В бою, как орел, —
Бесстрашен в сраженье,
Весь мир в изумленье
Поверг великан
От Нила до стран,
Где бьет в берега океан.

Траур безвременный ныне назначим;
Станет пусть песне преградою ком,
В горле стоящий; пусть взор, что на нем
Сосредоточен был, станет незрячим:

Ирландец, норманн,
Гиенна, Руан,
И Мена предел
Скорбят; горожан
И жителей сел
Разносятся пени
В Анжу и Турени;
И плач англичан
Летит сквозь туман,
И в скорби поник алеман.

Едва ль у датчан
Турнир будет дан:
На месте ристалищ — бурьян.

Дороже безан
Иль горстка семян
Всех царств, если царский чекан

Страшнейшей из ран
На части раздран —
Скончался король христиан.

Дама, мне уйти велит
Ваш безжалостный приказ.
Но вовек, покинув вас,

Не найду другую,

И такого

Счастья не дождусь я снова,
И неисполним мой план —
Привезти из дальних стран
Вас достойную сеньору,
А не лгунью и притвору.

Кто, как вы, меня пленит?

Нет! Такой услады глаз,

Столь прекрасной без прикрас,

Встретить не могу я.

Будет ново

То, что в каждой образцово,
Взять себе — вот лучших план!
Я желаньем обуян
Выбрать по сосёнке с бору,
Положив конец раздору.

Свежий, яркий цвет ланит,

Свет любовный нежных глаз,

Цимбелин, отняв у вас,

С вами поступлю я

Не сурово —

Ведь себе забрали все вы.

Дама Аэлис, дурман

Вашей речи сладок, прян —

Средство, чтоб не знать позора

Даме в ходе разговора.

Путь в Шале мне предстоит

К виконтессе, мой заказ —

Белых рук ее атлас.

А затем сверну я,

Верный слову,

К Рошшуаровскому крову —

Пасть к ногам Аньес; Тристан

Мог скорей найти изъян

У Изольды, хоть укора

Ей не сделаешь, нет спора.

Дама Аудьярт хранит
Куртуазных черт запас:
В том, что для себя сейчас
Часть я конфискую.
Что плохого?

Щедрость — дел ее основа!
Пусть еще мне будет дан
Мьель-де-бен прелестный стан,
Обнажить хотят который
Руки более, чем взоры.

В госпоже Файдите слит
Блеск поступков с блеском фраз.
Зубы белы — в самый раз

Увидать такую
Средь улова.
Бель-Мираль душой здорова,
Вкус изыскан, лик румян.
От ее бесед я пьян,
Голос свой прибавлю к хору
Тех, кто в ней нашли опору.

Бель-Сеньор, ваш дом, ваш вид,
Ваш прием меня потряс.

О, когда б желать, как вас,
Даму Составную!

И без зова
Сердце к вам лететь готово:
Чем иных побед обман,
Лучше в ваш понасть капкан...
Что ж не кончит Дама ссору,
Противостоя напору?

Папиоль, явись незван
С песней к другу: Азиман
Пусть узнает, что Аморю
От тоски заплакать впору.

Так как апрельский сквозняк,
Блеск утр и свет вечеров,
И громкий свист соловьев,
И распустившийся знак,

Придавший ковру поляны
Праздничную пестроту,
И радости верный знак,
И даже Пасха в цвету
Гнев не смягчают моей
Дамы — как прежде, разрыв
Глубок; но я терпелив.

Дама, я было размяк
От утешительных слов,
Но вновь приютил ваш кров
Меня, мою песнь, мой стяг;
Затягиваются раны,
И я покидаю ту,
Что мне подобных бродяг
Жалеет, чью доброту
Все славят — так просто ей
Доблесть явить, помилив
Тех, чей характер гневлив.

Упрек ваш сладок и благ,
Поскольку весь стиль таков,
Что страхом лишь, без даров,
Глушит любой обиняк,
Будто в вас есть изъяны:
Вашу признав высоту,
Я б гибельный сделал шаг,
Прибавив, что так же чту
Герцогов и королей;
Следите вы, чтоб прилив
Похвал был всегда шумлив.

Я знаю таких вояк,
Что только копают ров,
Вооружась до зубов;
Они не начнут атак,
Пока не свезут тараны;
Я притуплю остроту
Их многочисленных шпаг,
Разоблачив суету
Неблагородных затей, —
Тех к славе влечет порыв,
Кто радостен, юн, учтив.

Есть зодчие: так и сяк
Налепят арок, зубцов,
Бойниц — и замок готов:
Камни, песок, известняк;
К тому ж они и гурманы;
Там ли искать красоту,
Где вместо прямой — зигзаг?
Живут, забыв простоту,
Даянья их все бедней,
Все немощней их призыв,
Хоть, как и прежде, криклив.

Охотников знаю — всяк
Кичится богатством: лов
Для них — показ соколов,
Соревнованье собак,
Крики, рога, барабаны;
Их осознав пустоту,
Игрища шумных ватаг
Я обхожу за версту —
Кто, кроме рыб и зверей,
Под власть потравщиков нив
Подпасть ощутит позыв?

Турнирных знаю рубак:
Спустив именья отцов,
Они слабейших бойцов
Ищут, с бесстыдством делят
Построив ристаний планы:
Каждый у них на счету
Вассал, пусть даже бедняк, —
Ввергнув его в нищету,
Жить продолжает злодей,
Расходов не сократив,
Столь дерзок он и спесив.

Богач же не из кривляк
С людьми не будет суров,
На их откликнется зов,
Выручит из передряг;
Чтоб рыцари — не мужланы —
Сходились к его щиту,
Осыплет он градом благ,
И к празднику, и к посту

Тем искренней и щедрей
Наемников наградив,
Чем более прозорлив.

На Темпра, я предпочту
Ваш дар дарам королей,
Поскольку остался жив,
Желчи с полынью испив.

Ты, Папиоль, на лету
Схватив суть жгучих речей,
Спеши к Да-и-Нет, мотив
В дороге не позабыв.

Фолькет Марсельский

1

Столь куртуазный тон возьму,
Чтоб песней двинуть разговор,
Что краше прежних в ней узор
Проявится; а почему?
Императрицу взяв саму
За образец, учтивых фраз
Ее приказ
Я чту, как некий высший глас:
Коль петь звучней,
Искусней, сладостней, нежней
Велит столь славной Дамы власть,
Могу ль в глазах ее упасть?

Лжецов презреньем окружу:
Господь, будь на расправу скор
И выстави их на позор,
Поскольку та, кому служу,
Считает, будто я держу
Другую Даму про запас,
И гонит с глаз
Меня, а клевету пролаз
Пойди развей:
Уж пойман, кажется, злодей
С поличным — нет, в кусты вдруг шась...
Я гибну — можно ль их не клясть?

Все ж я приязнь ее верну:
Во лжи всегда есть перебор,
И правда, ей наперекор,
Всплывет, а ложь пойдет ко дну;
Она, поняв свою вину,
Поверит, что правдив рассказ
И без прикрас,
Что предан я не напоказ,
Душою всей,
Притом, что норовит верней
Рассудок душу обокрасть,
Чтоб тешиться любовью всласть.

Коль Милосердья не найду
Я в ней, как быть? Покинуть двор?
Нет, ибо я с недавних пор
Стал в этом прозревать аду
Усладу чаще, чем беду,
Под светом столь прекрасных глаз;
Тем злей потряс
Меня безжалостный отказ,
Что с давних дней
С мольбой я обращался к ней;
На что хулу, не знаю, класть:
И созерцанье — ад, и страсть.

Смогу ль, как вор уйдя во тьму.
Любить, встречая лишь отпор?
Да, ибо лучезарный взор,
Став стражем сердцу моему,
И тело заточил в тюрьму;
Но хоть огонь надежд угас,
Я искру спас;
Сдержу в узде на этот раз
Напор страстей —
Бывает нить любви прочней,
Коли ее с терпением пряхь,
А силой не смирить напасть.

Магнит, нет радости сильней,
Как в том искать благую часть,
Чтоб из-за Дамы мертвым пасть.

2

Не знающее препон
Желанье душу томит,
Надежды же скорбен вид,
Столь высоко вознесен
Желанный предмет;
Но разум ставит запрет
Отчаянью — что ж, силен
И тот, и этот резон:
Питать я не стал
Надежд, но духом не пал.

Зачем дух ввысь устремлен.
Если его тяготит

Рожденный робостью стыд:
Стать может дерзкий разгон
    Источником бед;
Но я утешен, нашед,
Что куртуазный уклон,
Которым я вдохновлен,
    Затем ей пристал,
Чтоб вновь я радость сыскал.

Вот сердцем стал убежден —
И правдой обман глядит,
С усладой коварной слит;
Но верности строг закон:
    Лишь давши обет,
Можно добиться побед;
Я буду вознагражден,
Только б теперь был прощен
    Чувств нежных накал,
Коиими к вам я пылал.

Видно, мой разум сражен
Желаньем: я с толку сбит
И взором, в котором скрыт
Обман, мгновенно пленен;
    Любовью задет,
Я не заметил примет
Того, что уже влюблен:
Я был считать обречен,
    Пока не устал,
Уколы сладостных жал.

Неправо я обвинен,
Ибо мне мысль претит,
Что поводом для обид
Мог быть куртазный тон:
    Любви ли во вред
Чрезмерный любовный бред?
Хотя я со всех сторон
Прав в том, за что осужден,
    Но ваших похвал,
Увы, я напрасно ждал.

Когда вместо пенья стон
Звучит — пусть песня молчит:

Может, отказ облегчит
Столь тягостный мне урон
Теперь, когда нет
Императрицы, чей свет
Юностью в высях зажжен;
Не опустей ее трон,
Давно уж провал
Ждал бы глупцов-прилипал.

Вкушу ль я сладость бесед
С самой прелестной из жен
Иль счастья буду лишен?
Так вас я желал,
Что стал от желанья шал.
О убыли тех времен
Все дни я вздыхал
И ныне в бессилье впал.

3

Как те, кто горем сражен,
К жестокой боли хранят
Бесчувствие, рот их сжат,
Исторгнуть не в силах стон,—
Так я безгласен стою,
Хоть слезы мне сердце жгут,
И скорби этих минут
Еще не осознаю:
Эн Барраль мой могилой взят!
Что ни сделай, все невпопад
Будет — слез потому не лью.

Рассудок ли поврежден,
Чары ли сердце томят,
Но только найду навряд
Равных ему, ибо он
Втягивал в сферу свою
Честь, спрятанную под спуд,
Словно магнит — стал из груд
Хлама: и вот вопию
Я о том, что похищен клад
Доблести той, с кою в ряд
Мы ставить не смеем ничью.

Тот нищ, кто до сих времен
В любви его был богат;
Всех смертных овеял хлад,
Когда он был погребен:
О, скольких я отпою —
Весь, весь с ним погибший люд!
Многие ныне соткут
Траурную кисею.
Взял верх над великим и над
Малым он, в сонм благих прият,
Величье придав бытию.

Как верный найти мне тон,
Сеньор, коль в сердце разлад?
В вас был источник отрад,
Свой восполнявший урон
Тотчас, подобно ручью,
Чьи тем обильней текут
Воды, чем больше их пьют;
Кто вашу не пил струю!
Но бог вас берег от утрат,
Так что всякий ваш дар — назад
Возвращаем был десятью.

Того, кто ввысь вознесен,
Здесь ждет, о горе, распад:
Цветок, лия аромат
Сладчайший, был обречен
Смертельному лезвею;
Пусть видят в том божий суд
Все, что по миру бредут,
Как странник в чужом краю;
Позор и забвенье грозят
Тем, кто путь свершал наугад,
Не ища Его колею.

Господь, чтобы был лишен
Навеки победы ад,
Ты сам на кресте распят,
Зато грешный род спасен;
Яви же милость твою
Ему, как являл и тут,
И дай средь святых приют;

О Дева, молитву чью
Как высшей мы ждем из наград,
Попроси за достойных чад
У Сына, чтоб быть им в раю.

Сеньор, пусть я и пою,
Когда грудь слезы мне жгут,
Но скорби прилив так лют,
Что первенство отдаю
Трубадурам, чей выше лад,
Хоть в сердце хвалу вам, стократ
Высшую, чем они, таю.

Арнаут де Марейль

1

Сладко дыханье апреля,
Майских предвестие дней,
Ночь безмятежную трелью
Околдовал соловей;
Радостью утро тревожа,
Птичий разносится крик,
Всюду им брачное ложе,
Каждый к подруге приник.

В каждом трепещущем теле
Пламя страстей все сильней,
Чувствую в сердце веселье —
Схожа любовь их с моей.
Ветер, погладив по коже,
В грудь животнорно проник;
Радости предан я тоже,
В Радости жить я привык.

Краше она асфodelей,
Телом — Елены белей,
Искренна в слове и в деле —
Верх куртуазности в ней;
Рыжеволоса, пригожа,
Чисто и сердце и лик.
Всю красоту твою, боже,
В сей госпоже я постиг.

Милость ведет меня к цели,
И поцелуй без затей,
Ею таимый доселе,
Службе награду моей,
Я получу — чтобы позже
Путь одолеть нам за миг,
Об руку с ней в бездорожье
Счастья возок я настиг.

2

Тешились мысли мои,
О печали забыв,

Но Дама, чей стан красив,
Чье сердце кротко и нежно,
Сказала, что безнадежно
К ней взывать о любви;
Все ж, не смирясь с судьбой,
Я надеюсь мольбой
Смягчить ее, а дотоль
Уныла моя юдоль.

Дама, когда б вы могли
Знать о том (утолив
Смиренной любви порыв,
К вам обращенный прилежно),
Сколь чувство мое безбрежно,
К стонам вы б снизошли,
Ипускаемым мной:
Жалуется больной,
Избыть надеясь не столь
Хворь пенями, сколько боль.

Прекрасная Дама, чьи
Речи — диво из див,
Выслушайте мой призыв
С вниманьем, а не небрежно;
Мне предстоит неизбежно
В страхе забиться в щель,
Столь престол ваш высок;
Но Овидий предрек,
Что знатностью не обречь
Любви, коль чужда ей лесть.

Так и средь дальних земель
Слава гремит о вас,
Что мой восторженный глас
К ней ничего не прибавит;
Однако в хоре оставит
Свой звук новая трель,
Ибо, как ни легок,
Чашу весов листок
Все ж заставляет осесть;
Вам мало хвалы, что есть!

Манеры, каких досель
Я не встречал, свет глаз,

Радушье не напоказ,—
Певец по заслугам славит
Вас, ту, которая ставит
    Столь высокую цель;
    Радости в вас исток,
    Вот почему предлог
Превозносить вашу честь
Берется, отколь невесть.

    Генуэзец! Апрель —
    Май — цветения срок:
    Чтоб, как его, я мог
Вас всем другим предпочесть,
Вы продолжаете цвести.

    Француз! Забыв зарок,
    Кто-то честь не сберег —
Тем радостнее нам весть,
Что в вас достоинств не счесть.

3

Искренностью приема
В плен я навеки взят:
Облик, улыбка, взгляд,
Весь ваш вид и наряд
В сердце живут моим;
Дама, я смерть приму,
Если вас не смягчат
Скорбь и страданья в том,
Кто отныне в ваш дом
Входит, словно в тюрьму.

С фальшью страсть не знакома,
И не грозит ей спад,
Хоть и во много крат
Из-за ваших преград
Мне затруднен подъем;
Дама, в толк не возьму,
В чем же я виноват:
Если только в своем
Чувстве — что ж, поделом,
Я даже рад клейму.

Душа лишь к вам влекома:
Пусть иные не мнят,
Что добиваться рад
Я и от них услад,—
Ваш я весь целиком;
Пусть же мне одному
Ваши взоры сулят
Милость: мой окоем,
Не озарив лучом,
Не ввергайте и в тьму.

Дама, в сердце истома,
Робостью я объят;
Пусть иной не богат,
Но он бережней клад
Чести, коль с ней знаком,
Спрячет в свою суму,
Чем неучтивый хват,
Лезущий напролом
С верой, что все кругом
Принадлежит ему.

Ждать в судьбе перелома
Тщетно: вместо наград
Мне удары грозят
Еще горших утрат;
Но стою на своем
И теперь, потому
Не повернув назад,
Что соперник ведом
Звездами и умом
К торжеству своему.

Генуэзец! К чему
Скрывать: где все подряд
Заняты королем
И знатью — в круге том
Вы — голова всему.

Гаусельм Файдит

1

Был полон услад
Этот час предзакатный.
Бель-Эспер, мне взгляд
Подарив столь понятный,
Прорвал цепь преград,
Сделав шаг безвозвратный, —
И вновь из свободной,
А до тех пор бесплодной
Души — песнь звучит,
Животворный пролит
Дождь над почвой безводной:
Та, кем был я убит,
К жертве благоволит.

Кого не пленит
Доблестей список сводный:
Взор смел и открыт,
Полон силы природной;
В поступках сквозит
Строй души благородной;
Род гордый и знатный;
Дамой нежной и статной
В служенье я взят:
Из Прованса назад
Нет дороги обратной —
Здесь я до светлых дат
Дожил и стал богат.

Достался мне клад
Редкий, невероятный:
Сам душевный склад
Ее — столь деликатный,
Что встречи сулят
Родить, слуху приятный,
Поток полноводный
Слов и музыки, сродной
Той, что утолит
Жажду; чьей речью сыт
Станет мой ум голодный;
Той, что судьбу корит
И в разлуке скорбит.

Но, увы, визит
Я нанес неугодный —
Презреньем покрыт,
Как бродяга безродный; .
Досель не разбит
Лед той встречи холодной
Мольбой многократной,
Ни моей речью внятной
О том, что навряд
Я опозданию рад,
Прежде столь аккуратный,
И не сам виноват,
Что пришел невпопад.

Мне душу долят
Грехи — в край благодатный,
Где бог был зачат
И рожден, я на ратный
Труд, в сверканье лат,
В путь отправлюсь превратный
В колонне походной;
Но в тоске безыходной
Дама зря сидит:
Ведь господь наградит
Славой, с земною несходной,
Тех, кем не был забыт,
Их восхитив в свой скит.

Нам путь предстоит
Туда, где едиnorodный
Сын божий хранит
Тех, кто богоугодный
Поход совершит;
Дар его превосходный —
В любви всеохватной,
Смысл ее необъятный
В том, чтоб стал сам ад
Смертью его заклят,—
Вот наш долг неоплатный!
Примем же боль утрат
Ради высших наград!

Дама Мария, вид
Ваш хоть кого сразит,

А прием благородный
Вежеством столь знаменит,
Что и владык пленит.

2

Кто закален в воспитании строгом,
Кто в испытаньях любовью проверен,
Тот уповает, что будет итогом
Признание Дамы за то, что ей верен,—

И, значит, стократ
Мне то, что дал, возвратят:
Живу, равно принимая,
Добро иль зло мне творят,
И все, любви угождая,
Вынесу — но не разлад.

Шел я в любви лишь по верным дорогам:
Так как восторг мой пред Дамой сверхмерен,
Радость найду и в приеме убогом,
Но, оробевши, просить не намерен

Ни ласк, ни наград;
Однако пусть их кричат —
Хочу получить сполна я:
По праву принадлежат
Мне главные доли пая —
День почестей, ночь услад.

Только желанье и служит залогом
Будущих благ, и, хотя я растерян,
Все же меня утешает во многом
Нрав, что возвышен и нелицемерен,

И ласковый взгляд —
Ведь тех, кто Амором взят
В слуги, ждет участь благая;
Речи ее веселят
И, милости обещаая,
Надеяться мне велят.

Кажется, нет больше места тревогам,
Но пред прелестной в себе неуверен
Я становлюсь и стою за порогом
Высокородной, поскольку немерян
Сокрытый в ней клад;

Все делаю невпопад,
Жду от нее нагоняя,
Но даже пусть посулят
Мне трон королевский Мая,
При ней я остаюсь рад.

Мудрый свободным от зауми слогом
С тем, в чьей душе след надежды похерен,
Шутит: «Знать, скудный надел ему богом
Выдан!» — хорош афоризм или скверен,

Но я-то богат
Любовью; пусть лучше в ад
Добрая ввергнет, чем злая
Введет меня в райский сад;
Иной судьбы не желая,
Я счастлив и средь утрат.

Знаю о Даме я, склонной к подлогам:
Пояс супружеской чести утерян
Ею, как свойственно то недотрогам;
Гневный сарказм мой, увы, правомерен,

Когда нарасхват
Идет она, всем подряд
Вслух свой товар предлагая,
И рад, что ни сват ни брат
Я ей, поскольку такая
Похвал достойна навряд.

Мария, Дама благая,
Вам эти нравы претят,
Радует всех, привлекая
К себе, ваш душевный склад.

3

Птиц мелодичный куплет
Мне душу не веселит,
И голос мой, с грустью слит,
Зря звучит:
Мольбою Даму впустую
Атакую —
Не простит
Она столь горьких обид;
И в сердце стыд,

Ибо зачинщику бед
Просить прощенья не след.

Итак, зря будет пропет
Тот стих, что в груди звенит!
Проситель, плача навзрыд,
Только злит
Даму, к рыданиям глухую:
Я рискую,
Что мой щит
Вдребезги будет разбит,—
Она отмстит,
Ибо теперь не секрет
Одна из моих побед.

Но пусть нанесен был вред
Мне той, чей порочен вид,
Ужель добить поспешит
И казнит
И та, в ком участь благоую
Я взыскую?
Иль гласит
Закон, что должен убит
Из волокит
Быть каждый? Но это бред,
В котором жалости нет!

Признаться, строгий запрет
Не так уж сердце долит:
Коль вновь подойти велит
И пленит
Милостью — не протестую,
Ведь такую,
Что решит
Сказать, что конфликт изжит,
Кто не почтит
Высокой хвалой, нашед
В ней поклоненья предмет?

Я снова увижу свет,
Когда соблаговолит
Она узнать, как болит,
Как скорбит
Душа моя. Нет, ни в какую!

Я горюю,
Но закрыт,
Видимо, ею кредит:
Мной не излит
Жалоб поток — и примет
Счастливых потерян след.

Я дам терпенья обет,
Приду к ней, вервью обвит:
Иль больше пусть не винит,
Иль сразит
На месте — сразу тем злую!
Только чую,
Сообразит,
Что смерть от мук защитит,—
И превратит
Жизнь в цепь мучительных лет,
На том завершив сюжет.

Сеньор Пуатье грустит,
Ибо забыт
И слышит всегда в ответ
Вместо ста «да» одно «нет».

Графиня де Диа

1

Мне любовь дарит отраду,
Чтобы звонче пела я.
Я заботу и досаду
Прочь гоню, мои друзья.
И от всех наветов злых
Ненавистников моих
Становлюсь еще смелее —
Вдесятеро веселее!

Строит мне во всем преграду
Их лукавая семья,—
Добиваться с ними ладу
Не позволит честь моя!
Я сравню людей таких
С пеленою туч густых,
От которых день темнее,—
Я лукавить не умею.

Злобный ропот ваш не стих,
Но глушить мой смелый стих —
Лишь напрасная затея:
О своей пою весне я!

2

Я горестной тоски полна
О рыцаре, что был моим,
И весть о том, как он любим,
Пусть сохраняют времена.
Мол, холодны мои объятья —
Неверный друг мне шлет укор,
Забыв безумств моих задор
На ложе и в парадном платье.

Напомнить бы ему сполна
Прикосновением нагим,
Как ласково играла с ним
Груди пуховая волна!
О нем нежней могу мечтать я,
Чем встарь о Бланкафлоре Флор,—

Ведь помнят сердце, тело, взор
О нем все время, без изъятья.

Вернитесь, мой прекрасный друг!
Мне тяжело ночь за ночью ждать,
Чтобы в лобзание передать
Вам всю тоску любовных мук,
Чтоб истинным, любимым мужем
На ложе вы взошли со мной,—
Пошлет нам радость мрак ночной,
Коль мы свои желанья сдружим!

3

— Друг мой! Я еле жива,—
Все из-за вас эта мука.
Вам же дурная молва
Не любопытна нимало,
Вы — как ни в чем не бывало!
Любовь вам приносит покой,
Меня ж награждает тоской.

— Донна! Любовь такова,
Словно двойная порука
Разные два существа
Общей судьбою связала:
Что бы нас ни разлучало,
Но вы неотлучно со мной,—
Мы мучимся мукой одной.

— Друг мой, но сердца-то — два!
А без ответного стука
Нет и любви торжества.
Если б тоски моей жало
Вас хоть чуть-чуть уязвляло,
Удел мой, и добрый и злой,
Вам не был бы долей чужой!

— Донна! Увы, не нова
Злых пересудов наука!
Кругом пошла голова,
Слишком злоречье пугало!
Встречам оно помешало,—

Зато улюлюканья вой
Затихнет такою ценой.

— Друг мой, цена дешева,
Если не станет разлука
Мучить хотя бы едва.
Я ведь ее не желала,—
Что же вдали вас держало?
Предлог поищите другой,
Мой рыцарь-монах дорогой.

— Донна! В любви вы — глава,
Не возражаю ни звука.
Мне же в защите права
Бóльшие дать надлежало,
Большее мне угрожало:
Я слиток терял золотой,
А вы — лишь песчаник простой.

— Друг мой! В делах плутовства
Речь ваша — тонкая штука,
Ловко плетет кружева!
Рыцарю все ж не пристало
Лгать и хитрить, как меняла.
Ведь правду увидит любой:
Любовь вы дарите другой.

— Донна! Внемлите сперва:
Пусть у заветного лука
Век не гудит тетива,
Коль не о вас тосковало
Сердце мое, как бывало!
Пусть сокол послушливый мой
Не взмлет под свод голубой!

— Мой друг, после клятвы такой
Я вновь обретаю покой!
— Да, Донна, храните покой:
Одна вы даны мне судьбой.

Кастеллоза

* * *

Зачем пою? Встает за песней вслед
Любовный бред,
Томит бесплодный зной
Мечты больной,
Лишь муки умножая.
Удел и так мой зол,
Судбины произвол
Меня и так извел...
Нет! Извелась сама я.

А вы, мой друг, плохой вы сердцевед,
Любви примет,
Сдружившейся со мной
Тоски немой
Во мне не замечая.
Всеобщий же глагол
Вас бессердечным счел:
Хоть бы приветил, мол,
Несчастной сострадаю.

Но я верна вам до скончанья лет
И чту обет
(Хоть данный мной одной!),
Свой долг святой
Безропотно свершая.
Вас древний род возвел
На знатности престол,
Мою ж любовь отмел,—
Для вас не столь знатна я.

Вы для меня затмили целый свет,—
Отказа нет
Для вас ни в чем от той,
Кто день-деньской
Все ждет, изнемогая,
Чтоб ожил тихий дол
И вестник ваш прибрел
Иль пыль клубами взмел
Скакун ваш, подлетая.

Украва перчатку, милый мне предмет,
У вас, мой свет,
Но потеряв покой,
Своей рукой
Ее вам отдала я,—
Хоть грех мой не тяжел,
Но он бы вас подвел,
Коль ревности укол
Не стерпит... та, другая...

Гласят заметы стольких зим и лет:
Совсем не след,
Чтоб к донне сам герой
Ходил с мольбой.
Коль, время выжидая,
Сперва бы сети сплел,
С ума бы донну свел,
То в плен не он бы шел —
Спесивица младая!

Ты б к Самой Лучшей шел
И песню спел, посол,
Как некто предпочел
Мне ту, с кем не чета я.

Друг Славы! Мир не гол
Для тех, кто зло из зол —
В вас холодность обрел,
Но страстью расцветая!

Пейре Видаль

1

Мне петь от тоски невмочь,
Ибо недужен мой граф.
Король зато жив и здрав
И столь до песен охоч,
Что новую я сложу:
С ней в Арагон отряжу
Гильема, и Бласко тоже,
Их вкусы в музыке схожи.

Никто певца не порочь
За то, что, все потеряв,
Желает он не забав,
Но песней скорбь оболочь;
Признаньем я дорожу
Той, по которой тужу,
Она же со мной все строже —
Как тяжки разлуки, боже!

Ею забыт, я точь-в-точь
Как тот, кого, оболгав,
Лишили чести и прав;
Что толку в ступе толочь
Воду — позор заслужу
Покорством, но так скажу:
Почтенней еврей, похоже,
Чем тот, кто проник к ней все же.

Мне страсть не может помочь:
Там чист золотой расплав,
Где жарки угли,— но нрав
Той, что меня гонит прочь,
Чем я верней ей служу,
Тем тверже,— и вот хожу
К другой, чей прием дороже
Мне поклоненья вельможи.

Трон радости я не прочь
Принять: я стал величав,
Как император, начав
Любить комторову дочь;

Снурки Раймбауды свяжу
В один: в Пуатье и Анжу
Властвовал Ричард, и что же —
С ним были дамы построже.

Готов я, таясь обочь
Дорог, быть целью облав,
Чтоб пастухи, закричав:
«Волк!», стали гнать меня в ночь;
Я счастлив, когда брожу
По лесу и нахожу
В траве, а не в замке ложе
И снег примерзает к коже.

Кой с кем, Цимбелин, дружу
Я ради вас, но скажу:
Дружить — не одно и то же,
Что стынуть в любовной дрожи.

Волчице принадлежу,
И если еще кружу,
То знаю, раньше иль позже —
Натянуты будут вожжи.

2

Эн Драгоман, да будь я на коне,
Враги бы оказались в западне,
На гибель устремившись всей гурьбой,
Как перепелки к ястребу, ко мне,
Не стоили б их жизни и денье,
Известен нрав мой, дикий и крутой.

Когда иду с колчаном на плече
При эном Ги подаренном мече,
Земля трясется под моей стопой,
Противника не вижу по себе,
Чтоб с ним на узкой встретиться тропе,—
Бегут, едва лишь шаг слышат мой.

Бесстрашен, как Роланд и Оливье,
Любезен, как Бернарт из Мондидье,—
Такая слава тянется за мной;

Угадываю я в любом гонце
Весть добрую, в снурке ль витом, в кольце,
И сердце бьется с радости такой.

Я рыцарство явил во всей красе,
Притом любви постигнул тайны все,
Я преданнейшим был ее слугой,
И как под крышей дома рады мне,
Так ужас я внушаю на войне,
Повсюду я предупрежден молвой.

Жаль, нет коня, а будь я на коне,
Король бы почивать мог в сладком сне,
На Балаг'эр спустился бы покой;
Я б усмирил Прованс и Монпелье,
И те, что еле держатся в седле,
В Кро не посмели б учинить разбой.

А встретить я близ Тулузы, на реке,
Бойцов с дрожащим дротиком в руке,
Услышав «Аспа!» и «Оссó!» их вой,
Их в быстроте превосходя вдвойне,
Ударю так, что к крепостной стене,
Мешаясь, повернет обратно строй.

Губители людей достойных, те,
Кто в ревности погряз и клевете,
Кто радость принижает волей злой,
Узнают, что за мощь в моем копье.
Я ж их удары, шпаг их острие
Приму, как на павлиньих перьях бой.

Сеньора Вьерна, Милость Монпелье,
И эн Райньер, любите шевалье,
Чтоб славил он Творца своей хвалой.

3

Я прибыл в Прованс: с дороги
Явлюсь к двору госпожи,
О радости петь стихи
Начав на ее пороге:
Ибо получит вассал,
Если он верно служил,

Честь, славу и прочный тыл
Взамен услуг и похвал
Той, чью любовь он снискал.

Терпением смирив тревоги,
За верность награды жди —
Обещан же в короли
Артур британцам в итоге;
И я — тем, что долго ждал, —
Тот поцелуй отмолил,
Который (любовный пыл
Гася) у Дамы украл:
И вот, запрет с него снял.

Как судьи ко мне ни строги,
Им промаха не найти:
Выводят с пути тоски
На путь удач меня ноги;
Я утешение дал
Влюбленным, ибо добыл
Сверхнапряжением сил
Огонь изо льда, и стал
Сладким на вкус морской вал.

Для покаяний предлоги
Ищу, хоть забыл грехи,
Молю, не обидив: «Прости!» —
И милость являют боги:
Мне сладки уколы жал,
В слезах я радость открыл;
И в страхе восторг вкусил;
Нашел — где, мнил, потерял,
Выиграл — где проиграл.

Остался я без подмоги,
Но Дамы уста рекли,
Что пораженья мои —
Моих же побед залого;
Тем, собственно, что смирял
Гордыню, я угодил
Даме и рок победил:
Я к состраданию взывал
И тем любовь защищал.

«Да!» — молвив, в едином слогe
Она все дары любви
Тому бы вручила, чьи
Чувства в руках недотроги:
Я сдался ей и не знал,
Кто продал или купил
Меня, ибо вещью был;
Мысль об измене внушал
Безумец — я ей не внял.

В своем, Бель-Райньер, чертоге
Баронов всех превзошли
Достоинством вы: они
В сравненье с вами убоги;
Чтоб понял всяк, как он мал,
Таким вас бог сотворил;
И я только тем и жил,
Что вашу честь восхвалял
И вас Бель-Райньером звал.

Гаваудан

* * *

Ранним утром третьего дня
С гребня холма спускаясь в лог,
Под боярышником увидел я
В тот миг, когда заалел восток,
Девушку, чей облик и взор
    Другую мне напоминали
    И так приветственно сияли,
Что я поскакал во весь опор.

Исполнившись радости, с коня
Тотчас спрыгнул я на песок;
За руку дева взяла меня,
Я рядом с ней в тень липы лег;
Она не вступала в разговор:
    Еще я сомневался, та ли,
    Но вдруг меня поцеловали
Ее уста, разрешив наш спор.

Я словно заснул, но, щекоча,
Кудри моих коснулись щек.
— Красавица, знать, в эти края
Вас вел, чтоб встретились мы, сам бог?
— Да, сеньор. Он на милость скор,
    И все пошло бы, как вначале,
    Когда б, как я, вы пожелали
Того, что все мне ставят в укор.

— Подруга, я предвижу, что зря
Было б судьбе бросать упрек,
Ибо, лаской меня даря,
Знайте, что мой жребий жесток:
Что прежде дал, то отнял Amor,
    Не знаю я, какие дали
    Приютом милой нынче стали,
Столь похититель ее хитер.

— Сеньор, я ночь провожу, скорбя,
Так что мне понятен ваш слог:
Вас не видя подле себя,

Лишилась сна я на долгий срок,
И все же разлучника ждет позор:
Его усилья зря пропали,
Ведь мы друг друга повстречали
Его стараньям наперекор.

— Подруга, светла судьба моя.
Бог мне вашу дружбу сберег,
Радостью комнат полны поля,
И нашей радости в том залог,
Все удается нам с этих пор,
И мы горды, что не попали
В служенье рабское к печали,
И кончен мой с Амором раздор.

— Сеньор, Дамой Евой уговор
Нарушен был, но те едва ли
Умны, что ей за то пеняли,
И мне смешны все, что мелют вздор.

Гильем де Кабестань

1

Сладостно-злая
Грусть, что Amor мне дал,
Жжет, заставляя
Песней унять накал
Страсти: пылая,
Я б вас в объятьях сжал,
Но, столь желая,
Я вас лишь созерцал.
Что ж, я в ваших руках;
Видя гневный их взмах,
Превращаюсь я в прах,
Так как верен обету;
К вам стремлюсь, будто к свету,
Я, блуждая впотьмах;
Вас я славлю-в стихах.

Пусть, гнев являя,
Amor вас охранял,
Премного зла я
Из-за него приял,
Радость бывая
Ушла, я грустен, шал:
Любви желая,
От ее плачу жал.
От любви я исчах,
С вами я нежен в снах,
Наяву ж — не в ладах,
Напоказ всему свету.
За какую монету
Вы мой примете страх?
Ибо я вновь в бегах.

Эскиз к портрету
Я набросать хотел:
Улыбку эту,
Стан, что строен и бел.
Когда б воспету
Мной, как воспеть я смел
Вас, быть завету
С богом — в раю б я пел!

Вам я служить готов
Ради десятка слов;
Мне дареных платков
Не храню, не ищите!
Нет во мне прежней прыти,
Нежных дам тщетен зов.
Мой алтарь — ваш альков.

Я рад рассвету:
Едва он заалел,
Любви примету
Я в нем найти успел;
Не вняв запрету,
Я пал, лишь вас узрел;
Увы, поэту
Любить — один удел.
Неприветлив ваш кров,
Нрав ваш тверд и суров,
Я лишен всех даров:
Что ж, кто может — берите!
Только мне разрешите
Ждать, что дрогнет засов,
Коль мой жребий таков.

Тоскою рвите
Сердце мне пополам,
Но в дом впустите
Амора — пусть он сам
В тайном укрытье
Возведет себе храм;
Слух свой склоните
К слезным моим мольбам.
Причиняя мне вред,
Злом вы полните свет;
Коль одну из бесед
Вы б вели с прямою,
Молвив, чего я стою,
Любите вы иль нет,
Я б не ждал столько лет.

Я слаб в защите —
Крепость без боя сдам;
Милость явите —
Честь будет призом вам;

Знать не велите
Зависти к королям:
Быть в вашей свите
Мне приятней, чем там.
Коль пошлете мне вслед
Лишь прохладный привет,
Им я буду согрет.
Ах, любви полнотою
Душу мою — пустою
Оставляя вам не след.
Что ни жест, то запрет!

Пусть ваш ответ — запрет,
Вас считаю святою
И стремлюсь со тщетою
Свой исполнить обет,
Худших не чая бед.

Эн Раймон, красотою
В рабство взят ваш сосед,
Жертва ее побед.

2

Вновь долгих дней дождались мы,
Все разом зацвели холмы,
И с распутившихся вершин
Дерев, от немоты зимы
Избавясь, песенный зачин
Летит вдоль тынов и куртин,
И всяк свистун на свой манер.

Я с них в любви беру пример:
Ложь зла, но я не малонер,
Не ближе к смокве змей, чем я
К лучам ее высоких сфер,
Чья радость как цветенье, чья
Живительна для душ струя,—
Хоть мой кошель пока что тощ.

С тех пор как эн Адам средь роц
Эдемских пал, утратив мощь,—
Кого, чей был бы столь же чист
Лик, вдохновил Христос, наш вождь?

Она гладка, как аметист;
И путь к ней ровен — хоть тернист,
Прям — но над пропастью навис.

Близ Дамы быть — вот мой девиз,
К ней рвусь я, но сердечный криз
Сжал грудь мою, ожег, потряс,
Взорвал — не выбраться мне из
Руин, в обломках я погряз,
Совсем исчез, верней, увяз
В любви, словно в цветах — иссоп.

Тех, кто влюблен, как я, ждет гроб,
Моя же смерть близка, не то б
Любовь костра во мне палить
Не стала, возводя поклен:
Его и Нилу не залить,
Как удержать не в силах нить
Летящего со стен зубца.

Хоть боль сладима, нет конца
Любовной пытке — я венца
Мучительного не избег,
И мертвенным стал цвет лица;
Но, даже проживи я век
И белым сделайся как снег,
Хулить я Даму не хочу.

Ведь только Дамам, не шучу,
Дано целить нас, как врачу;
Пусть всех прогонит с глаз долой
Тот, кому страсть не по плечу, —
И он возвысится душой;
Презрительно над волей злой
Смеюсь я, лишь добро ценя.

Жонглер, тебе не страшен зной,
Иди к друзьям моим и пой,
Для эн Раймона жар храня.

Пой, что я сыт и пьян бедой,
Стол постный — манна для меня.

Пе́йре Карденаль

1

Я ненавижу лживость и обман,
Путь к истине единственно мне го́ж,
И, ясно впереди или туман,
Я нахожу, что он равно хорош;
Пусть сплошь и рядом праведник бедней
Возвышенных неверьем богачей,
Я знаю: тех, кто ложью вознесен,
Стремительнее тянет под уклон.

Любить, как Каин Авеля, крестьян
В самой природе у больших вельмож,—
Бордельным девкам мил чужой карман
Не столь, сколь этим хищникам грабeж;
Будь дырка в теле у таких людей,
Не правду обнаружили б мы в ней,
Но фальшь, ибо в сердцах их заключен
Источник лжи, не знающей препон.

Известен мне баронов целый клан
Цены такой, как со стекляшкой брошь:
Сказать, что это малый лишь изъян,
Не то же ли, что волк с ягненком схож?
Людей пустейших все они пустей
Душой, денье фальшивый их ценней:
Крест, и цветок, и сверху посребрен,
А переплавь — дешевле меди он.

Свой новый изложу Востоку план
И Западу, ждать дольше невтерпеж:
Дать честному согласен я безан,
Коль мне бесчестный — гвоздь ценою в грош;
Дам щедрым марку золота быстреей,
Чем мне су турецкое — союз рвачей;
Правдивым будет слиток мной вручен,
Будь лживыми яйцом я награжден.

Пергамента клочок и мал, и рван,
Перчатки палец невелик — и все ж

Я напишу на них закон всех стран,
Ибо не труден пирога дележ
Меж честными — их мало: кто щедрей,
Зовет к столу достойных, а гостей
Стекается толпа со всех сторон —
Считает всяк, что он был приглашен.

Нельзя, чтоб урожай похвал с полян
Добра — тот собирал, кто сеет ложь,
Недаром говорят, что козь баран
Ободран, то его не пострижешь;
Нельзя, чтоб где-то трус иль дуралей
Был храброго иль мудреца знатней,
Чтоб праведный был правдой уличен
И мог законник уличать закон.

Хочу сказать сирвентою моею,
Что правды избегающий злодей
Ни здесь, ни там, как ни старайся он,
Не будет к лику славных сопричтен.

Файдит, ступай с сирвентою моею
В Торнель немедля: эн Гигон славней
Всех был бы в мире, но такой, как он,
И мой сеньор эн Эбле де Клермон.

В путь, Раймондет! Сирвенты суть моею
Узнают лишь храбрец и книгочей;
Не пой ее мужлану, ибо он
И слыша не поймет, откуда звон.

2

Любовь я ныне славлю всласть:
Она дает мне спать и есть,
Меня не жжет, не студит страсть,
Я не блуждаю где-невесь,
Вдаль не гляжу, зареван,
Не мучит душу мне разлад,
Я не унижен, не распят,
К посланцу не прикован,

Предать меня не норовят,
Дела мои идут на лад.

Против меня не ставят снасть,
Не страшно мимо стула сесть,
Не надо ни изменниц клясть,
Ни грубого ревнивца мечь,
    Никем не атакован,
Ничьей внезапностью не смят,
Не гнусь под грузом глупых лат,
    Не гол, не обворован,
Не говорю, что я объят
Любовью, ни что в сердце ад.

Не говорю, что должен пасть,
Что мук любви не перенести,
Встреч не ищу, не славлю власть
Той, что могла мне предпочесть
    Любого, будь готов он;
Нет дела до ее наград,
До сердца, сданного в заклад;
    Не бит, не ошельмован,
Любовью в кандалы не взят,
Напротив, ускользнул и рад.

Благу победитель часть
Избрал: его венчает честь,
А побежденного ждет пасть
Могилы, страшно произнесть,
    Но высший тем дарован
Удел, кто из души разврат
Изгнал, кто армией услад
    Не мог быть завоеван;
Победа эта им стократ
Важней, чем городов захват.

Хочу на тех охулки класть,
Чья речь — ручей, чьих чар не счесть,
Кто скор корысть красавиц красть,
Вливая ловко в ласку лесть;
    Их раж и жар рискован,
Они о нас надменно мнят;

Визг розг и грязь грызне грозят,
Но зря тот арестован,
Чья явь — любовь, а яства — яд;
Плачь, коль оплачен оптом клад.

Курс волей облюбован
Такой, что чувства наугад,
Но не куда хочу летят.

Гираут Рикьер

1

Однажды лугами
К реке в полдень знойный
Я брел наугад,
Настроен дарами
Любви беспокойной
На песенный лад,
И встрече со стройной
Пастушкой, достойной
Беседы, был рад:
Веселый, спокойный,
В манере пристойной
Мне бросила взгляд
Склоненная над
Одним из ягнят.

Спросил я у девы:
«Искусны ль в любви вы?
Любили ли вас?»
Ответила: «Все вы,
Сеньор, столь учтивы,
Что труден отказ».
«Вы, дева, красивы,
И, коль не гневливы,
Тогда все за нас!»
«Сеньор, те порывы
Безумны и лживы,
Где пыл напоказ».
«Страсть видно на глаз».
«Слепа я как раз».

«О дева, упрямы
Вы стали и строги,
Влюбленность гоня».
«Но вы — данник Дамы,
И ждет на пороге
Друг нежный меня».
«Все это — предлоги;
Без вашей подмоги
Не жить мне и дня».
«По старой, в итоге,

Пойдете дороге,
Ей верность храня».
«Вы тверже кремня».
«Ваш стиль — болтовня».

«О дева, нет сладу
Мне с чувством, чьи новы
И жар, и задор».
«Сеньор, так осаду
Ведут празднословы —
Окончим наш спор».
«Прелестница, что вы!
Хоть вы и суровы,
Я — ваш с этих пор!»
«Сеньор, вы готовы
На все: ваши ковы
Сулят лишь позор».
«Я, дева, хитер».
«Претит мне напор».

«О дева, напротив,
Причина не вы ли,
Что здесь я простерт?»
«Себя озаботив,
Вы лишь углубили
Душевный комфорт».
«Пленять в этом стиле
Меня научили
Уста Бель-Депорт».
«Что ж, вы победили,
По-прежнему в силе
Бесед этих сорт».
«Победой я горд».
«Мой голос нетверд».

«Что было примером
Вам в выборе тона,
Которым я пьян?»
«Сеньор, эн Рикьером
Пропета кансона,
Чей сладок дурман».
«Речь ваша мудрена,
А робость — препона
Исполнить весь план».

«Но Бель-Депорт с трона
Свергать — нет закона,
Вот плана изъян».
«Я ею не зван».
«Захлопнут капкан!»

«Не жду я урона,
Коль в роли патрона
Бертран д'Опиан».
«Сеньор, я от гона
Устала, и стопа
Причина — обман!»
«Отныне мой стан —
Средь этих полян».

2

Дама к другу не была
Столь строга на этот раз:
Слово встретиться дала
С ним на днях, в вечерний час.
Срок желанный наступил, —
Истерзался друг тоской:
«Ох, томиться день-деньской!
Нет, видать,
Нынче вечера не ждать!»

Страсть жестоко сердце жгла,
Нестерпимая подчас.
День сиял, и ночь не шла.
Бедный друг совсем угас, —
Ждать не доставало сил!
Истерзался друг тоской:
«Ох, томиться день-деньской!
Нет, видать,
Нынче вечера не ждать!»

И любовь его могла
Всем открыться напоказ:
За слезой слеза текла
У несчастного из глаз.
Ясный день не уходил,
Истерзался друг тоской:
«Ох, томиться день-деньской!

Нет, видать,
Нынче вечера не ждатель!»

Если встреча нам мила,
Ожиданье мучит нас, —
От него так тяжела
Даже и любовь подчас.
День лишь душу бередил,
Истерзался друг тоской:
«Ох, томиться день-деньской!
Нет, видать,
Нынче вечера не ждатель!»

3

Пора мне с песнями кончать!
Без радости и песни нет.
А радоваться мне не след, —
Чего от жизни ожидать?
В былом не помню светлых дней,
Но нынче дни еще темней.
Ничто надеждой не манит,
Лишь плакать хочется навзрыд.

Нет, песня мне и не сулит,
Что обрету отраду в ней.
Хотя по благости своей
Господь уменье мне дарит
Все в звуках мерных воссоздать:
Веселья хмель, тоски печать,
Скорбь неудач, восторг побед, —
Но поздно я рожден на свет!

На песни — чуть ли не запрет,
Презренью стали подвергать
Высокий дар стихи слагать.
Мил при дворах фиглярский бред,
Нестройный крик и гнусный вид,
А трубадур везде забыт.
Что в век разнузданных вралей
Его удела тяжелей!

Лжехристиане все наглей, —
Ужель злодейством мир не сыт?

На них одних вина лежит.
Что в правом гневе на людей
Господь послал нам столько бед
И счастью ратному вослед
Нам час пришел — за ратью рать —
Святую землю покидать.

Вдвойне нам надо трепетать:
И мавра грозного побед,
И ада — по скончанье лет
Там нашим душам пребывать.
На свете нет греха лютей,
Чем распри меж земных властей,
И дух вражды столь ядовит,
Что вскоре всех нас изъязвит.

Великий боже, царь царей!
Свои творенья пожалей
И ниспошли безумцам стыд —
Их от греха да отвратит.

О богоматерь! Поскорей
Сердца надеждой отогрей,
Что сын твой с высоты воззрит —
И мир любовью озарит.

Анонимные песни

1

Все цветет! Вокруг весна!
— Эйя! —
Королева влюблена,
— Эйя! —
И, лишив ревнивца сна,
— Эйя! —
К нам пришла сюда она,
Как сам апрель, сияя.
А ревнивцам даем мы приказ:
Прочь от нас, прочь от нас!
Мы резвый затеяли пляс.

Ею грамота дана,
— Эйя! —
Чтобы, в круг вовлечена,
— Эйя! —
Заплясала вся страна
— Эйя! —
До границы, где волна
О берег бьет морская.
А ревнивцам даем мы приказ:
Прочь от нас, прочь от нас!
Мы резвый затеяли пляс.

Сам король тут, вот те на!
— Эйя! —
Поступь старца неверна,
— Эйя! —
Грудь тревогою полна,
— Эйя! —
Что другому суждена
Красавица такая.
А ревнивцам даем мы приказ:
Прочь от нас, прочь от нас!
Мы резвый затеяли пляс.

Старца ревность ей смешна,
— Эйя! —
Ей любовь его скучна,
— Эйя! —

В этом юноши вина,
— Эйя! —
У красавца так стройна
Осанка молодая.
А ревнивцам даем мы приказ:
Прочь от нас, прочь от нас!
Мы резвый затеяли пляс.

В общий пляс вовлечена,
— Эйя! —
Королева нам видна,
— Эйя! —
Хороша, стройна, видна,—
— Эйя! —
Ни одна ей не равна
Красавица другая.
А ревнивцам даем мы приказ:
Прочь от нас, прочь от нас!
Мы резвый затеяли пляс.

2

Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.

Не слишком ли судьба ко мне сурова?
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
Свою мечту я вам открыть готова.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
Хочу любить я друга молодого!
Я так бы с ним резвилась и шутила!
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.

Наскучил муж! Ну, как любить такого?
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
Сколь мерзок он, не передаст и слово.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
И от него не надо мне иного,
Как только бы взяла его могила.

Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.

Довольно ждать! Давно решиться надо.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла,
В любви дружка — одна моя отрада.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
Без милого мне горькая досада.
Зачем страдать, коль счастье поманило?
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.

И про дружка я всем поведать рада.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
Мне верен друг, и ждет его награда.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
В любви к дружку с собой не знаю слада,
Так сердце мне она заполонила!
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.

Неплох напев, и хороша баллада.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
За песню мне нужна теперь награда.
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.
Пускай везде, не нарушая лада,
Поют о том, кого я полюбила!
Я хороша, а жизнь моя уныла:
Мне муж не мил, его любовь постыла.

3

Отогнал он сон ленивый,
Забутье любви счастливой,
Стал он сетовать тоскливо:
— Дорогая, в небесах
Рдеет свет на облаках.
Ах!

Страж кричит нетерпеливо:
«Живо!
Уходите! Настает
Час рассвета!»

Дорогая! Вот бы диво,
Если день бы суетливый
Не грозил любви пугливой
И она, царя в сердцах,
Позабыла вечный страх!
Ах!

Страж кричит нетерпеливо:
«Живо!
Уходите! Настает
Час рассвета!»

Дорогая! Сколь правдиво
То, что счастье прихотливо!
Вот и мы — тоски пожива!
Ночь промчалась в легких снах —
День мы встретили в слезах!
Ах!

Страж кричит нетерпеливо:
«Живо!
Уходите! Настает
Час рассвета!»

Дорогая! Сиротливо
Я уйду, храня ревниво
В сердце образ горделивый,
Вкус лобзаний на устах, —
С вами вечно я в мечтах!
Ах!

Страж кричит нетерпеливо:
«Живо!
Уходите! Настает
Час рассвета!»

Дорогая! Сердце живо —
В муке страстного порыва —
Тем, что свет любви неживой
Вижу я у вас в очах.
А без вас я — жалкий прах!
Ах!

Страж кричит нетерпеливо:

«Живо!

Уходите! Настает

Час рассвета!»

4

Дама и друг ее скрыты листвою
Благоуханной беседки живой.
«Вижу рассвет!» — прокричал часовой.
Боже, как быстро приходит рассвет!

— Не зажигай на востоке огня —
Пусть не уходит мой друг от меня,
Пусть часовой дожидается дня!
Боже, как быстро приходит рассвет!

— Нежный, в объятьях мой стан сдави,
Свищут над нами в ветвях соловьи,
Сплетням назло предадимся любви,
Боже, как быстро приходит рассвет!

— Нежный, еще раз затеем игру,
Птицы распелись в саду поутру,
Но часовой не сыграл ту-ру-ру.
Боже, как быстро приходит рассвет!

— Дышит возлюбленный рядом со мной,
В этом дыханье, в прохладе ночной
Словно бы нежный я выпила зной.
Боже, как быстро приходит рассвет!

Дама прельстительна и весела
И красотой многим людям мила,
Сердце она лишь любви отдала.
Боже, как быстро приходит рассвет!

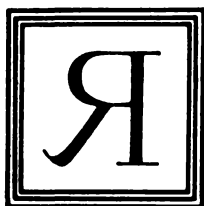
ТРУВЕРЫ

Составление О. СМОЛИЦКОЙ
Переводы со старофранцузского А. ПАРИНА

Гас Брюле

1

Я слышу птиц родных краев
На берегах Бретани,
Я помню, как звучал их зов
В любезной мне Шампани —
    Был вечно нов
    В тени дубров.
И разума восторг таков,
Что излился чредою слов, —
    Давно я, сердце рая,
Жду от Любви таких благих даров.

От мук я к смерти был готов,
    Но сдерживал рыданье,
Смеясь, мой дух кидала в ров
    Любовь на растерзанье.
    Я стал суров
    И нездоров
От этих игр, от этих ков,
Прослыл безумцем средь врагов.
    Кто был в таком капкане,
Тот впредь к Любви не попадет в улов.

Мой поцелуй меня лишил
    Навеки дамы милой,
Чрезмерен был у сердца пыл,
    Он сделал жизнь постылой.
    Он так спешил,
    Что ум затмил,
Столь сладкий трепет в жилы влил,
Что я вздохнул и отступил.

Ты, сердце, зря заныло —
Тебя виню, и гнев мой не остыл.

Вдруг в памяти спокойной всплыл
С недюжинною силой
Тот поцелуй и опалил
Уста тоской унылой.
Я стал немил,
Сражен без сил,
Но чужд и страшен мрак могил!
Пусть дама знает: стал я хил,
Забывтый и немилый;
Слабеет тело, гаснет дух, бескрыл.

От игр и ков, от воли злой
Ужель умру, желая?
Любовь, вливая пыл былой,
Меня терзает, злая.
Увы, порой
Такой игрой
Нарушен мыслей четкий строй,
Я мертв, хоть слов плодится рой.
Ведь живость плясовая
Не дружит с песнью скорби неживой.

2

Из-за ливня, из-за града
Я не перестану петь.
Песнь — одна моя услада.
Вечно будет сердце греть.
Сладко в песне мне хмелеть,
Нет с желаньем жарким слада.
Только распаляет даль.
Страсть моя тверда, как сталь.
Дама скрыта, вот что жаль.

Понял с первого же взгляда,
Что без устали смотреть
Будут очи вечно рады,
Сердце — пламенно гореть.
Впору было б умереть,
Если б не ждала награда.
Манит глаз ее эмаль.

Страсть моя тверда, как сталь.
Дама скрыта, вот что жаль.

Пылким мыслям не преграда
Даль и ревностная клеть.
Нет для памяти отвады,
Чтобы дамы лик стереть.
Хоть забывчив я, заметь,
Память чувств не знает спада.
Страсть притупится едва ль,
Ведь она тверда, как сталь.
Дама скрыта, вот что жаль.

Верность не ценней ли клада?
К даме весть должна лететь,
Нужно ведь за муки ада
И вознаградить суметь.
Коль другого вдруг пригреть
Склонна дней моих отрада,
В гроб сойду я, вот печаль.
Страсть моя тверда, как сталь.
Дама скрыта, вот что жаль.

До родного даме града
Путь далекий одолеть
Не дерзну, грызет досада,
Горестей треножит сеть.
Стану жребий свой жалеть,
У судьбы молить пощады —
Взор застелет слез вуаль.
Страсть моя тверда, как сталь.
Дама скрыта, вот что жаль.

Вам, о дама, стану петь,
Песнь возвышенного склада
Занесу в любви скрижаль.
Страсть моя тверда, как сталь.
Дама скрыта, вот что жаль.

О Бошар, до Нанта впредь
Слухам долетать не надо.
Да и сам зубов не скаль.
Страсть моя тверда, как сталь.
Дама скрыта, вот что жаль.

Утишит боль страстную
 Ответной ласки сладость.
 От радости, целуя,
 Попал я смерти в пасть.
 Второй поцелуй тороплю,
 Не медлить подругу молю,
 Этих мук не стерплю —
 Не выдержав, умру я.

Разя напропалую,
 Наносит рану страсть,
 И, подойдя вплотную,
 Тоска возьмет во власть.
 Умру, если муку продлю.
 Я вас беззаветно люблю
 И губами ловлю
 Награду губ вторую.

Любовь, вы все ж сумели
 Мне сердце обмануть,
 Уста мои сомлели,
 Не в силах я вздохнуть.
 Решили меня уморить,
 Коль ласк не хотите дарить.
 Вас напрасно корить —
 Вы смерти мне хотели!

Направлен вами к цели,
 Младым избрал я путь.
 Вы в кознях наторели —
 Мне боль вложили в грудь.
 За верность все станут хвалить
 Меня и завистливых злеть.
 Вас не буду молить —
 Вы ласк не пожалели.

Когда б любил я Бога,
 Как полюбил я ту,
 От коей горя много
 И жить не возмоготу!
 Но лучшего я не желал
 И радостей истово ждал,

Бесконечно страдал
От той, что смотрит строго.

Пусть прочь бежит тревога,
Пусть та, кого я чту,
Хоть мнимого залога
Мне явит доброту!
Любовь, я надежду питал
И лучшим из слуг твоих стал.
Пусть я сердцем устал,
Влечет любви дорога.

Кретьен де Труа

* * *

К Любви, что волю всю взяла,
Собой играючи и мной,
Несу моленье, чтоб дала
Мне сладость радости земной.
Я горько плачу, сам не свой:
Творятся страшные дела —
Жизнь у неверных весела,
А я был верен, но, хоть вой,
Судьба ко мне скупа была.

Когда б Любовь, ярьсь, пошла
Против неверных в славный бой,
Она бы обратить смогла
В бою все души до одной.
Я, не владея сам собой,
Служу лишь той, что мне мила.
Молю, чтоб сердце забрала.
Всё ей бы отдал, но слугой
Как был бы я, сгорев дотла?

О дама, вам слова ль сладки
О том, что век я ваш вассал?
Сдается, нет: мой пыл слуги
Вам только вечно докучал.
Хоть взоры вам я омрачал,
Желаньям вашим вопреки
Я ваш; забыл бы гнет тоски,
Коль взор ваш прочь меня б не гнал,
Ведь дни вдали от вас горьки.

Питья, чьи чары глубоки,
Я вслед Тристану не вкушал,
Но дух и воля столь крепки,
Что в сердце жар горит немал.
По праву я б награду взял,
Коль были б вы ко мне мягки,
Ведь помнят глаз моих зрачки,
Как образ дивный им предстал,
Зажавший сердце мне в тиски.

Коль, сердце, к даме хладно ты,
Все ж прочь бежать тебе не след:
Не миновать тебе беды
С тех пор, как лик затмил мне свет.
Тебе к любви высокой нет
Пути в оковах маеты.
Останься — и пожнешь плоды.
И пыл, желаньем подогрет,
Познает, сколь сладки труды.

Я мнил: вкушу от доброты
В том месте, где я дал обет,
В сем мире зла и суеты.
Но чаяний простыл и след.
В пучине зол, в лавине бед
Власть прославляю красоты.
Мои моления чисты,
Я свято чту Любви завет —
Служу от сердца полноты.

Блондель де Нель

1

От веселья совет:
Пой весной без забот.
Сердце бьется в ответ
И согласие дает:
Только песня от бед
Нам надежный оплот.
Открывается свет
Тем, кто с чувством поет!

Но отрада отрад —
Та любовь, что чиста,
Подношений впопад
И даров щедрота,
И уж попросту клад,
Коль учтивы уста.
Кто всем этим богат,
Тех бежит маета.

2

Бьется снег, зимой взметенный, —
Я по той, кем был пленен
(Но при этом неплененной)
Горькою тоской смятен.
Раб любви односторонной,
К ней пошел я на поклон,
Но душою непреклонной
Был разбит со всех сторон.

Мукой мучим я бессонной,
Что любить я обречен
Страстью чистой, обреченной,
Ту, что сладостна, как сон.
Дух стыдится, уличенный. —
Я ль так много восхвален,
Чтобы ею, восхваленной,
Был средь многих отличен?

Все же ум, судьбою данный,
Не спасет от горьких ран.

Вновь саднит на сердце рана:
Будет ли подарок дан?
Низкородный, не избранный,
Некий муж, в любви рьян,
Знаю, дамой, в чувствах рьяной,
В слуги сердца был избран.

Труд мой долгодезызыанный —
Чаяньям грозит обман.
Но служу я без обмана —
Так за что в судьбе изъян?
Я стремлю мольбу к желанной:
Дай обнять мне тонкий стан,
Дай за труд мой неустанный
Поцелуй, что столь желан.

3

О, знали б, что мучусь, бедняк,
И в горестях изнемогаю,
Те, кто пристають ко мне: как
Я песен столь много слагаю!
Пусть верно толкует остряк,
Что песен источник иссяк,
Я все же никак не смолкаю:
Лишь с песнею будет мне благ
Нас всех поглощающий мрак.

Печалюсь, попавши впросак:
Столь дама прекрасна благая,
Что ей восторгается всяк,
Всех прочих подруг отвергая.
Но я б не печалился так,
Когда б мне дала она знак,
Что ей не отвергнут пока я.
Но явится смерти призра́к,
Коль я ей несносен, простак.

Коль та, из-за коей запряг
В упряжку терзаний себя я,
Узнала б, сколь скорбен мой шаг,
Сколь мука крушит меня злая,
Послала б мне благо из благ —
Хоть знак, что я друг, а не враг.

Ответит мне дама, я знаю —
Об этом речет ее зрак,
Чураясь и козней и врак.

О песня, к ногам ее ляг
И, рядом с прекрасной стихая,
Ты слух услади ее так:
«Тот радует, благоухая,
Кто добр и умом не дурак».
Иначе не скажешь никак —
Я низменный слог отвергаю.
Но если я даме чужак,
Блондель не снесет передряг.

Ги де Куси

1

И новый век, и май, и ароматы,
И соловьи велели, чтоб я пел,
И сердце дар несет мне столь богатый —
Любовь, — что отказаться я не смел.
О, если б радость дал мне Бог в удел —
О, если бы я дамой овладел,
Нагую обнял, страстию объятый,
Пока поход не подоспел.

Она явилась, и, томленьем взятый,
Я позабыл, что зло для ней терпел.
Ее прекрасный лик, уста несмяты,
Взор голубых очей, что вдаль летел,
Меня пленили, — сдаться не успел.
Не стал вассалом — волю проглядел.
Но лучше с ней вкушать любви утраты,
Чем перейти с другой предел.

Я сотни вздохов дал за долг в уплату —
От ней и одного не возымел;
Любовь велит, чтоб мне, как супостату,
Ни сон ни отдых сердце не согрел.
Умру, Любви будет меньше дел.
Слезами мстить — я лишь на это смел:
Тот, на кого Любовь наводит трату,
Всех покровителей презрел.

Зачем она моим глазам предстала,
Кто Ложною Подругой названа?
Я плачу горько — ей и горя мало,
Столь сладко мучит лишь она одна.
Был здоров, пока душа была вольна,
Предался ей — убьет меня она
За то, что к ней же сердце вспылало —
Какая есть за мной вина?

Та радость, что в Любви берет начало, —
Всех радостей венец — мне не дана.
Да, видит Бог, судьба жестокой стала,
В руках злодеев ожесточена.

Известно им, что подлость свершена.
С заклятыми врагами ждет война
Укравшего, что честь не разрешала,—
За все заплатит он сполна.

Столь тщательно себя печаль скрывала,
Что взорам всем осталась не видна.
Когда б злодеев свора не мешала,
Судьба, что вздохов горестных полна,
Была б Любовью вознаграждена.
Вдруг страсть моя была разглашена
В тот миг, когда все счастье предвещало.
Век не простить мне болтуна!

2

Влюбленные, вам прежде всех других
Я про мои страдания поплачу:
От преданной подруги дней моих
Идти я должен прочь — нельзя иначе.
Ее покину, значит, все утрачу.
О, знай, любовь, коль кто-нибудь затих
Навек от мук немислимых таких,
Ни лэ ни песню боле не сложу.

Господь, как поступлю в условиях сих?
Иль день прощанья с Дамой назначу?
Свидетель Бог, решений нет иных —
В чужом краю свой лик от милой спрячу.
Великую терплю я неудачу:
Нет милостей от Дамы никаких,
От прочих не хочу; мой жребий лих,
А навсегда ли, вряд ли сам скажу.

Уйду ль от сих очей, от их тепла,
От благ, и от отрады высшей самой,
И от любви, что ощутить дала
Та, что была мне госпожой и Дамой?
Напоминает память мне упрямо
Ее слова и добрые дела —
И рвется прочь душа, подъяв крыла.
Коль не умру, в безумцы, ужогу.

Отрады, коими вся жизнь мила,
Без платы Бог не даст сынам Адама,

Расплата за отрады тяжела:
Боюсь, могилы б не раскрылась яма.
Любовь, спаси! На верность нашу прямо
Направил Бог внезапно силы зла.
Нет, не хочу, чтоб прочь любовь ушла,
Но сам я прочь от Дамы ухожу.

Ликует ныне и злодей и тать,
Кого, коль был я рад, брала досада.
Паломником столь кротким мне не стать,
Чтобы за подлость не желать им ада.
Паломничества цель терять не надо:
Меня злодеи мнили в прах втоптать,
А Бог велел мне к ним любовь питать —
Сколь тяжкий груз я на плечах держу!

Я прочь иду и Господу отдать
Хочу любовь и попросить пощады.
Не знаю, свидеться ли нам опять,
Лишь случай — властелин такой отрады.
Пусть ваша верность будет в знак награды,
Прийти мне или не прийти мне вспять,
И дай Господь мне честь не потерять
И помнить век, что только вам служу.

Скажи ей, песнь: для правды нет преграды.
За Господа иду я жизнь отдать
И в вас, на ком Господня благодать,
Единственную вижу госпожу.

3

Столь сладок голос соловья лесного,—
Он день и ночь трепещет и звенит,—
Что дух мой услажден и весел снова,
А радость вмиг желанье петь родит.
Я должен песнь сложить, что усладит
Ту, коей век быть верным дал я слово.
От счастья зайтись душа готова,
Коль дама взоры прочь не отвратит.

Ни тени легкомыслия пустого
Не допускал я, не таил обид,
Ее люблю, служу ей образцово,

Но образ мыслей о
Краса ее мне очи
Что не могу я пр
Столь манит вид
Что взор мой от

Да, сердце полно
Что вкус иных
Тристан и тот с
Настолько не б
Всем — телом,
Всю мѳщ вло:
Такого друга
В наш век ни

Не плачусь я: душа, мол, незде
Мол, от чреды невзгод мне смерть грозит,
Поскольку в мире лика нет иного,
Чей властно столь меня прельщает вид.
Нет, ноша дух не злит, но веселит —
Увидев лик, я прынул к жизни новой,
Навеки дух свой заключил в оковы,
Век не уйду от глаз и от ланит.

О песнь, привет пропой под сенью крова —
Никак мой дух смущенный не решит,
Бежать оттуда иль явиться снова:
Молва дурных людей его страшит,
Что, страсть клеймя, — пусть Бог их сокрушит! —
Меня толкнули в бездну горя злого.
Судьба со страстью обошлась сурово:
Зло надо мною произвол вершит.

4

Я наудачу начну
Последней песни слова.
Бог весть, на воле ль, в плену,
Жива душа иль мертва,
Недужна иль здорова,
Храню любовь иль клянусь, —
Себе не ставя в вину,
Пою, от страсти сгорая,
Красу Французского края.

Едва лишь я вспомяну,
Вся стать ее какова,
Своей душе я верну
На мир и радость права.
Повсюду рыщет молва,
Но не поверю лгуну
И наглеца обману —
Толпа не визнает злая,
Что мучусь, страстью пылая.

Я каяться не хочу
И тайну в сердце таю.
Душой и телом служу,
Весь жар и пыл отдаю.
Несу я муку мою
И ношей сей дорожу:
Могу молить госпожу
Всю жизнь, не теряя пыла,
Чтоб боль мою наградила.

5

Я чаял без любви прожить,
В душе хранить покой весь век,
Но сердце стало вдруг блажить,
Хоть я досель страстей избег.
Я стал рабом великой блажи,
Глупей того дитяти даже,
Что затевает в доме крик,
Звезду с небес желая вмиг.

Хоть чаянья нет сил питать,
Любовь дает в награду мне
Возможность самым верным стать,
Горя в ее благом огне.
Король глупцов, я верен блажи.
Любви поверил — будь на страже:
Получит лучшее из благ,
Кто козням и изменам враг.

Столь мук велит любовь терпеть,
Что в злость немудрено мне впасть.
Когда б хоть на день возыметь
Всецело над злодейкой власть!

Уж я тогда ее от блажи
С господней помощью отважу:
Пусть от руки моей падет,
Коль верх над дамой не возьмет.

О та, чей горд и волен нрав,
Простите мне пустую блажь.
Любить вас не имею прав,
Коль ты, любовь, мне их не дашь.
Я в прах истерзан дикой блажью,
Как судно — ветра силой вражьей;
Дотоле ветру дуть вольно,
Пока не канет челн на дно.

О дама, высших благ сосуд,
Щедрей дарите свет отрад!
В вас огонь любого зла задут,
Лишь пламена добра горят.
О, знайте: жизнь от этой блажи
Любых невзгод гнусней и гаже.
Кому пенять мне, как не вам,
Что эти муки длю я сам?

О песнь, служа прекрасной блажи,
Будь обходительней и глаже,
Ты ей скажи, чтоб, честь храня,
Не забывала век меня.

Конон де Бетюн

1

Песнь, легкую для пониманья,
Сложу, ибо мне же и прок,
Коль выбрать для заповинанья
И спеть ее каждый бы смог.
И как же еще на порог
К прекраснейшей даме вселенной
Дойти моей скорби смиренной?

Когда бы вдвойне драгоценной
Я мысль свою сразу изрек,
Кичливую стать и надменной
Могла б, получивши залог.
Но долгий не вынесу срок,
И польза моя и желанье
Мне душу исполнят дерзанья.

Столь долго скрываю мученья
Всечасно от всех в глубине,
Что должен я без промедленья
Все высказать наедине
Той, что не грустит обо мне;
Пусть чувства могли в ней отхлынуть,
Себе не позволю остынуть.

Меж тем раз не хочет мне кинуть
Хоть знак утешенья, вполне
Учтиво мне было б отринуть
Заботы и жить как во сне.
Открою ей чувства, зане
Напор породит восхищенье,
Коль нет в ней ко мне отвращенья.

Что ж скрыл я, безумец, растраву —
Ту боль, что весьма велика,
Хоть малой была бы по праву,
Ведь в сердце любовь высока?
Я столь неудачлив пока,
Что право со страстью в придачу
Не в силах принести мне удачу.

Я б умер, столь жалобно плачу.
Но лечит краса бедняка,
И, лик созерцая, я спрячу
Все горести в глубь тайника.
Кончина была б мне сладка:
Любовь моя столь величава,
Что в смерти восторг и забава.

Ноблет, моя страсть высока,
И песни пою я во славу
Прекраснейшей дамы по праву.

2

Я так любил, что ненавидеть след,—
Но пусть бы дальше любил! —
Ведь никого во всей округе нет,
Кто б честным, преданным был.
Так долго эта мука продолжалась
(Любовь давала мне сил),
Что от любви высокой не осталось
Ни искры, жар мой остыл.

Кто хочет петь любви высокой пыл,
Пусть мой воспримет совет!
Но даме, коей воспеватель мил,
Не быть изменницей след,
Не близиться к злонравью ни на малость,
Чтоб мог злословить весь свет,
Вслед Капелланше, коя развлекалась
И к коей жалости нет.

Здесь множество твердит мужей и жен,
Что будто я виноват
В том, что я в скупку денег вовлечен,
Но чист я, верьте, стократ,
Что взял кольцо без прав на обладанье,
Но стал по праву богат,
Что, мол, кольцо мне принесло страданья
И смерть и горечь утрат.

Я прав во всех делах, что ни твердят,
Пусть будет враг устыжен!
Коня мне, Боже, дай, что быстр и млад,

Чтоб я забыл свой урон.
У тех любовь приходит к увяданью,
Кто мукой страсти объят,
А тем, кто ложь таит, нет оправданья:
Неверных полнят отряд.

3

Дама, чудной красотою,
Вашей прелестью младою
В плен я взят.
Райских пусть не знать услад,
Коли стану вам слугою,
Коль мольбой своей открою
Двери в Сад
И войти мне разрешат,
Коль не будете глухою,
Ведь не грешен речью злою
Невпопад,
Дух не след смущать враждою.

До конца не скажут строки,
Сколь тяжел удел жестокий,
Сколь я зол.
Будь ты проклят, произвол
Той, что ветреней сороки,
Из-за коей в край далекий
В путь я шел!
Страсть свою я поборол,
Зол от лжи и от мороки,
Надоели мне намеки,
Глад извел,
Огонь погас во мне высокий.

4

Увы, Любовь, тоску разъединенья
Как претерплю с единственною той,
К кому стремлю любовь и преклоненье?
Господь да возвратит меня домой,
Хоть днесь от милой путь уводит мой!
Что молвлю? Мне ль забыть мое служенье?
Хоть тело за Христа вступает в бой,
Но сердце ей оставлю во владенье.

За Бога в Сирию иду в сражение.
Мне отступить заказано судьбой:
Тот, кто в сей трудный час утратит рвенье,
Отступит и пред худшею бедой.
Ведь знает люд и знатный и простой:
Свершить нам должно праведное мщенье,
Где честь и рай поруганы толпой,
Где славу и любовь язвит презренье.

Мы были долго в праздности тлетворной,
Но срок настал лететь во весь опор.
Отмстим за стыд, за плена гнет позорный,
Пусть жжет сердца и в бой ведет укор:
В святых местах владыкой стал разор,
Где наш Спаситель принял смерть покорно.
Нам до скончанья дней терпеть позор,
Коль не дадим отпора силе черной.

Кто чужд тоске, траве подобен сорной,
Пусть смерть за Бога примет, в схватке скор —
Такая смерть сладка и благотворна,
Ведь с горним царством наш сроднится взор.
Нет, смертью не умрем ни в глад ни в мор —
Родимся вновь для жизни необорной.
Вернувшихся восславит стройный хор,
И счастье осенит их бег проворный.

Хоть клир и старцы не пойдут в дорогу,
Но жизнью в добротворстве и в чести
Дадут нам в нашем странствии подмогу;
И дамы тож, кто верность соблюсти
Сумеет к находящимся в пути.
А тех, кто будет честь блюсти нестрога,
С людьми дурными может жизнь свести:
Все добрые уйдут к святыням Бога.

Воссел Господь средь дальнего чертога.
Сумеют ли теперь его спасти
Те, коих спас он смертью от острога,
И крест, у турок вырвав, обрести?
Ждет срам того, кто не спешит идти,
Когда не хвор, не стар, не нищ убого —
Тот, кто богат и юн и здрав, учти,
Пожнет позор, оставшись у порога.

Увы! Иду, хоть слез не извести,
Куда зовет за Господа тревога,
И мысль о лучшей в мире, Бог прости,
Со мной всегда в пути к могиле Бога.

5

Не время, видно, песни петь
И сочинять напевы и слова,
Коль след разлуку претерпеть
С той дамой, что достойнейших глава.
Я говорю всем прочим в назиданье,
Что лучше всех служу для Божества.
В душе разлита сладость торжества,
А тело бьется в скорби и страданье.

Коль служишь Богу, одолеть
Ты должен страсть земную естества,
Для плоти приготовить плеть,
Ведь плоть грешит, ей волю дашь едва.
Мы приняли двойное покаянье.
Коль на спасенье мука даст права,
Я выше всех, скажу без хвастовства:
Нет мук сильнее моих при расставанье.

Нет, не хочу быть рядом впредь
Я с палачами: совесть в них мертва —
На десятину мнят жиреть
Мирян и клира в путях воровства.
Алчба, не вера — корень их страданья.
Не станет крест прикрытьем для скотства.
Такие воины — молва права —
За Бога мстя, едва ль покажут тщанье.

Берешь налог для наших благ —
Для дела десятину береги,
Иначе станешь Богу враг.
Увы, как задрожат его враги,
Когда и праведных проймут рыданья
Пред тем, кто ложь осудит и торги!
Ждут грешников ужасные круги,
Коль гнев в нем будет пуще состраданья!

Граф отомстил, душой смельчак,
Баронам, что измены сеть сплели.

Жалеть не стану их, собак,—
Лежат за подлость в прахе и пыли.
Они, как птицы, в жажде злодеянья
Гнездо родное замарать могли.
Вассалы из-под власти их ушли,
Со всем своим оружием и данью.

Пускай из слуг их служит всяк
Тому, кто милосерден искони,

Пускай придет под Божий стяг!
Служить Христу затем должны они,
Что случай не творит здесь злодеянья:
Кто в службе рьян, тот знает счастья дни.
О Боже, награди и охрани
Всех, кто всю жизнь несет тебе в даянье!

К баронам обращаюсь я на прощанье.
Коль не по нраву песнь, пусть в сей связи
Пеняют мастеру из Уази,
Что смладу дал мне песни в обладанье.

Мой друг, всегда со мной воспоминанья
О той, кем я замечен меж людьми.
Мир без нее не стоит мук, пойми,
Хоть жив Жилон, не знать ей угасанья.

Гийо де Дижон

* * *

Я своей душе в печали
Утешенья песнь спою.
Хоть печали сердце сжали,
Не оставлю жизнь свою.
Дикий край в далекой дали —
Все остались в том краю,
Там и тот, о ком едва ли
Сладость в сердце утаю.

Господь, когда кричат: «За море!»,
Будь в помощь смелым, властелин —
За них дрожу я, просто горе:
Хитер и злобен сарацин.

Как бы муки грудь ни рвали,
Ждать я не перестая.
Пилигримов не бросали
Ангелы вовек в бою.
Род мой знатым все прозвали,
Но согласья не даю,
Как бы замуж все ни звали,
Речь не слушаю ничью.

Господь, когда кричат: «За море!»,
Будь в помощь смелым, властелин —
За них дрожу я, просто горе:
Хитер и злобен сарацин.

Вот что мне глаза туманит:
В Бовези не виден тот,
Кто мне сердце мукой ранит;
Смех на ум никак нейдет.
Красота моя не вянет,
И красавцем он слывет.
Коли нас друг к другу тянет,
Что же дан разлуке ход?

Господь, когда кричат: «За море!»,
Будь в помощь смелым, властелин —
За них дрожу я, просто горе:
Хитер и злобен сарацин.

Вот что грусть мою обманет:
Знаю, верность он блюдет.

Ветер сладостный нагрянет
Из краев, где встречи ждет
Тот, который сердце манит,—
В серый плащ мой он войдет,
Тело содрогаться станет,
К долгожданному прильнет.
Господь, когда кричат: «За море!»,
Будь в помощь смелым, властелин —
За них дрожу я, просто горе:
Хитер и злобен сарацин.

Вот что душу мне изъело:
Не пошла за ним вослед.
Он прислал рубашку с тела,
Чтобы сон мой был согрет.
В ночь возьмется страсть за дело,
Ближе к сердцу сей предмет
Положу, чтоб тело грела
И гнала от сердца вред.
Господь, когда кричат: «За море!»,
Будь в помощь смелым, властелин —
За них дрожу я, просто горе:
Хитер и злобен сарацин.

Готье де Даржьес

* * *

Приятство мечтаний,
Любви моей плод,
Всечасно тираня,
Мне сердце сосет,
И нету желанней
Сих нежных тягот,
Приятней страданий
Ничто не дает.

О дама, боль таю, замкнувши рот,
Вас берегу от пылких излияний,
В очах затмился свет, ведь взоров лёт
Поверг меня в чреду таких терзаний.
Прощу я очи: в сердце страсть живет
К той, что венец всех божеских созданий.

Ее власы, хмелея,
За злато примет взор,
И нет белее шеи,
Несущей злат убор.
В душе сей лик лелею,
Замкнувши на запор,—
Сокровищем ценнее
Не обладал Гектор.

Страсти к даме сей прекрасной
Мне избегнуть средства нет.
Раз любовь над мыслью властна,
Научить ей душу след,
Как отбросить гнет опасный.
Кто еще мне даст совет?

Коль скажу пред нею,
Что от страсти млею,
Жалобой своею
Усладить сумею.

Что ж, вынести сердце готово
Все муки, ведь разум молчит.
Но вдруг приговор свой суровый

Любовь, подобревши, смягчит?
Нет, пыла лишиться страстного
Угроза мне сердце страшит.
Случайное вырвалось слово,
Мой разум желанье крушит.

К месту, где небо вершит
Таинства, пусть поспешит
Дух мой без лишнего слова.
Все мне забыть надлежит
Из обихода людского:
С горнею радостью слит,
Дух мой теперь не болит.

Гуйо де Берзе

1

Коль тот, чье сердце в злой разлуке ныло,
Спасется, значит, буду я спасен,
Ведь голубя, что с милой разлучен,
Тоска слабее во сто крат точила.
Все край родной слезами обольют,
Друзей сердечных оставляя тут,
Но никого так горе не томило,
Как милого, отъятого от милой.

Свиданье дух безумьем опалило —
Мне к милой путь был долго прегражден.
Я к ней спешил чрез множество препон,
Жизнь смерти стоила и мне претила:
Кто был обучен радостям, причуд
Искал, любил, когда вокруг поют,
Тому, чем скорбь терпеть, уж лучше б было,
Чтоб смерть в одно мгновенье поразила.

Влюбленный станет мукою терзаться:
Идти в поход или остаться здесь,
Ведь тот, кто в плен любви отдался весь,
Не должен за такое дело браться.
Столь многим господам служить не след.
Чье сердце даме приняло обет,
Без срама тот не мог бы тут остаться.
Засим не должно гневу предаваться.

Знай перед тем я, как в поход собратья,
Что в миг прощанья так измаюсь днесь, —
Всю душу вам отдав, отбросив спесь,
В молитвах Богу стал бы я стараться
За то, что был я счастием согрет —
На страсть мою не клали вы запрет.
Я жду, хоть в жалованье мне скупятся:
Вас любят все, хоть чаять и не тщатся.

Я вижу в расставании подмогу,
И Бог меня за то не попрекнет.
Но это он от вас меня ведет —
С упреком горьким обращаюсь к Богу.

Кого Господь любви такой лишит,
Которую ничто не сокрушит,
Тот обретет еще страшной тревогу,
Чем наш король, утрать он слишком много.

Пора затихнуть песне сей убогой.
Уйду от вас — ну есть ли путь в обход?
Я принял крест — мне ль не идти в поход?
Когда б я сам не осуждал столь строго
Отказ, я ждал бы — пусть мне разрешит
Любовь остаться, пусть мой страх бежит,
Но ваша честь осветит мне дорогу,
И друг ваш для хулы не даст предлога.

Безумен тот, кто за море спешит
И попрощаться с дамою решит!
Пусть издали шлет весть к ее порогу:
Прощанье только бередит тревогу.

2

Бернарт, скажи премудрому Фолькету,
Чтоб все мудрости не делал трату,
Хоть тратили доселе наши лета
Мы оба на забавы торовато.
Теперь гляжу на мир, и ясно мне,
Что с каждым днем он падает в цене.
Засим возвысить жизнь зову собрата,
Ведь жизнь к концу весельем небогата.

Коль в человеке покаянья нету,
Нет хуже зла и горше нет утраты:
Коль в доме в изобилии монеты
И ломаются от полноты палаты,
Не мыслит рая он на стороне.
Фолькет, с таким не будьте наравне,
Но за море спешите, пылом взяты:
Все, кроме Бога, тлением чревато.

Еще, Бернарт, ты передай приветы
Маркизу, коему я предан свято.
Прошу, чтоб шел он в странствование это:
Наследный долг взыскует Монферрата.
Земля Святая сгинула б в огне,

Когда б не Конрад, праведный вполне,—
О нем не смолкнет ввек молва крылата,
Что в Сирии сразил он супостата.

Пусть о деньгах не думает, зане
У Фридриха в имперской всей казне
Довольно денег, и не к спеху плата —
В Ломбардии он принят был богато.

И деньги пусть маркиз найдет в кошле,
Пусть даст тебе, что полагалось мне:
Мой крест не даст мне пасть и воровато
На низменные нужды тратить злато.

Гюон Аррасский

* * *

Иду туда, где претерплю мученья,
В ту землю, где сносил мученья Бог,
Там омрачит мне мысли огорченье,
Что от любимой дамы я далек.
И знайте: радости настанет срок
Лишь в миг, когда избуду сожаленье.
О дама, если б милость ждать я мог,
Когда ступлю опять на ваш порог!

Графиня, в чьем сиятельном владенье
Сей замок! Так же воли поперек
Мне путь от вас, как рвущимся к сирене
Гребцам, которых глас ее увлек.
Они теряют разум, их обрек
На ложный путь звук сладостного пенья;
Их погрузит она в морской поток.
Вы столь желанны — жребий мой жесток.

Жесток, когда от дамы нет пощады.
Коль, как глаза, душа у ней светла,
Я знаю, что страшиться мне не надо:
Надежда на прощение пришла.
Я помню, как-то дама мне рекла:
«О, как я буду возвращенью рада,
И радости вам будут без числа!
Но будьте мне верны, чураясь зла!»

Ах, дама, в этой речи все — услада!
И жизнь, о Боже, стала весела!
Без сердца в Сирию иду с досадой,
Ведь ваша близость сердцу так мила.
О, если б плоть без сердца жить могла!
О, если б ваше сердце без преграды
За мною шло в поход, душа б цвела
И с вашим сердцем стала бы смела!

Гвинеvры сердце благородно было —
Стал рьяней и смелее Ланселот.
Ей отдал он все постоянство пыла
В делах великих, в дни лихих забот.

За череду лишений и тягот
Вдвойне его Любовь вознаградила.
С надеждой сходною гляжу вперед
И той служу, к которой сердце льнет.

Шатлен Аррасский в песне сей поет,
Что истинной любви не знает силы,
Кто вместе с горем радости не пьет:
Иначе не узнать любви тенет.

Тибо Шампанский

1

Из-за ливня, из-за хлада,
Из-за слякоти и града
Вечно не узнает спада
Страсть, души моей отрада.

Я сознаю:

Не съест досада
Любовь мою.
Тра-ла-ра!

Блеск волос и нежность взгляда
Прославлять мне в песнях надо,
Ибо от такого клада
В сердце днесь живет услада!

Обет даю:

Коль нет награды,
Себя убью!
Тра-ла-ра!

Вам принадлежит всецело,
Дама, жизнь моя и тело.
Как бы все не омертвело!
Сердце б нежное сумело

Радушным стать,
Награду смело
В усладу дать.
Тра-ла-ра!

Будьте доброй без предела!
Вот чего б душа хотела:
Чтоб перед вселенной целой
Впредь по праву страсти смела

Своей вас звать
И петь умело
Про вашу стать.
Тра-ла-ра!

Я сражен кручиной черной,
Жжет огонь меня тлетворный.
Не могу ни петь притворно,
Ни отторгнуть непокорно

Любовь свою,
И вот позорно
Я муки длю.
Тра-ла-ра!

Не желаю петь покорно
Про страсть мою,
И смолк я скорбно,
И не пою.
Тра-ла-ра!

2

Как всходы принимаются расти
От струй воды, что с неба пролилась,
Так будет нарождаться и цвести
Любовь от пищи памяти и глаз.
Долг рыцаря — любить не напоказ,
Но в недрах сердца верность соблюсти.
Засим, хоть сладок недуг,
Несет он боль и испуг,
И сердца горестен стук,
И песен тягостен звук.

Желая сердцу радость принести,
Пирамом с Тисбой Бог бы сделал нас.
Но мне к отрадам, вижу, нет пути,
Не зная счастья, встречу смертный час.
Прекрасная, мой взор от мук угас!
Мы встретились — и вот к моей груди
Из ваших пущена рук
Стрела для пламенных мук,
Не из калины был лук,
Столь сладко ранил он вдруг.

О дама, если б Богу так служил,
В моленьях так все сердце отдавал,
Как вам, я знаю, за подобный пыл
Я в рай незамедлительно б попал.
Но стал мой пыл в молитвах ныне мал:
Мне, кроме вас, никто теперь не мил.
Хоть сердце терпит и ждет,
Но знает все наперед:
Лишь взоров хлад его ждет
И сердца черного гнет.

Пророчицын мне приговор вещал:
«Конца дожидаться набирайся сил!»
Но чувствую: конец как раз настал,
Жестокий нрав все пени победил,
Пришла нужда, чтоб пыл мой вдруг остыл,
И чтоб наград я попусту не ждал,
Ведь все надежды убьет
Гордыня, и без щедрот
Любовь душе предстает
Чредою черных невзгод.

Орлица, мне без вас спастись нельзя.
Вы знаете: лишен я всяких благ,
Но если ваша прочь ведет стезя,
Спасенья моего вы, значит, враг.
Но друга вам, что был бы верен так,
Вселенная вовек не сыщет вся.
Умру под гнетом страстей,
Ведь жить мне все тяжелей
Вдали от светлых очей,
От алых роз и лилей.

Орлица, нету верней
У вас ни слуг, ни друзей.
Одной улыбкой своей
Введите в рай поскорей!

3

Я стражду, как единорог:
Он от восторга цепенел,
Когда на госпожу смотрел,
Столь был восторг его глубок,
Что навзничь пал внезапно он
И был предательски сражен.
Я ту же муку претерпел:
Любовь и дама зло творят,
Взяв сердце, не дают назад.

О дама, весь я изнемог,
Когда впервые вас узрел.
Такой огонь во мне горел,
Что сердце вам сложил у ног.
Я был без выкупа пленен,
В острог счастливый заключен:

Столп Страсти к своду ввысь взлетел,
Врата Приятства тешат взгляд,
И цепи Чаяний блестят.

Ключ от тюрьмы Любовь хранит,
Есть три привратника при ней:
Краса меж ними всех главней,
В покоех служит Милый Вид,
У входа встал на страже Страх,
Он груб, уродлив, подл в делах,
Трус и отъявленный злодей.
Все трое ловки хоть куда,
Меня пленили без труда.

Кто невредимый устоит
Перед напором тройки сей?
Роланд и Оливье, ей-ей,
И те бы претерпели стыд,
Хоть побеждали всех в боях:
Здесь победишь, лишь пав во прах.
Их знаменосец — Гнет Страстей.
Уйдешь от смерти, лишь когда
На милость сдашься навсегда.

О дама, верю я теперь,
Что вас не разлюбить мне впредь.
Я муку так привык терпеть,
Что отомкнуть не силюсь дверь.
Пусть это огорчает вас,
Не сделать мне, чтоб жар угас,
И в памяти вас не стереть —
Вдали от вас не сброшу уз,
И дома пленным остаюсь.

О дама, должно пожалеть
Меня вам: этот тяжкий груз
Мне слаще всех иных обуз.

4

О господа, узнайте: кто нейдет
В тот дальний край, где Бог был мертв и жив,
И кто обет крестовый не блюдет,
О рае пусть не мыслит, жизнь прожив.

А кто жалеет Господа премного,
Пусть возгорится местью и с порога
Мчит в край Господень, сборы завершив.

Пребудет тут, кто злу хвалу несет,
Кто глух к добру, бесчестен, глуп и лжив.
Всяк голосит: «Уйду — жена помрет!
Уйду ль, друзей любимых огорчив?»
Их одолела мнимая тревога,
Ведь нет друзей любимых, кроме Бога, —
Он жизнь покинул, кровью крест смочив.

Все доблестные рыцари уйдут,
Что любят Бога и мирскую честь, —
Они мудры и Божий край спасут.
И трусов остающихся не счесть:
Слепец, кто вопреки лихим годам
Не в Боге зрит спасение едином
И за пустяк свою теряет честь.

Господь за нас свершил свой крестный труд,
И в день суда провозгласит он весть:
«Пусть ангелы тех добрых в рай введут,
Кто помогал мне делом крест мой несть.
Мария там вас ждет со мною, сыном.
А вы сойдете к адовым глубинам,
От коих никакой подмоги несть».

Всяк верит, что нейти — натешить властью
Тут плоть свою, избегнув в жизни зла.
Грехи и бес над тем имеют власть,
В ком пыл и чувства сожжены дотла.
Избавь от зла их всех, о Боже правый,
А нас введи в предел твоей державы,
Чтоб наша рать узреть тебя могла.

О Госпожа, царица горней славы,
Молись, чтоб нам от зла не ждать потравы,
Чтоб ноша не была нам тяжела.

В дни, что изменою чреваты,
Завистничеством, срамотой,

Злоречьем и непрямотой,
И крайне благом небогаты,
Когда, бароны, мы враждой
Мерзее делаем премерзкий век,
Когда в опале человек,
Чей разум дружен с правотой,
Потешусь песнею простой!

В Сирийском царстве бесновато
Кричат — все яростнее вой, —
Чтоб в путь не мчались мы гурьбой,
Коль наши помыслы не святы:
От нас лишь гибель и разбой.
Бог лишь к подмоге правых бы прибег
И верных, ведомо вовек.
Пусть хлынут верные рекой,
Вернут Спасителю покой!

«Сколь менее мне было б трудно
В дому весь век свой провести,
Чем нищим странником идти
Туда, где скорбно все и скудно».
— Блаженство можно обрести,
Филипп, коль долго тяготы терпеть,
Ведь радостью там не владеть,
Услад сердечных не найти,
Привычных людям во плоти.

Любовь в погоне безрассудной,
Поймала вмиг — и взаперти
Сижу, и на простор пути
Искать ли, если обоюдно
Чувство окажется в груди?
О дама, трудно мне на вас смотреть,

Живым отсюда не уйти.
Умру, чтоб верность соблюсти.

О дама, должен я остаться —
Как разлучиться с вами вдруг?
Любить вас, быть меж ваших слуг —
От этих нужд как отказаться?
Но смертных всех ужасней мук
Любовь, от коей часто я в бреду.

Как я пощады вашей жду!
Отраду, позабыв недуг,
Принять мне лишь из ваших рук.

О песня, я тебя веду
К Лоренту, чтобы на беду
Не вверг он нас в безумья круг,
Вселяя всем в сердца испуг.

6

Да будет так! О дама, ухожу
И покидаю этот край прекрасный,
Где муки я привык сносить бесстрашно.
Я ненависть уходом заслужу.
Что за морем твой край, я все тужу,
О Боже: славословить госпожу
Вдали придется, и страдать безгласно,
И благ не ведать, истинно скажу.

Я вот какую мысль в уме держу:
Мне без любви стараться жить напрасно.
Я должен даму видеть ежечасно,
Я с ней везде, я всюду ей служу.
Своей любовной мукой дорожу,
Как жить, не знаю, прямо вам скажу,
Не видя той, что светит сердцу ясно,—
На этот свет без усталости гляжу.

Не мыслю, как смогу, от ней далек,
Я быть утешенным или веселым.
Вовек не жил я с чувством столь тяжелым,
Как днесь, когда уйти приходит срок,—
Но верю, что вернусь на сей порог.
И, вспоминая каждый ваш упрек,
Вновь совести я предаюсь уколам —
Как вашим словом пренебречь я мог!

О Боже, я к тебе свой шаг повлек,
Все здесь оставлю, зван твоим престолом.
Лишен отряд Господним произволом,
Наград грядущих получу ль залог?
Тебе служить оружием дал зарок.
Христос, вассалом я склонюсь у ног,

С тобою — сиром — быть могу веселым,
Ведь слуг твоих никто смутить не мог.

Так весела душа и так грустна:
Грустна от предстоящего прощанья
И весела от чистого желанья
Отдать за Бога жизнь свою сполна.
Любовь к Христу и яра и нежна;
Идут в поход, в ком эта страсть сильна.
Лечить грехов зловонных злопаханья
Рубинам и алмазам власть дана.

Небес царица, чья любовь сильна,
В беде твоя подмога мне нужна!
Любви к тебе пусть жжет меня пыланье.
Отныне госпожа ты мне одна.

Шардон де Круазиль

* * *

Прощание со сладостной страной,
Где госпожа осталась, давит грудь.
Оставляю ту, кому служу душою,
И ради Господа отправлюсь в путь —
Но уз любви никак не разомкнуть,
И мысль и сердце ныне успокою,
Любовь забыть не мыслю я ничуть,
Хоть плоть послужит Богу сей порою.

Любовь, я уязвлен разлукой злою:
На госпожу мне больше не взглянуть —
Ее одну хвалюю удостою:
Столь дивна в ней возвышенная суть.
Слезам моим дивится кто-нибудь?
Плоть следует за горькою судьбою,
А сердце вспять все рвется повернуть,
Поскольку дышит госпожой одною.

Я прочь иду, и грудь тоскою сжата,
В вас жизнь и смерть моя, мой рай и ад,
В плен сердце вашей красотой взято,
Пусть ваши пути век его язвят!
Куда идти, Христе? Уста вопят:
Оставить сердце — не чрезмерна ль плата
Для той, кто не давала мне наград,
Была всегда не слишком торовата?

Влюбленный ложный одарен богато,
А я дарами счастья небогат.
Безверью преданный, он льстит трикраты,
А я молчу, хоть преданней стократ.
Да, преданность свою блюсти я рад,
Но в ней сокрыта радости утрата —
Печалуюсь, не ведая услад,
Любовь сама в несчастьях виновата.

О Госпожа, чей свет люблю я свято,
Будь мой огонь для вас навеки свят!
Не будьте к прочим страстию объята,
Как страстию сей не буду я объят!

Коль болью будет слух о вас чреват,
Кончиной станет жизнь моя чревата.
Мой жребий мне вовек не супостат,
И вы во мне не зрите супостата!

Уста, прощаясь, дама, вам твердят:
Пусть козни, что сплетает враг заклятый,
Мне не вредят, а, возвратясь назад.
Служить вам стану верно, как когда-то.

Филипп де Нантейль

* * *

Песня, скорбь мою вобрав,
Боль уймет на горькой тризне.
Будь оплакан, добрый граф,
Лишь хвалы достойный в жизни —
Граф Монфор, кто Божью дань
В Сирии мнил взять войною,
Но французов дело дрянь —
Краткой оказалась брань:
Он из первого же бою
В небо послан был судьбою.

Милой Франции предел
С болью воспоем, французы:
Край, что от веселья млея,
Мучит тяжких слез обуза.
Все страшнее с каждым днем.
Франция, ты без защиты,
Жжет беда тебя огнем —
Первый бой мы вспомняём,
В коем вдруг, без волокиты,
Графы все твои убиты.

Пал в сраженье граф де Бар —
Нет французам злей утраты.
Возопят и млад и стар,
Скорбию по нем объаты.
Коль у Франции войной
Отнят рыцарь несравненный,
Будь ты проклят, день земной,
День, когда в резне сплошной
Стали храбрецы мгновенно
Рабства жертвами и плена.

Если б наш союзник смелый,
Тамплиер, госпитальер,
Взялись вдруг в бою за дело,
Показали б всем причины
То у рыцарства причины
Не было б для плена, нет,
Были б мертвы сарацины.

Но об этом нет помина.
Причинивших стольким вред
Звать изменниками след.

Песнь моя, в тебе слились
Сердца боль и состраданье,
К состраданию в путь пустись
И его моли в рыданье
Вдруг явиться в ратный стан
И сказать в лицо баронам,
Что отчаянье — дурман,
Пусть разыщут басурман,
Волю чтоб вернуть плененным
Иль мечей иль денег звоном.

Колен Мюзе

1

Граф, играть вам был я рад
В доме много дней подряд,
Но платить мне не хотят,
Равно как вернуть заклад —
    Грехи какие!
Знайте, на себя скупые
Навлекают гнев Марии.
С грустью вынужден нести я
Сумку и кошель пустые.

Граф, ваш дом, как говорят,
И учтив и тороват —
Пусть же слугам повелят
Дать мне множество наград —
    Тюки большие!
В путь теперь хочу идти я,
Сени навестить родные.
Видя кошели пустые,
Мне супруга не впервые

Скажет: «Здравствуй, Нищий Брат!
Где ты шлялся, супостат,
Что не слишком стал богат?
Обошел ты все подряд
    Места дурные?
Складки на суме большие!
Кошели-то все пустые.
Будут люди деловые
Хохотать как чумовые!»

Если ж с множеством наград
У родных явлюсь я врат,
Взоры женины узрят,
Что на мне хорош наряд —
    Сидит красиво,
Знайте, что кудель игриво
Прочь жена отбросит живо,

И со смехом всем на диво
Обоймет меня, счастлива!

Поспешит супруга взять
Кошелек и прочью кладь,
А слуга проворный, глядь,—
Лошади овса задать,
А служанка — хлопотать,
Чтоб к столу двух кур подать
С густой подливой,
Дочка принесет учтиво
Гребешок неприхотливый.

С принесенною поживой
Стану жить такой счастливый,
Что посмотрят люди криво.

2

Я любовь пою, пылая:
Дева мне мила младая,
Белокурая, живая,
Вся белее горносталя,
Краска лишь у губ иная —
Алые, как роза мая.

Верьте мне, могла б девица
Дочкой короля родиться:
Золотом парча искрится
От искусной мастерицы,
Плащ поверх сюрко струится,
Ноги в пляс зовет пуститься.

Чепец золотой на ней надет,
С блеском золота лучится
Сапфиров и рубинов свет,
Блеск смарагда — огонь зарницы.
Мне стать нейметя, спасу нет,
Другом этакой юницы.

Испещрен златым узором
Поясок на ней шелковый,

Стан дарит, сияя, взорам
Отблеск синий и пунцовый.
Ах, во времени бы скором
Увидать девицу снова!

Мне б суметь стан узреть
Без докучного покрова!
В прах сгореть, умереть
Будет вмиг душа готова.
Или впредь в эту сеть
Стану лезть живой-здоровый.

Мне навстречу прошла
По дорожке садовой
Поутру, весела —
Жажду с силою новой,
Ведь душа не нашла
Наслажденья иного.

Вот под розанами манит
Красота лица младого —
Звездный блеск бледнее станет
От сияния такого.
А меня любовь дурманит,
Жаром жжет огня страстного.

Мне не подарила взгляд,
Уходя в покой домовый.
Ужли взор мой виноват
В сей немилости суровой?
Век мне не видать услад.
Что я сделал, бестолковый!

Может, ей известны ковы,
Тайны дела колдовского?
Может, знает дева слово,
Чтоб приворожить любого?
В прах упасть душа готова
Для моления простого:

Если б мне подругой стала,
В сердце б радость клокотала,

И душа бы, как бывало,
Не спешила в бой нимало,
Мне б дала отрад немало
Верность пылкая вассала.

Если б небо дар послало,
Впредь забот душа б не знала.

Адам де ла Аль

1

Умру, умру, ей постылый,
Увы и ах!
Как жить отвергнутым милой,
В таких скорбях?
Сначала взоры сладила,
Умру, умру, ей постылый,
Увы и ах!
Пришла — свет солнца затмила
В моих очах,
А после взор отвратила,
И я зачах.
Умру, умру, ей постылый,
Увы и ах!
Как жить отвергнутым милой,
В таких скорбях?

2

Когда погляжу
На радость мою?
Брожу и тужу:
Когда погляжу?
От страсти дрожу
И дрожь не таю.
Когда погляжу
На радость мою?

3

Любовь благая —
Родник отрад.
О дорогая!
— Любовь благая! —
Я, песнь слагая,
Огнем объят.
Любовь благая —
Родник отрад.

Злая радость вновь стучится.

Как же по весне
 Не запеть о страсти мне,
 Если сердце веселится?
 Не внушала чаровница
 Прежде прелестью своей
 Столько пыла и страстей!
 Славлю я беду,
 Милостей от дамы жду.

От страстей два года, мнится,

Был я в стороне.
 Чувства были как в броне,
 Чужды дамы и девицы.
 Синеглазой, белолицей,
 Чьи уста всех роз красней,
 Ныне раб душою всей.
 Славлю я беду,
 Милостей от дамы жду.

Нет, как козам в щелке рыться,

Ей не след, зане
 Кто еще от ней в огне!
 Так любовь во мне ярится,
 Что, как жаркая зарница,
 Пусть зажжет хоть искру в ней —
 Вот мечта, что всех сильней!
 Славлю я беду,
 Милостей от дамы жду.

Вспомню очи и ресницы —

Грежу, как во сне,
 Сердце бьется в западне
 И грозит в прах разбиться.
 На беду пошел напиток
 Из ключа в один из дней —
 Там оставил сердце ей.
 Славлю я беду,
 Милостей от дамы жду.

Моньо Аррасский

* * *

Весны пора
К сердцам добра,
Природа вся искрится.
Решил с утра:
Мне в путь пора
К источнику пуститься.
В саду, таясь
От праздных глаз,
Запела вдруг скрипица.
В сей ранний час
Пустились в пляс
Там рыцарь и девица.

Легки, стройны,
Милы, юны,
Весьма плясали складно.
Как влюблены!
Со стороны
И то глядеть отраднo.
Сплясав кружок,
Они в тенек
Пустились безоглядно;
Любви помог,
Постелью лег
Ковер цветов нарядный.

Я их следил,
Хоть страх твердил,
Что я себя открою.
Лишенный сил,
Судьбу просил
Мне дать в удел такое!
Тут рыцарь встал —
Я увидал,
В своей засаде стоя,—
Он не сплoшал
И вопрошал,
Зачем их беспокою.

Я им в ответ:
«Устал от бед,
Но вдаль смотрю упрямо.
Отрад мне нет
Иных, чем свет
Очей прекрасной дамы.
Душа болит,
Я мукой сыт,
Но все ж скажу вам прямо:
Пусть смерть спешит,
Коль путь закрыт
К очам прекрасной самой».

Крушат разлад,
Меня живят
Влюбленных речь и взоры
И мне сулят
Милльон услад
И радость без укора.
Пусть я узрю
Любви зарю!
О, что за разговоры!
Я весь горю!
Благодарю
Танцорку и танцора.

Анонимные произведения

ПЕСНИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

1

Вспоминанье сладко, мысль сладка,
И сердце жжет желанье песни петь.
Любовь мне силы даст ли боль стерпеть —
Для верных слуг щедра ее рука
И одаряет грезю далекой.
Любовь могуча силою высокой —
Велит сердцам о муках не жалеть
И, мучась, новых мук желать и впредь.

Взирающий на муки свысока
Не может честью и умом владеть:
Вершину славы вряд ли одолеть
Способен тот, в ком столь душа низка.
Любви правдивой образ видит око.
С ней не прощусь, сколь жизнь ни будь жестока,
Нет, душу низостям не одолеть.
Слугой любви хочу я умереть.

О дама, если б вас дерзнул молить,
То верится, я б умолить сумел,
Но я настолько робок и несмел,
Что перед вами рта мне не раскрыть.
Вот что мой разум мукою дурманит.
А ваша красота мне сердце ранит —
Дай волю мне, на вас бы все глядел,
Но от страданья взор мой потускнел.

Когда пришлось от вас мне уходить,
О дама, я неслыханно скорбел.
Когда б вас видеть вновь я чаять смел,
Не уставал бы Господа хвалить.
Добро и зло, что есть и что нагрянет,—
От вас одной, чья красота не вянет.
Кто б, кроме вас, помочь мне ни хотел,
Никак бы в деле том не преуспел.

Пятидесятую, пожалуй, часть
И то не описать ее красот.

То холодом, то жаром обдаёт
И взор и слово — горечь в них и сладость.
Жду радости — лишь ею сердце дышит,
Меж тем отчаянье мне грудь колышет:
Я в путях горя, радостей, забот,
Моей година смерти настаёт.

О дама, сердце ваше пусть услышит
Песнь, что из-за моря слуга вам пишет,
К вам мысль моя лететь не устаёт,
И лишь она мне силы жить даёт.

2

Столь сладко сердцу от любви новой,
Что к новой песне тянутся слова.
Но где мне взять веселья молодого?
Коль хочешь, чтобы песнь была жива,
Любовь, усладам нежным дай права,
Иначе не найду для песни слова,
Все знают — без награды песнь мертва.

Высокую любовь я пел толково,
Служил ей с дрожью, с жаром естества —
Пусть даст мне пыл, стесненья сбросит ковы!
Мне дама, молвлю не без хвастовства,
Знак подаёт, и чаю торжества.
Служить я даме стану образцово,
Коль одарит — свой пыл сдержу едва.

Пусть от любви столь много мне мороки,
Проклясть её все ж недостало сил.
Глупей, кто расточает мне упреки, —
Ведь если б за морем я ныне был,
То к даме мысли все равно б стремил.
Её красы и строй души высокий
И там и здесь равно питают пыл.

Коль в край сирийский я уйду далекий,
То будет сердцу этот путь не мил.
Сколь долги б ни были разлуки сроки,
Я б верно и без страха ей служил —
Быть истинным влюбленным я решил.

О дама, образ ваш прекрасноокий
Придал мне сил и песнь мою взрастил.

Но сам себе не весь принадлежу я,
Я Господу служу, служу добру.
Душой и телом в путь уже спешу я,
Но сердце как от дамы заберу?
Была б награда сердцу по нутру!
За цену не уйду ни за какую —
Я истинным влюбленным здесь умру.

3

Восторг сверх меры пить в раю дабы,
Покину край, прекрасней не найдешь,
Где дама — высший дар моей судьбы,
Чей тонок стан, чей свежий лик пригож,
С ней сердце верное срослось всецело,
Но нужно, чтоб от ней отторглось тело —
Иду туда, где Бог погиб за всех,
Где в пятницу наш искупил он грех.

Подруга сладостная, в сердце мрак,
Поскольку дни вдали от вас претят,
В ком сладость я нашел и столько благ,
Восторг и столько радостных услад.
Фортуна, злоупотребляя властью,
В печаль и горе превратила счастье,
Я плачу и горюю день и ночь,
И за море иду в печали прочь.

Нельзя, чтоб без еды дитя мало
Не плакало, и не унимешь крик,
Нельзя, чтоб сердце прочь от вас ушло,
Чей лик ласкать я и лобзать привык.
Разлука с вами — хуже нет напасти.
Сто раз в ночи вас вспоминаю в страсти.
О, если б ваше тело сжать в руках!
А нет — меня сожжет желанье в прах.

Из-за тебя покину, Боже, край,
Где та, которой сердце отдаю.
Ты радость вечную за это дай
Мне и любимой у тебя в раю.

Любимой дай жар не утратить страсти,
Чтоб не пришло с разлукой безучастье.
Душою с ней одной навеки слит,
Грущу, и сердце тает и болит.

Прощайте, сладостная Изабель!
Я в путь пушусь, и Бог ваш дух упрочь!
К поганым, в глубь языческих земель,
Любя Спасителя, спешу я прочь.
Спасая душу, мчусь без проволоочки.
Но знайте, ангел в дивной оболочке:
Коль умирают от любви такой,
Мне не дойти до гавани морской.

От черенка рождаются цветочки,
От вас рождается скорбь, и нет отсрочки!
Но, коль вернусь я, поклянусь душой,
Что сохранил в душе сей огонь большой.

Песнь о любви благой, без проволоочки
Вместе мои раздумья в эти строчки,
Властителю Жизора вслух пропой,
Что славен преданный любви такой.

4

— О дама, мне без вас не жить ни дня,
Любить вас пылко век не перестану.
О, не бранитесь, слух ко мне склоня,
Коль крест приму и двинусь к басурману.
Ведь ревностно добро творить я стану.
В турнире за морем моя броня
Пускай послужит, нечистой тесня,
От коих Бог страдал и принял раны.

— О друг любезный, жжет печаль меня.
Тоскою я измучусь окаянной.
Уходите за море без меня.
Во власянице лучше уж увяну.
Нет, чтоб мне на душу не брать изъяну,
Не оставайтесь здесь из-за меня.
Главу пред Богоматерью склоня,
Клянусь, что здесь за вас молиться стану.

— Не диво, коль не выживу ни дня,
Сказав: «Прощай, я скоро вновь нагряну!» —
Той, кто дарила щедро столь меня.
Но, часть вторую повторив, воспряну.
Я Богу быть слугою не устану.
Чуть вспомню, что страдал он за меня,
Отмстить спешу, здесь не промедлю дня,
Ни для кого я зло творить не стану.

5

Вы от безделья, господа, ленивы,
Гниете здесь, забыв со злом борьбу.
Вы вспомнили б о смерти сиротливой
Того, кто стойко вытерпел судьбу,
Привязан был к позорному столбу,
Оплеван был, избит толпой глумливой,
На крест взошел, потом лежал в гробу,
Чтоб мы не стали горьких мук поживой.

С заблудшим сердцем, с плотью столь блудливой,
Ужели вы страшитесь умереть?
Вы вспомнили б, что смерти стать поживой
Придется все равно и в прах истлеть!
О Господе не забывайте впредь,
Кто нас нашел с улыбкою счастливой
И рек: «В раю есть место всех пригреть —
Тех, кто душой чисты и неленивы».

В день грозный, что на нас как камень ляжет,
Придет Спаситель в яром гневе вдруг
И явно, без прикрытия покажет
Страстные раны стоп, ребра и рук,
Кои-за нас стерпел в горниле мук.
Святой, и тот ни слова вслух не скажет.
И примут крест, в чьих душах слаб испуг.
Страх пред судом на сердце камнем ляжет.

Туда, за море, в глубь святого края,
Где Бог рожден, где был он мертв и жив,
Нам след идти, наследство возвращая,
Ведь скорбь господня шлет давно призыв.
Не друг Творцу, кто тут пребудет, лжив —
Без передышки Бог зовет, страдая.

О, если б нам вернуться, долг свершив,
Тогда б нас, верно, ждали кущи рая.

ПЕСНИ ПОЛОТНА

1

Красавица Доэтта у окна
Над книгой мыслью в даль устремлена.
Там тот турнир и дальняя страна,
Куда влекли Доона стремена.
— От горя увяну!

Оруженосец спешился у зала,
Рука сундук поспешно отвязала.
Доэтта по ступенькам вниз сбежала,
Но от предчувствий мрачных не дрожала.
— От горя увяну!

И вопрошала: «Где мой господин?
Я с ним в разлуке столько злых годин!»
Но в скорби только плакал паладин.
Доэтта помертвела в миг один.
— От горя увяну!

Она от забытья очнулась вскоре,
Приблизилась к оруженосцу в горе.
Печаль на сердце и тоска во взоре
И скорбь о невернувшемся сеньоре.
— От горя увяну!

Доэтта молвит, слез поток лия:
«Где мой сеньор, отрада бытия?»
«Я вам отвечу, правды не тая:
Сразил сеньора вмиг удар копья».
— От горя увяну!

Доэтта хочет с жизнью проститься:
«На горе, граф Доон, пошли вы биться!
Я, вас любя, надену власяницу —
Век в шубку беличью мне не рядиться!
От горя увяну,
Монахиней в церкви Святого Павла я стану!

Я монастырь открою непременно,
Свой замысел свершая сокровенный:
Вовеки тот, кто дружбу вел с изменой,
Путь не найдет под этот кров священный.
От горя увяну,
Монахиней в церкви Святого Павла я стану».

И основала монастырь вдовица,
Великий столь, что им весь край гордится.
Господ и дам Доэтта в нем стремится
Собрать, в ком от любви страданье длится.
— От горя увяну,
Монахиней в церкви Святого Павла я стану.

2

Вот май пришел, и весел птичий хор,
Французских франков строй покинул двор,
И первым мчит Рено во весь опор.
Доехавши до дома Арамбор,
Седок к окну не поднимает взор.
— Увы, Рено, мой друг!

Красавица сидит перед окном,
Пред нею пестровышитый узор.
Французских франков строй покинул двор,
И первым мчит Рено во весь опор —
К Рено высокий глас ее влеком.
— Увы, Рено, мой друг!

— Рено, как строй ваш встарь у башни шел,
Во взоре вашем видела укор,
Коль я не затевала разговор.
— Дочь императора, мой жребий зол:
Я вами предан и забыт с тех пор.
— Увы, Рено, мой друг!

— Рено, сто дев веля во храм ввести,
При девах сих, при дамах тридцати
Хочу от сердца клятву принести,
Что лишь к тебе питаю жар в груди.
Твоею стану, лишь меня прости!
— Увы, Рено, мой друг!

Тут граф Рено поднялся на порог,
Столь в бедрах узок, столь в плечах широк.
Сиял как злато каждый завиток —
Красивей мужа мир явить не мог.
Взор Арамбор туманил слез поток.
— Увы, Рено, мой друг!

Рено на башню вмиг поднялся, скор.
Сел на постель, чей был в цветах убор.
С ним рядом села дама Арамбор,
И первым ласкам был открыт простор.
— Увы, Рено, мой друг!

3

Йоланда шьет в своем покое
Шелковой нитью и златою,
Разгладив тцань молодой рукою.
Ей злая мать речет такое:
— Я вас виню, я вас браню.

Ах, дочь моя, виню я вас!
А кто еще вам даст наказ?
— За что ж бранить на этот раз?
— Не утаю, всему свой час.
Я вас виню, я вас браню.

— За что браните дочь свою?
Вяжу я плохо или шью,
Плету неловко иль крою?
Иль утром долго не встаю?
— Я вас виню, я вас браню.

Нет, не за то, что шить ленивы,
Иль ткань кроите некрасиво,
Иль утром праздны и сонливы —
За то, что с рыцарем болтливы,
Я вас виню, я вас браню.

Стал граф Маги вам лучший друг,
И недоволен ваш супруг.
Он изнемог от тяжких мук.
Порочный разорвите круг!
Я вас виню, я вас браню.

— Пусть муж грозит его убить,
Родня клянется погубить,
Пусть станут все о том трубить,
Нельзя мне графа не любить!
— Люби, я тайну сохраню.

ПЕСНИ
О НЕСЧАСТНОМ ЗАМУЖЕСТВЕ

1

За что я бита муженьком,
Бедняжка?

Я терпелива и кротка,
Я не перечу свысока,
Но без любимого дружка
Мне тяжко.

За что я бита муженьком,
Бедняжка?

Коль все ж не внемлет муж уму,
В работу я его возьму,
Не будет впредь дана ему
Поблажка!

За что я бита муженьком,
Бедняжка?

А будет он, как дьявол, злой,
Я отомщу ему с лихвой:
Возлягу с милым, и долой
Рубашка!

За что я бита муженьком,
Бедняжка!

2

Смирись, мой муж, и убедись воочию:
Я днем твоя, а с другом темной ночью.
Прошу, ни словом всеу не перечь:
Смирись, мой муж, и убедись воочию.

Ночь промелькнет, со мною сможешь лечь,
Когда дружка я ласкою попотчую.

Смирись, мой муж, и убедись воочию:
Я днем твоя, а с другом темной ночью.

3

Красота Алиса, утром встав,
Шла лужком меж свежих трав,
Всей душой вкушая счастье.
Вспомянула вдруг о страсти,
Что превыше всех забав,
Руки вскинула, вскричав:
— О Господь, терплю напасти,
Бьют меня и рвут на части —
Мать родная, злою став,
На любовь лишает прав!
Я не сдамся, от растрав
Станет нрав,
Лишь ершистей да зубастей!

РЕВЕРДИ

Мой дружок и я вчера
В том лесу, что близ Бетюна,
Разрезвились, и игра
Длилась, длилась ночью лунной —
Но восток зардел,
Жаворонок звонко спел:
«Уходить пришел вам срок!»
Но ответил мой дружок:
«Миги счастья лови!
Друг мой, день подождет!
Если верить любви,
Птичка глупая лжет!»

Я к нему была добра,
Щедро взыскана фортуной.
Троекратно до утра
Пыл в нем просыпался юный.
И во мне кипел
Жар, и трепет наших тел
Сто ночей бы длиться мог,
Коль слова пошли бы в прок:

«Миги счастья лови!
Друг мой, день подождет!
Если верить любви,
Птичка глупая лжет!»

ПАСТУРЕЛЬ

Первый луч едва блеснул,
Вскачь понес меня мой мул,
И к пастушке милой я с пути свернул,
В кою радость светлый день уже вдохнул.

Ах, пастушка просто чудо!
Но не ведаю, откуда
И жила досель среди какого люда.
Не видал такой красавицы покуда.

— Ах, пастушка, глаз прельщенье!
Глянь, в природе обновленье
И везде зазеленели все растенья!
Манят юношу и деву наслажденья!

— Рыцарь, радует сердца
Цвет весенний, дар творца.
Как наестся вдоволь каждая овца,
Почивать пойду под сенью деревца.

— Ах, пастушка, мне поверь!
Рядом ляжем мы теперь!
Пусть овечки всласть пасутся! Страх умерь,
Ведь вреда тебе не будет от потерь.

— Рыцарь, всех гоню я вон,
Знает то Святой Симон.
Ходят близко Гаринет и Робессон,
Ни один из них столь не был изощрен.

— Ах, пастушка, что ты ждешь?
Чем же рыцарь нехорош?
Пояс с клепками златыми в дар возьмешь,
Коль меня на луговинке попасешь!

— Рыцарь, к вам Господь склонись!
Коль охота вам пастись,
Лучше вам к местам повыше вознестись:
Мне беда, и вам здесь всласть не разойтись!

— Ах, пастушка, ты умна,
Коль девичеству верна.
Если б столь умно вы все себя вели,
Много чаще б к алтарю невесты шли.

РОНДЕЛИ

1

Журчит в тени оливы:
— Как пожалеть могли вы? —
Источник говорливый.
— Девицы, в пляс пошли!
Как пожалеть могли вы,
Что верность соблюли?

2

О, внемлите сим словам:
Пусть я стану другом вам!
Вы нежней всех нежных дам.
О, внемлите сим словам —
Повторю, душою прям:
Сердце все я вам отдам.
О, внемлите сим словам:
Пусть я стану другом вам.

3

Откройте дверцу, сердца чаровница!
Откройте дверь, пустите на лужок!
Бог в помощь мне! Учтиво ли таиться?
Откройте дверцу, сердца чаровница!
— Идите прочь, придется отступиться.
Мой муж, соперник ваш, замкнул замок.
— Откройте дверцу, сердца чаровница,
Откройте дверь, пустите на лужок!

Сидя у камина,
В глухой январский хлад,
Есть бы солонину
И жирных индюшат!
Рядом с дамой чинно
Я провести бы рад
В песнях вечер длинный.
И свечи не чадят,
И жизнь сладят нам вина.
И тавлея навряд
Внесет разлад.

МИННЕЗИНГЕРЫ

Составление А. ПАРИНА

Переводы со средневерхненемецкого В. МИКУШЕВИЧА, В. ОРЛА,
И. ГРИЦКОВОЙ-ЖУРБИНОЙ, В. ЛЕВИКА, ЮННЫ МОРИЦ,
О. ЧУХОНЦЕВА, Л. ГИНЗБУРГА

Кюренберг

1

ачем сулишь мне горе, любимая моя?
С тобою распростившись, умру в разлуке я.
Мою любовь покину,
Моим суровым ближним истину явив:
Твоей любовью жизнь красна, любовью был я жив».

«Пренебрегать негоже другом дорогим.
Разумно и похвально не расставаться с ним.
Люблю я, как умею,
Я с другом не расстанусь, покуда друг мне мил,
А тот, о ком я говорю, такой же, как и был».

2

«Радость будет позже, тоска сначала.
Рыцаря пригожего я повстречала.
Только бы не отняли его у меня,
Сердце обезрадостив до последнего дня».

3

«Одна поздно ночью стою на башне.
Слышу, поет рыцарь. Нет песен краше!
Поет будто Кюренберг, не смолкнет он всю ночь.
Моим будет рыцарь — или пусть уедет прочь».

Несите мне доспехи! Седлайте мне коня!
Любимая в далекий путь отправила меня.
Отправляюсь я в далекий путь и стану ей милей.
Пусть она тоскует вечно по любви моей.

Стоял я поздно ночью у твоей постели,
 Но разбудить не смел тебя, будучи у цели.
 «Бог тебя накажет. Уходи ни с чем.
 Я тебе не медведица. Я людей не ем».

«Когда в одной рубашке, бессонная, стою
 И вспоминаю статность благородную твою,
 Заалеюсь, будто роза, окропленная росой.
 И сердце томится по тебе, любимый мой».

«Ноет мое сердце. Всегда болит оно,
 Когда захочется того, чего не суждено.
 Не золотом прельщаюсь я, не звонким серебром.
 Живет мое желание в образе людском».

«Этот сокол ясный был мною приручен.
 Больше года у меня воспитывался он.
 И взмыл мой сокол в небо, взлетел под облака.
 Когда же возвратится он ко мне издалека?
 Был красив мой сокол в небесном раздолье:
 В шелковых путах лапы соколы,
 Перья засверкали — в золоте они.
 Всех любящих, господи, ты соедини!»

«Ах, как текут слезы от боли нестерпимой!
 Меня покидает мой милый, мой любимый.
 Лжецы виноваты. Господь их накажи!
 Нам бы помириться и не слушать этой лжи».

Моею будь, красавица! Жизнь за тебя отдам.
 И любовь и горе разделим пополам.
 Одной тобою буду жить, одну весь век любя.
 А полюбишь злого — пеняй на себя.

Во мраке ночи быстро скрывается звезда.
Так прячешься, красавица, ты от меня всегда.
Что ж, милая, попробуй слюбиться с другим!
Тогда на этом свете мне тесно будет с ним.

Знатнейшая девица, она прекрасней всех.
Посылаю к ней гонца, надеясь на успех.
Поехал сам бы свататься, да страшно — вот беда!
Вдруг я не понравлюсь ей! Что же делать мне тогда?

Женщину и сокола знай только замани!
Тобою прирученныце, к тебе летят они.
Под стать невеста рыцарю, невеста хороша.
Едва подумая о ней, поет моя душа.

Мейнлох фон Сефелинген

1

О тебе наслышан, решил я на тебя взглянуть,
Ради красоты твоей пустился в дальний путь.
Теперь увидел я тебя и честно признаю:
Счастлив тот, кто посвятил тебе любовь свою.
Ты лучшая из лучших; умолчать грешно об этом.
Глазам твоим спасибо!
Кого хотят, согреют благословенным светом.

Тебе служить хотел бы тот, кто в тебя влюблен.
Влюбленный признается, что красивых самых жен
Ты, госпожа, затмила. Жен других и в мыслях нет.
Смилуйся, разумница, дай какой-нибудь совет!
Рассудок помутила ты и жизнь отнимешь вскоре.
Не по твоей ли воле
Ушла былая радость и воцарилось горе?

Кто хочет женщине служить, пусть будет скромн тот,
Пускай своей печали никому не выдает.
Свои надежды в сердце пускай таит он, скрытный,
Чтобы отстал скорее соглядатай любопытный.
Награды удостоен тот, кто преданно служил,
А кто развратен сердцем,
Старается напрасно. Он красавицам не мил.

Победами не хвастай, не бегай за женщиной вслед.
Народ кругом глазастый, чуть что — и радости нет.
Непостоянный рыцарь изменит, полюбив.
Запутается в сплетнях тот, кто нетерпелив.
Пусть никто кругом не знает, что она сказала: «Да!»
Сбей сплетников с толку —
И, как многие другие, счастье ты найдешь тогда.

Прекрасною и гордой очарован я навек.
Свободы не дожидаться: я пропащий человек.
Она меня пленила. Теперь я сам не свой.
Очи мои не видали никогда красы такой.
Она была прекрасна и пребудет впредь.
Благословляю день я,
Когда ее впервые я сподобился узреть.

Служу неумоимо и знаю почему.
Дороже и дороже она сердцу моему.
Милее и милее со временем она.
Прекрасней и прекрасней: так хороша она одна.
Повсюду прославляю вечную мою любовь.
Пусть от любви умру я,
Из мертвых я воскресну, чтобы служить ей вновь.

«Ах, эти соглядатаи! Ах, эти шептуны!
Позорят меня, бедную. Страдаю без вины.
О том, что я влюбилась, толкуют все вокруг.
Мол, я его подруга, а он мой близкий друг.
Болтайте на здоровье! Я по-прежнему чиста.
Глаза колет верность.
К другому, бог свидетель, не влечет меня мечта.

Красавца молодого избрал мой нежный взор,
И женщины другие мне завидуют с тех пор.
Но я не виновата, что я прекрасней всех.
И телом и душою полюбить его не грех.
Когда была другая с ним, с доблестным, нежна,
Теперь отстать ей лучше.
Знать ничего не знаю! Моя радость мне нужна!»

Кругом посланцы лета, румяные цветы.
Как служит этот рыцарь, прекрасная, знаешь ли ты?
Готов служить он верно, была бы ты близка.
С тех пор как он уехал, в сердце у него тоска.
Чтобы не выжег душу ему полдневный зной,
Пускай вкушает радость,
В твоих объятьях лежа, благородный рыцарь твой.

2

Свои разносят сплетни по всей стране клеветники.
Умей хранить молчанье наветам вопреки.
Немногословный рыцарь дамами всегда любим.
Он человек надежный. Куда спокойней с ним!
Пока язык болтает, не надейся на успех!
Внакладе пустомеля. С болтуном — и смех и грех.

«От этой доброй вести прошла печаль моя.
Вернулся мой любимый в родимые края.
Пускай теперь оставит меня тоска в покое.

Любимого дождаться... Счастье-то какое!
Не надо мне другого. Он мною предпочтен.
Вернулся, слава богу! Как служить умеет он!»

Других она красивей, добрее и честней,
И никаких проступков не числится за ней.
Не потому, что ниспослал всевышний мне блаженство
Вкусить у ней на ложе все эти совершенства,
Нет, потому, что верю я собственным глазам,
Ей, благородной даме, службой должное воздам.
Нет женщины прекрасней. Для нее не жаль трудов.
Пускай она прикажет!
Любое повеленье рыцарь выполнить готов.

Бургграф фон Регенбург

1

«Как добрый рыцарь мой хорош! Я вся принадлежу ему.
Как сладко сердцу моему, когда его я обниму!
Кто целый мир в себя влюбил
Высокой доблестью своей, тот мне навеки будет мил.

Пусть красавца моего они попробуют отбить!
Как прежде, любит он меня, и мне его не разлюбить.
Пусть от зависти умрут!
Мой рыцарь верен мне всегда. Его прельщать — напрасный
труд».

2

Всю зиму проболел я. Мне было тяжело.
Женщина мне возвестила, что красное лето пришло.
Завистники вмешались. И сердце проболит,
Пока меня своей любовью госпожа не исцелит.

«Велят мне избегать его, а я бы не могла.
Припомню, как однажды тайком я с ним легла,
Как он обнимал меня,— и на сердце тоска.
Предсказывает сердце мне: разлука будет нелегка».

Бургграф фон Ритенбург

1

«Нам теперь друг друга надо
Любить как можно незаметней.
Хоть ему всегда я рада.
Завистник распускает сплетни
О том, что изменяет он,
Что, мол, в другую он влюблен.
Не верю злобной болтовне.
Навек любовь моя при мне».

Испытав любовь такую,
Я собою не владею.
Ни о чем я не тоскую,
Госпожу назвав своею.
Пускай враждуют все со мной,
Моя радость — в ней одной.
И во сне и наяву
Ее радостью живу.

2

Смолк соловушка в долине,
И не слышать мне отныне
Темной ночью песню песней.
Но жизнь моя еще чудесней.
Себе нашел я госпожу
И госпоже моей служу.
Служу я, верность ей храня.
Растет любовь день ото дня.

3

Мирская мудрость в том порука:
Любовь от неучей бежит.
Любовь — блаженная наука
Для тех, кто смел и даровит.
Каких бояться мне обид?
Сулит отраду эта мука.
Уж лучше вечная разлука
С любой красавицей земли,
Чем год безрадостной любви
От госпожи моей вдали.

Весной преобразился год.
Весело сердцам другим.
Так счастье мимо и пройдет,
Был ты неприветлив с ним.
Коли счастья нет,
Вот мой совет:
Время петь на новый лад.
Всех на свете веселят
Красные цветы.
Печален только ты.

Испытала ты меня,
И на пользу проба мне.
Тот, кто золоту родня,
Блещет золотом в огне.
Чтобы ярче заблистал
Благородный наш металл,
Нужно пламя, нужен жар.
Песня — самый чистый дар.
Испытай меня огнем!
Песня лучше станет в нем.

В путь она меня послала,
И разлуке я не рад.
Красавиц на земле немало,
Но возвращусь я к ней назад.
Когда я в чужом краю,
Храни, господь, любовь мою.
Закабалил я сам себя.
Легче умереть, любя,
Чем служить ей много лет,
Зная, что надежды нет.

Сперфогель

* * *

Крестьянин сбился с толку —
Вот предложил он волку
В овчарне послужить,
Овец посторожить.
Наутро он — в овчарню:
Овец и след простыл...
Тут только в петлю оставалось парню.

* * *

Волк с человеком день-деньской
Сидел за шахматной доской.
Да как играл волчище —
Иных людей почище!
Он было выиграл игру,
Но тут овцу заметил...
Принюхался — и вмиг зевнул туру.

* * *

Волк порешил себя блюсти,
Монахом в монастырь пойти
И печься, Бога ради,
О монастырском стаде.
О стаде серый пекся так:
Зарезал всех овечек,
А грех свалил на тамошних собак.

* * *

Случалось говорить французам:
«Чем тяжелей спине под грузом,
Тем легче гнуться той спине».
Но это, право, не по мне,
Хоть правда в этом есть совете.
Два пса одну делили кость,
А стал ее владельцем — третий.

* * *

Два пса выпрашивали кости.
Один скулил, рычал от злости,
Но злость беднягу не спасла,
И он не получил мосла.
Он за скулеж наказан строго:
Кость отдана другому псу,
И тот ее, урча, смакует у порога.

Дитмар фон Айст

1

«Какое горе и какая мука!
И словно камень на сердце разлука,
Следят за мною зорко сторожа»,—
Всю ночь грустит и плачет госпожа.

А рыцарь говорил: «Проходит время,
Но с каждым днем сильней печали бремя.
Скорбит душа. Пылает жар в крови.
Как счастлив тот, кто избежал любви!

Когда весь мир покой вкушает ночью,
Ты предо мною предстаешь воочью.
И грудь испепеляет мне тоска.
Как недоступна ты и далека!»

2

Заиграла весна на свирели —
Это первые ручьи зазвенели.
И под ласковым солнцем из почки
Выбились зеленые листочки.

Я вернулся на широкую поляну,
И повсюду ты, куда ни гляну.
Вольно птицам по весне поется,
Жаль, любимая ко мне не вернется.

Лишь вчера мы с тобою расстались.
Неужели часы, а не годы промчались?
Отведен короткий миг свиданию
И тысячелетья ожиданию.

3

«Посреди зеленого луга
Жду печально милого друга.
Слышу взмах широких крыл.
Это сокол в небо взмыл.
До чего же ты, сокол, волен!
Знать, судьбою своей доволен!

Коли тяжким станет путь,
Ты присядешь отдохнуть.
Сердце рвется и плачет от боли.
И тоска моя пуще неволи.
Мой любимый снова там,
У своих прекрасных дам.
Не придет он сюда на лужочек.
Мне б увидеть его хоть разочек».

4

«Прощай, блаженство лета!
Мой друг далеко где-то.
Не воротится он, не вернется.
Птицам в чаще лесной не поется.
Мне лишенья терпеть и мытарства.
Ты ж в любви опасайся коварства.
Пусть нежны твои дамы и томны,
Лживы души, сердца вероломны.
Я на свете на этом одна
Терпелива, кротка и верна.
В тяжких муках, безмерно тоскуя,
Позабить о тебе не смогу я».

5

Зима была бы хороша
И не страшны любые вьюги,
Когда бы тело и душа
Не рвались к ласковой подруге.
К чему от холода дрожать
Под завывание метели,
Когда бы мог с тобой лежать,
Моя любовь, в одной постели.

И в ожидании любви
Грустила дама одиноко:
«Меня к себе ты позови!
В твоей гордыне мало прока!
Быть в этот холод одному,
Что есть еще на свете хуже?
Тебя я крепко обниму.
Мы вместе не заметим стужи».

Как мне печаль свою избыть,
 Укрыться от тревог
 И об утратах позабыть?
 О, помоги мне бог!

Ты можешь души врачевать
 И окрылять судьбу.
 И стану я к тебе взывать,
 Услышь мою мольбу.

Прекрасный, кроткий, нежный лик
 Хочу увидеть вновь.
 Верни же на короткий миг
 Ко мне мою любовь.

И сразу снимет как рукой
 Всю горечь прежних дней.
 И обретет душа покой,
 Когда я буду с ней.

Служил я даме верно и послушно.
 И с нею рядом был я как в раю.
 Она же отвергала равнодушно
 Мою любовь и преданность мою.
 О, светлая печаль! Ей меня ничуть не жаль.
 Не забыть ее вовеки ни в одном краю!

Она сказала мне, что полюбила
 Прекраснейшего рыцаря. Он смел.
 Она в него свои мечты вселила,
 И он ее душою завладел.
 О, светлая печаль! Ей меня ничуть не жаль.
 Безысходная кручина! Тяжкий мой удел!

И сам не знал, что буду я несчастен.
 Но лишь тебе одной хочу служить.
 Вот так кораблик кормчему подвластен.
 И без тебя я не сумею жить.
 О, светлая печаль! Ей меня ничуть не жаль.
 Буду тосковать и плакать, горестно тужить!

«Скорей проснись, желанный,
 Любимый, долгожданный!
 И разомкни ресницы.
 Уже щебечут птицы».

«Я спал средь этой чащи.
 И сна не видел слаще.
 Но каждое свиданье
 Таит в себе страданье.

Что ж ты грустишь и плачешь?»
 «Я знаю, ты ускачешь.
 И жизнь меня покинет,
 Когда твой след остынет».

Хоть полно друзей вокруг,
 В их советах мало прока,
 Если сердце стало вдруг
 Непослушно и жестоко.
 Я давно ему велю:
 «Успокойся! Быть несчастью!»,
 А оно стучит «Люблю!»,
 Переполненное страстью,
 Из груди стремится прочь
 И не хочет мне помочь.

И назло моей мольбе,
 Не советуясь со мною,
 Рвется лишь к одной тебе
 И живет одной тобою.
 Стал я, как никто другой,—
 Ты тому свидетель, боже,—
 Самым преданным слугой
 Дамы сердца своего же.
 Полюбил я ее навечно.
 Жаль, что ты, госпожа, бессердечна.

Император Генрих

1

Сподобился я тоже
    всей роскоши земной,
Пока была на ложе
    прекрасная со мной.
Вкусил такие радости
    тогда я вместе с ней,
Что я не мог уехать
    от этой нежной младости
И предан ей всем сердцем
    был много-много дней.

«Ни от кого не скрою:
    мой рыцарь мной любим.
Как он красив собою!
    Как хорошо мне с ним!
Так женщинам завидно,
    что сплетням нет конца.
Пускай подруги злятся!
    Любить его не стыдно.
Не сыщешь в целом свете
    такого молодца!»

2

«Зачем бы я пустила
    тебя в такую даль?
Без друга жизнь постыла,
    без друга жизнь — печаль.

Когда любимый сгинул
    в далекой стороне,
Ничто во всей вселенной
    Пропажки драгоценной
    возместить не может мне».

Во всем ты безупречна.
    С тобою мы вдвоем.
В моем ты сердце вечно:
    и по ночам и днем.

Мою любовь украсил
твой ласковый привет.
И я тебе дарую
Оправу золотую,
дорогой мой самоцвет.

3

Привет мой с песней шлю, томясь в надежде.
Не отходя от милой ни на шаг,
Я сам бы мог в лицо сказать ей прежде:
«Жизнь без тебя — крошечный мрак».
Другими пусть напев мой будет спет.
Той, без которой мне покоя нет,
Пускай хоть кто-нибудь передаст мой привет.

Над государствами я властелин,
Если мне любовь моя — закон.
Если останусь без нее один,
Прах — держава моя, и не нужен мне трон.
Что тогда мне богатство, и слава, и сила!
Когда меня злая разлука сразила,
Скорбь — мое достоянье; мое утешенье — могила.

В моем сердце милый образ вечно.
Не перестану жаловаться слезно.
Со вздохом вняв мольбе моей сердечной,
Она ответит рано или поздно.
Как наградит она пыл мой влюбленный?
Преподнесет мне свой дар благосклонный.
Прежде, чем от милой, отказался я бы от короны.

Грешно не верить моему обету.
Любовь дороже мне всех прочих благ.
Отдать любви я рад корону эту.
Жизнь без любимой — непроглядный мрак.
Без милой не избыть печали.
Без милой мои дарованья пропали.
Горький мой удел тогда — умереть в опале.

Фридрих фон Хаузен

1

Привиделась во сне
Красавица одна
И полюбилась мне.
Нет с тех пор мне больше сна.
Она пропала слишком скоро,
И я не знаю, где она.
От собственного стражду взора.
На что мне жизнь моя нужна?
Любовь обречена...

2

Пришлось расстаться с ней.
Утрата из утрат!
Она мне всех милей,
И жизни я не рад.
Завистник-лиходей
На мой косится клад.
Завистливых людей
Загнать бы в самый ад,
Чтоб не пришли назад.

«Моя тюрьма крепка.
Завистники кругом.
И день и ночь тоска
О друге дорогом.
Скорее Рейн-река
Проляжет большаком.
Чем я издалека —
Теперь или потом —
Воздам за службу злом».

3

Воистину я вижу сам:
Господней силе нет предела.
Я причисляю к чудесам
Прекрасное такое тело.
Любимая мной овладела.
И жизнь с восторгом ей отдам.
Ей покоряюсь я всецело.
Готов служить ее мечтам.

Весь век служу я, как умею.
Не расставаться лишь бы с нею.

Хожу за нею по пятам,
Ей предан с детства неизменно.
Других не замечаю дам.
В ней все правдиво, все нетленно.
Ей сердце я вручил смиренно,—
Пускай, теряя счет годам,
Послужит ей самозабвенно,
Как челядь служит господам.
Весь век служу я, как умею.
Не расставаться лишь бы с нею.

4

Горе мне, горе! От любви мне плохо!
Мечте безумной предан я поныне,
Ей предаюсь до последнего вздоха,
А наслаждения нет и в помине.
Я возомнил,
    что госпоже я мил.
Нет больше сил!
    Пускай заглянет ныне
Она мне в душу, где царит унынье.

Горе мне! Я ли нанес ей обиду?
За что, за что немилость мне такая?
Пусть ранен *я,— не подавая виду,
Буду служить, во всем ей потакая.
Знаю, она
    на целый мир одна
И мне нужна
    она со всей гордыней.
Без розги хлещет любовь меня ныне.

Люди любовью называют это,
А это — казнь, печаль, болезнь лихая.
С ума сошел я, невзвидел я света,
Теряю голову, изнемогая,
Когда со мной
    случился грех такой,
Сам я не свой
    от жару и от стужи.
Я знаю: впредь еще мне будет хуже.

Любовь моя! Как ты ко мне жестока!
Все радости у меня ты украла.
Выколоть бы завидующее око!
Если бы воля божья покарала
Свою рабу!

Благословлю судьбу,
Когда в гробу
увижу твое тело.
Живу, и нет моей тоске предела.

5

Радуюсь я и печалюсь, любя, —
Пускай завистников много вокруг.
Что служба мне, что самый лучший друг!
Ее люблю, как самого себя.
Она одна над моим счастьем властна,
Одна в моем несчастье виновата.
Что мне теперь бдительный соглядатай?
Охрана зоркая и та напрасна.

Другим сердцам охрана — будто нож,
Пытка, мученье, источник тоски.
На мой заклятый клад не посягнешь,
Моя любовь — до гробовой доски.
Изо дня в день то хорошо, то худо.
Выбрал я сам себе такой удел.
На зависть всем об этом я запел.
Радость со мною сотворила чудо.

Мне, к сожалению, неведом страх,
С которым совладать всего трудней,
И я не думаю о сторожах.
Себе на горе я уверен в ней.
Если бы жил я ревности в угоду,
Всегдашним подозрением томим,
Пресытился бы я житьем таким
И, может быть, обрел бы вновь свободу.

6

Не долго думая, она
Такое слово мне сказала,
Что в мыслях — лишь она одна,

И до других мне дела мало.
Лишь от нее — моя опала.
Погибель с нею не страшна.
Она мне только и нужна,
Конец мой и мое начало
Днесь и в любые времена.

Столь совершенную жену
На радость людям создавая,
Бог наделил ее одну
Всей стройной красотой рая,
И не сравнится с ней другая.
Когда блаженство я пожну?
Ликует сердце и в плену.
Искупишь ли ты, дорогая,
Свою передо мной вину?

Нет невозможного для бога,
И вот она неотразима.
В ней радостей таится много,
Мной до смерти она любима.
Любимая неколебима,—
Что ей печаль, что ей тревога!
Да разве жалоба — подмога?
Хоть в гроб от боли нестерпимой!
Туда мне только и дорога.

7

Сказал я ей давным-давно,
Как сердцу моему тоскливо.
А ей, прекрасной, все равно.
Знай только смотрит горделиво.
Я болен — и немудрено.
В меня не верить ей грешно.
Красавица несправедлива:
Весь мир принес я в жертву ей,
И нет награды столько дней!

Меня избавить от забот
Она могла бы и вначале.
Еще один промчался год.
Впредь радоваться мне едва ли.

Смотрю я на нее, и вот
Не так тоска меня грызет,
Отрадней мне в моей печали.
Она моим глазам нужна.
Зачем не верит мне она?

8

Когда я только доживу
До возвращения с чужбины!
Увижу радость наяву —
И жаловаться нет причины.
Опередить бы мне молву,
Навек предавшись торжеству,
И ни покоя, ни кручины!
Родимый вспоминая дом,
Былую боль сочтешь добром.

В дороге путник тороплив.
Домой вернусь я не без чести.
Из дома слышен мне призыв.
Моя печаль и верность вместе,
А значит, я нетерпелив.
Рейн полноводный переплыв,
Услышу я такие вести,
Которых мне с давнишних пор
Не слышно было из-за гор.

9

Кто хочет жизнь сберечь свою,
Святого не берет креста.
Готов я умереть в бою,
В бою за господу Христа:

Всем тем, чья совесть нечиста,
Кто прячется в своем краю,
Закреты райские врата,
А нас встречает бог в раю.

Генрих фон Фельдеке

1

Ликованье в мире снова.
Радостней любого зова
Щебет птичий по весне.
Для веселия людского
Вся земля цвести готова
В солнечной голубизне.
Не до веселья только мне.
И наказан я сурово,
Сердце, по твоей вине.

Многие красивы жены.
От Рейна и до самой Роны
Госпожа красивой всех.
Одолел я все препоны.
Был судьбою благосклонной
Дарован мне такой успех,
Что я от сладостных утех
Одурел, замороженный.
Вот он — мой невольный грех.

Чересчур она прекрасна.
Приближаться к ней опасно.
Я приблизился — и вот
Над любовью мысль не властна.
Лишь бы целовать всечасно
Эту шею, этот рот!
Пусть глядит хоть весь народ!
Благоразумие напрасно.
Не спасись мне от невзгод!

Любовью этой обуйанный,
Бормотал я, словно пьяный,
За свой расплачиваюсь бред.
Наказан грешник окаянный.
Заслышав плач мой покаянный,
Обнять бы ей меня в ответ!
Неужто мне прощенья нет?
Разве что непостоянный
Таких заслуживает бед.

Не только пагубная страсть
 Извела Тристана.
 Несчастный, он подпал под власть
 Приворотного дурмана.
 Изберу благую часть!
 Самой любовью буду власть
 Упиваться неустанно.
 Эликсиров я не пью.
 Постоянно
 Без обмана
 День и ночь пою
 Красоту твою.

Когда солнце в небесах
 Никнет перед мертвой тьмою
 И безмолвие в лесах,
 Грусть овладевает мною,
 Потому что малых птах
 Снова настигает страх
 Перед лютою зимою,
 Ненавистницей цветов,
 Мной любимых,
 Уязвимых.
 В пору холодов
 Мой удел суров.

Когда в сладостную пору
 Молодой ликует год,
 Когда солнце лезет в гору
 И когда на радость взору
 День длинней и дрозд поет
 Синеокому простору, —
 Богу благодарен тот
 Истинно влюбленный,
 Кто вкусил таких щедрот.

Только соблаговолила —
 И лучи прогнали тьму.
 Хватит мне блуждать уныло!
 Снова все на свете мило
 Стало сердцу моему.

В ней добро мое и сила.
Мою радость обниму,
Истинно влюбленный.
Мне богатство ни к чему.

А завистливому сброду
Подобреть не суждено.
Завели такую моду,
Что и в ясную погоду
Даже в полдень им темно.
Ненавистен им я сроду.
Счастье мне теперь дано.
Истинно влюбленный,
Заслужил его давно.

4

Когда солнцу роза рада,
Рада каждым лепестком,
Берет завистников досада,
И проклинают их кругом.
Они зовут любовь грехом,
А нам завистников не надо.
Где ограда
от косого взгляда?

Злым своей довольно муки.
Их проклинать я не могу.
Даже летом эти злюки
Как будто прыгают в снегу.
Не пожелаешь и врагу
Круглый год искать со скуки
Для науки
ягоды на буке.

5

Те времена прошли давно.
Когда-то, бог свидетель,
Царили в мире заодно
Любовь и добродетель.
Все в грех теперь погружено.
Любить грешно, и жить грешно.

Губительный владетель,
Грех греху радетель.

Везде разврат — и тут и там.
На что это похоже?
Винят в разврате знатных дам
Мужланы и вельможи.
Виновным спуску я не дам,
Но если ты развратен сам,
Других бранить негоже.
Честь всего дороже.

6

Тот, кто действительно влюблен,
Счастливее день ото дня,
Хоть от любви страдает он.
Кто служит, верность ей храня,
Любовью тот вознагражден.
Любовь — целительный закон.
Нет без любви моей меня.

Моя любовь, как день, ясна,
А если я лукавый лжец,
Чудовищна моя вина,
И чистых в мире нет сердец.
Мне госпожа моя верна.
Ей песнь моя посвящена.
Любви боится лишь глупец.

7

Ни числа, ни счета
цветам в апреле.
Зеленеют буки,
лист на липах свежий.
После перелета
птицы запели.
Сладостные звуки!
Счастье птичье где же?
Там или тут
их любовь, их приют.
Пускай поют.

Мои песни ей желанны,
 Вот и стала благосклонней.
 Мне залечивает раны.
 Вопреки любой препоне
 Ускользает от охраны,
 Словно заяц от погони.
 Я ловлю на сходстве с ней
 Наших жен и дочерей.
 Всех зверей они хитрей.

Сотню тысяч звонких марок,
 Жемчуг, самоцветы в скрыне —
 Госпоже моей в подарок
 Лучше все доставить ныне,
 Чем погаснуть на чужбине,
 Словно брошенный огарок.
 Ей отдать я был бы рад
 Самый драгоценный клад.
 Но лишь стихами я богат.

Задрожали дерева.
 Волею ночей холодных
 На липе мертвая листва.
 А душа моя жива.
 Довольно вёсен сумасбродных!
 Любовь пришла, любовь права
 В своих веленьях благородных,
 И я свободней всех свободных.

Снова год весною светел.
 Прямо не узнать его!
 Кто зимою не заметил,
 Как тускнеет он мертво!
 Холоду не прекословь!
 Лютый враг лугов зеленых,
 Он последнюю любовь
 Отнимает у влюбленных.

Кто держит женщину под стражей,
Тот сам себе за палача.
Боязнь всегдашняя пропажи
Больнее всякого бича.
Хоть лезь на стенку сгоряча!
Забота день и ночь одна и та же.
Обычая не выдумаешь гаже.

Прекрасное близится лето.
Пернатые, за стаяй стая,
Ликуют, чтобы воздух мая
Звенел от певчего привета.
Не стихнет, кудри нам лаская,
Вовеки дуновенье это.
Вся в брызгах солнечного света
Листва на липах молодая:

Семь лет, не говоря ни слова,
Страдал я от недуга злого.
Семь лет не ведала она,
Чем душа моя удручена.
Теперь, когда любимой все известно,
Ей жалобы мои послушать лестно.

Рудольф фон Фенис

1

Заманивает и морочит, грозя.
И снова — ни ответа, ни привета.
И я не ведаю, за что мне это,
Куда ведет меня моя стезя.
Так вот, спасаясь от хищного зева,
Залезешь вдруг на высокое древо.
Вверх невозможно, вниз тоже нельзя,
И не свернешь ты ни вправо, ни влево.

Как будто незадачливый игрок,
Очертя голову собой рискую.
Вовек не выиграть игру такую.
Передо мною роковой итог.
Разумные советы бесполезны,
Когда я на краю гибельной бездны.
Лукавый ростовщик меня завлек,
Столь бескорыстный на вид и любезный.

Пора заканчивать нашу игру.
Выигрыш пусть она присвоит смело.
Ей до меня нет никакого дела.
Лучше расстаться. Мешкать не к добру.
Служил я, красотой привлеченный.
Попусту здесь я томлюсь, удрученный.
Уеду прочь! Уеду и умру,
От всех своих мечтаний отлученный.

2

В несчастье поется поневоле.
Напев мою заботу бередит,
Чтобы заботе умереть от боли.
Давным-давно я на нее сердит.
Я столько претерпел уже обид,
Что песнь для ран моих подобна соли.
Мой помысел отчаяньем убит.

Когда любовь сочла меня достойным
Таких страданий и такого гнета,
В своем очарованье беспокойном

Блаженство мне сулят мои тенёта.
Пускай в напеве жалобная нота.
Когда палимо сердце пленом знойным,
К награде, может быть, ведет забота.

От госпожи вдали я пропадаю.
По временам даюсь я диву сам:
Нисколько я не рад чужому краю.
Я сохну не по дням, а по часам.
С ней быть! За это жизнь мою отдам!
К ней возвращусь — и снова прогадаю.
Удачи нет нигде — ни здесь, ни там.

С ней быть! Какая мука и тревога!
Глупец, вблизи подобного огня
Уберегись попробуй от ожога!
Своими совершенствами маня,
Сжигает заживо она меня.
С ней быть! А без нее мне в гроб дорога.
Все тяжелее мне день ото дня.

И я прельстился чудом этой плоти.
Так нетопырь на свет летит стремглав,
Чтобы сгореть в погибельном полете.
Как этот блеск обманчивый лукав!
Неосторожный, жизнь свою поправ,
Себя сгубил я по своей охоте,
Прав перед ней, перед собой не прав.

Альбрехт фон Йохансдорф

1

Она меня так донимала,
Что с некоторых пор
Я выстрадал из-за нее немало.
Нет, не окончен спор.
Отнюдь не возвращает ей
Свободу мой отъезд.
Любимая останется моей,
Тому порукой крест.
Морям — бесчинствовать, воителям — рубиться.
Нельзя в другого ей влюбиться.
Кто разлучит на белом свете нас?
Разве что гром небесный.
И я не пропаду в дали безвестной,
Когда моя любовь со мною и сейчас.

Не знаю, как судьба решила:
Вернусь я или нет.
Пусть битва, пусть победа, пусть могила,
От сердца мой обет.
Всевышний ведает господь,
Как мной она любима.
Ей душу предал я свою и плоть,
Служил неумоимо,
Дай, господи, остаться нашим душам вместе,
Чтобы не запятнала чести
Она при всех соблазнах бытия,
Как прежде, безупречна.
Пусть в царствии твоём ликует вечно,
Пускай поселится навеки там, где я.

И вдалеке я не уйму
Мучительных тревог.
Непостоянство свойственно всему,
Кому разлука впрок?
Тогда чиста она была.
А какова теперь?
Кругом такие дивные дела,
Что хоть себе не верь.
Смерть в этот год царит, отважных одолев.
Во всем приметен божий гнев.

Увидеть могут мудрый и глупец,
Как все на свете тленно.
Глумится пусть над верностью измена.
Настанет грозный срок, всему придет конец.

Пока любовь твоя чиста,
Блаженством ты богат.
И перед господом ничьи уста
Тебя не обличат.
Кто любит верную жену,
Не подходя к дурным,
Тот может смело ехать на войну,—
Не властна смерть над ним.
Покуда я любим, нигде не пропаду.
Готов сражаться хоть в аду.
Однако не хочу я пасть в бою
За злых и лицемерных,
И потому я славлю женщин верных,
Влюбленных в нас, как я — в красавицу мою.

2

Отмечен милостью особой,
Госпожу люблю я с детских лет
И верен буду ей до гроба.
Женщины прекрасней в мире нет.
Пускай меня губит.
Любит — не любит,
Моей красавице я предан весь.
Лето и радость пока еще здесь.

Госпожа меня пленила,
И моей тоске я песней вторю.
«Горе мне», — я пел уныло.
Положить конец пора бы горю.
Учит петь отвага:
«Благо мне, благо!»
Так бы запеть мне и надобно днесь.
Лето и радость пока еще здесь.

3

Встретился с прекрасной
Я наедине средь бела дня.
Спрашивает властно:

«Что вам нужно, рыцарь, от меня?»
«Госпожа, судите сами...»
«Отвечайте напрямик, а не обиняками!»

«Сушит меня горе.
Все скажу я вам наедине».
«О подобном вздоре
Слушать, рыцарь, не угодно мне».
«Мне без вас отрады нет».
«Вам награды не дожидаться хоть в тысячу лет!»

«Что же, королева,
Стало быть, задаром я служу?»
«Вне себя от гнева,
Дерзость вашу я не пощажу!»
«Это смертный приговор!»
«Рыцарь! Чем я заслужила горький ваш укор?»

«Слишком вы прекрасны!
Обречен без вас я погибать».
«Рыцарь сладкогласный!
Добродетель грех поколебать».
«Госпожа! Избави бог!»
«Победить хотите вы, застав меня врасплох?»

«Вы меня казните.
Между тем я вправе ждать наград».
«Рыцарь! Извините!
О таких делах не говорят».
«Чем же речь моя дурна?»
«Рыцарь мой! Признаться, я немного смущена».

«Я же самый верный!
Я по вас одной всегда тоскую».
«Рыцарь вы примерный!
Полюбить вам лучше бы другую».
«Значит, я противен вам?»
«Рыцарь мой! За вашу службу чем я вам воздам?»

«Или все напрасно:
Служба, подвиг, песня что ни час?»
«Рыцарь, я согласна.
Без награды не оставлю вас».
«Как понять мне вашу речь?»
«Впредь извольте вашу честь и честь мою беречь!»

Генрих фон Морунген

1

На все государство славится она —
Мила, благо нравна, равных ей нет.
Ее неумолчно хвалит стар и млад.
Высоко над нами ночью луна,
Но всему миру виден лунный свет.
Этому сиянью радуется взгляд.
Блеск добродетели молвой не преуменьшен.
Про нее говорят:
«Женщина из женщин!»

Теперь преследует меня упрек:
Мою красавицу превознося,
Ко всем другим был я несправедлив.
Другими дамами я пренебрег.
В ней, гордой, чистой, радость моя вся.
На других не смотришь, такую полюбив.
Красою не прельщаешься иною.
Пока я жив,
Она одна владеет мною.

Разумна, весела, добра, чиста...
Храни ее, господи, в счастье и в беде!
Она дороже мне всех жен и дев.
Слаще всех эти алые уста,
Эти зубы белые славятся везде.
Непостоянство днесь преодолев,
Той предаюсь, которая по нраву,
И мой напев
Моей любви звучит во славу.

Солнцем таким согреты все края.
Свет солнца ярче, если облака
В мае окутают его слегка.
На веки вечные любовь моя,
Моя отрада и моя тоска.
Она затмила всех издалека.
В землях немецких всем она известна.
Она близка,
Близка мне здесь и повсеместно.

Она моя отрада,
 Так она была
 Мне всегда мила,
 Что не жалко жизни всей,
 Другой любви не надо.
 Вот она — гляди! —
 У меня в груди,
 Но как будто больно ей
 От моих речей.
 Что мне песня, что мне слово,
 Если в жизни счастья нет мне снова
 И на сердце все грустней!

На мой напев тоскливый
 Беспощадным «нет»
 Наложив запрет,
 Все же сердится она:
 «Что смолк ты, нерадивый?»
 Значит, буду впредь,
 Как и прежде, петь.
 В этом ли моя вина?
 Стала холодна
 Милая моя со мною.
 Ей моя любовь с моей тоскою
 Ненавистна и смешна.

Скажи мне, посоветуй,
 Как мне петь отныне
 О моей святыне?
 Лад нарушен без наград.
 Быть может, песней этой
 После стольких бед
 Вымолю привет.
 Жизни я теперь не рад,
 И не утолят
 Годы злую эту муку.
 Взял бы кто-нибудь меня в науку!
 Петь хочу на новый лад.

Прекрасная! Размыкай
 Скорь мою немую.

Я ли не тоскую
По тебе давным-давно?
Пусть радостью великой
Обернется вдруг
Тяжкий мой недуг!
Сердце не побеждено.
Сокрушит оно
С бою всякую преграду.
Милая! Не твоему ли взгляду
Исцелить меня дано?

Моя любовь слепая
Милой не нужна,
Мерзостна, смешна.
Как мне вымолить привет,
Весь век по ней вздыхая?
Мной не дорожа,
Злится госпожа.
Кроме как за нею вслед
Мне дороги нет.
Ей служу и днесь и присно.
Пусть моя любовь ей ненавистна,
Легок тяжкий мой обет.

3

Если бы не все на свете совершенства,
Если бы не эта красота,
Разве не нашел бы я в другой блаженство?
Мысль одною ею занята.
Даровало солнце свет
Обездоленной луне.
Как солнышко с луною,
Госпожа моя со мною.
Осветила взором сердце мне.

А теперь темно, и сам я виноват
В том, что не со мной моя отрада.
Если должен умереть мой супостат,
Самого себя убить мне надо.
Когда в сердце у меня
Так она была светла,
Почему сначала

Громче всех не зазвучала
Окрыленная моя хвала?

Если я умру, тоскуя и скорбя,
Утешение оставлю ей.
Пусть не мнит она свободною себя.
Сын мой — наследник всех моих скорбей.
Будет он хорош собой,
И умен, и даровит.
Вспомнишь меня, злая:
Тебе сердце разбивая,
За мои обиды сын мой отомстит.

4

Сердце в небо воспарило.
В жизни чувства радостнее нет.
Вечно думая о милой,
Облететь бы мог я белый свет.
Словно солнцем я согрет.
Через душу в сердце мне
Ласковый проник привет.

Не хочу другой награды.
Это солнце — чудо из чудес.
Радостью моею рады
Воздух и земля, луга и лес.
Как из мертвых я воскрес.
Обуял меня восторг,
Чтобы взмыть мне до небес.

Весть желанная, благая,
Сладостнее всех других вестей,
Никнет, в сердце западая
Тяжестью отрадную своей.
Изобильней всех ключей
Будто брызнула роса
Счастьем из моих очей.

Ликованью нет предела.
Радость бесконечная вокруг.
Слово с милых губ слетело,
Дорогой, желанный сердцу звук.

И потряс меня испуг.
И не знал я, что сказать,
Онемев пред нею вдруг.

5

Очень многих этот мучает недуг.
Каково же мне в злосчастный год
Тосковать по самой лучшей из подруг!
Мне любовь покоя не дает.
Горести не в счет!
Прощу я госпожу
Помнить, как я счастьем этим дорожу.
Таю, как на солнце тает лед.

Знать не знаю никаких других властей.
Повинуюсь ей всем сердцем я.
Соизволила бы только стать моей,
Сладостную верность мне храня,
Хоть бы на три дня!
Единственная ночь
Помогла бы мне погибель превозмочь.
Госпоже моей не до меня.

Как пылает от небесных молний дуб,
Я горю теперь от этих глаз.
Пусть попробует сказать, что я не люб!
Словно под дождем бы я погас.
В мой последний час
Я вспомню красоту,
Ту, которую всему я предпочту,
От которой плакал столько раз!

На меня глядит прекрасная в упор,
И как будто сердцу горячей.
Тот, кто застит от меня любимой взор,
Мой заклятый недруг, мой злодей.
Солнечных лучей
Так ласточка не ждет,
Как я жду желанных ласковых щедрот.
Радости дождусь ли я своей?

Сколько женщин знатных,
 Красивых и статных,
 Около окна!
 Что со мной такое?
 Давно мне покоя
 Не дает одна.
 Сияет солнце поутру,
 Чтобы любим секретам
 Открыться при этом.
 Светит ярким светом
 Рыцарю она.

Говорить не смею.
 Кто при встрече с нею
 Не сойдет с ума?
 На высоком троне,
 В золотой короне
 Красота сама.
 Пусть придет она ко мне,
 Утешая в горе,
 Или мои зори
 Окутает вскоре
 Грбовая тьма,

Чтобы на могиле
 Камень положили
 Со стихом таким:
 Из-за непреклонной
 Умер я, влюбленный,
 Тоскою томим.
 Госпожу мою тогда
 Обличит могила:
 Друга порешила,
 Тяжко согрешила
 Она перед ним.

Требует, чтобы я был послушен,
 И терзает злей,
 Словно объявив мне вечную войну,
 Нет спасенья. Мой покой нарушен.

Красотой своей
Разорит, пожалуй, целую страну.
Мне красота благою этой властью
Причинила много зла.
Взгляд лишь один,
И, несчастный, ты в плену,
И твоим заботам нет числа.

Своенравно помыкает мной,
Счастье посулив.
На земле все остальное — жалкий прах.
Я служу, как служит крепостной,
Лишь любовью жив.
У любви в тенетах я совсем зачах.
Без радостей, изранен или болен,
Простодушен или, глуп,
Я разорен
Этими очами, ах!
Алым цветом этих жарких губ.

8

Все страданья в мире я постиг.
Мне веселья не дожидаться, понимаю сам.
Слышит госпожа мой скорбный крик
И возносится, ликуя, сердцем к небесам.
С нею будучи, внимал я строгим словесам
И, однако, видел что ни миг
Этот ясный лик.
Почему я не остался там?

Маленькая пташка ей милей.
Может пташка петь и даже говорит порой.
Вместо птицы я служил бы ей.
Никогда у женщин птицы не было такой.
Пел бы ночью, пел бы неумолчно день-деньской:
«Госпожа! Меня ты пожалей!
Я — твой соловей!
Страждущего друга успокой!»

Жребий мой воистину жесток,
Если недостойна совершенства своего
Госпожа, которой все не впрок:
Моя служба, мое горе, мое торжество.

Преисполнено любовью сердце, и в него
Сверх любви проникнуть бы не мог
Даже волосок.
Истинное чувство таково.

9

Стоит ей только посмотреть сурово —
И я казнен, и нет меня как нет.
Свою вину оплакиваю снова,
И страшно мне услышать брань в ответ,
Так как мой напев
Для моей любви пропет.
Грех исказить мое верное слово.
Песней моею рожден я на свет.

Скажут иные: «Как поет он складно!
Когда бы мучился, петь бы не мог».
Моя отрада — в песне безотрадной.
Непосвященным это невдомек.
Тяжко мне теперь,
И полет мой не высок.
Не так мне горько и не так досадно,
Если напев мой добрым людям впрок.

Красивей красоты вы не встречали.
Всех совершенств нетленный образец,
Блаженства моего, моей печали
На веки вечные она венец.
Перед ней весь мир
Мой ходатай, мой гонец:
«Вознаградить страдальца не пора ли?
Иначе обезумеет вконец!»

Стою и на нее смотрю несмело.
Невиданное дело божьих рук —
Лицо такое и такое тело.
Нет ничего ужаснее разлук!
С нею распрощусь,
И меня сразит недуг,
Как будто вихрем туча налетела,
Скрыв от меня мое светило вдруг.

Как тяжело,
Когда твое служенье
И твои мечты
Неприметны с высоты.
Забыв себя,
Терпишь ты поражение.
Жалобы не тронут
Сердце горней красоты.
Куда умней
Привлечь расположение
Службою к себе,
Когда верно служишь ты,
Найдя цветы
Благосклонной доброты.
Пора бы ей
Сжалиться надо мною.
Госпожу мою
Солнцем я провозгласил.
Я своего
Добьюсь любой ценою.
Милостыню я
У нее одной просил.
Я с детских лет
Пленен такой женою,
Что стремлюсь я к ней
Из моих последних сил,
Пока мой пыл
Сам себя не погасил.

Где ты, звезда,
Которая когда-то
В темноте взошла?
Мое солнце в вышине,
Там, в небесах,
Расцвечено богато.
Недосуг ей думать
О моем печальном дне.
Скорее бы
Дождаться мне заката,
Чтобы снизошло
Мое солнце и ко мне,

Пусть хоть во сне
С моим сердцем наравне.

11

Как мне своего добиться,
Если слова ей сказать я не дерзну?
Угроздило влюбиться, —
Сам диву я даюсь! — избрав из всех одну,
Ей преданно служу в безумии своем.
Госпожу всем сердцем обожая,
Издаю пою ей песни день за днем.

Кажется, смешно ей было
На меня глядеть, не зная, кто таков
Перед ней стоит уныло.
Заметно по всему: чужак из чужаков.
Ни слова до сих пор я не сказал при ней.
Ей служу я песнею моею.
Напев пристойней слов и, может быть, слышней.

Хоть одно промолвив слово,
Счастлив был бы я, но нет! Я слишком глуп.
Наподобие немого,
Который лишь мычит, не разжимая губ,
Ладони робких рук молитвенно сложа, —
Раненое сердце предъявляю,
Упав к ногам ее: «Топчите, госпожа!»

12

Госпожа! Спаси меня!
Недуг мой хуже во сто крат,
Острее боль день ото дня.
Покинуть плоть я был бы рад.
Раненный, умру вот-вот.
Взгляд мой в этом виноват,
Мой взгляд и твой пунцовый рот.

Госпожа! Услышь мой зов!
Страстями плоть поражена,
Не надо беспощадных слов,
Благословенная жена!
Говоришь всегда ты «нет»,

Нет и нет, нет и нет.
Разбил мне сердце твой ответ.
Почему не скажешь «да»,
Да, да, да, да?
Как счастлив был бы я тогда!

13

Я виновен пред тобою, знаю сам,
В том, что дерзко предпочел тебя другим.
Если ты благоволишь к весельчакам,
То меня, увы! нельзя причислить к ним.
За тебя весь мир отдам,
Тобой гоним.
Увядаю не по дням, а по часам,
Истомлен моим тираном дорогим.

Хуже всех я? Нет! Но гордость я уйму.
И теперь, когда жестокая тоска
Не дает покоя сердцу моему,
Когда радость от меня так далека,
Неизвестно почему,
Исподтишка
Все завидуют страданью моему,
Мол, такой счастливей нас наверняка!

К жизни можешь только ты меня вернуть.
Госпожа! Спасать меня давно пора.
Если так в тебя влюбился кто-нибудь,
Это, стало быть, не детская игра.
Долог и тернист мой путь,
А ты добра!
Посмотри ты на меня, не обессудь!
Все одно мне: завтра, нынче и вчера.

Спеть о многом бы я мог на этот лад,
И любовь открыть, и верность, и печаль.
И пускай меня в ошибках уличат,
Лживым словом я обмолвился едва ль.
Если был я виноват,
Мне очень жаль.
Как дожидаться мне спасительных услад?
Между мною и тобой такая даль!

Когда ненароком
О горе жестоком
Запою, глупец,
Молвит она слово,
Поглядев сурово,
Тут мне и конец.
Любимый слышу голос,
Вижу госпожу...
Потерял я разом
Свой талант и разум.
Как в раю сажу.

17

Император без короны,
Без державы чувством я богат.
Осчастливлен я, влюбленный,
Красоте такой впервые рад.
Меня другие не прельстят.
Я буду верен ей всегда.
Прикован к ней мой ненасытный взгляд.

«Вверься, рыцарь, доброй даме!
Злых беги! Вот мой тебе совет.
Злые помыкают вами.
Им служить, поверь мне, смысла нет.
Любить злодейку — тяжкий грех.
Однако рыцарь мне знаком,
Которому она дороже всех».

«Сердце ноет, сердце тужит.
Кто бы сердце мне угомонил!
Пусть он верой-правдой служит,
Рыцарь мой мне все-таки не мил.
Весь мир он для меня забыл.
Уж лучше бы уехал он,
А то навеки будет мне постыл».

18

«Неужто ночь прошла?
Попробуй тут заснуть!
Как первый снег, бела
Нагая эта грудь».

Обманщица нежна.
Я думал, что она
Полночная луна.
И вот рассвет».

«Давно ему пора
Со мною распроститься.
Иначе до утра
Мой милый загостится.
Светает за стеной.
Лежал во тьме ночной
Он только что со мной.
И вот рассвет».

«Не даст она мне спать,
Целует горячей.
И жалобы опять,
И слезы из очей.
Свою судьбу кляня,
Мы не отсрочим дня.
Так обними меня!
И вот рассвет».

Так, значит, вы, палач мой нежный,
Всерьез меня задумали казнить?
Как будто смерти неизбежной
Вас и меня дано разъединить!
За гробом верность вам я не нарушу,
И если во плоти я вас не стою,
Моя душа признает вашу душу
Своею полновластной госпожою.
Когда нельзя награды ждать
Мне здесь от вашей плоти,
Там буду вам я угождать,
И там вы, госпожа, во мне
Вновь рыцаря найдете.

Рейнмар

1

Мою любовь я не забуду,
Узрев далекие края.
Ей верен я везде и всюду,
Тому порукой — честь моя.
И подтверждают песнь моя и слово,
Что счастья не нужно мне другого.
Влюблен в одну и ту же,
Боюсь я лишь разлуки с ней.
Разлука! В мире нет напастей хуже.

Дождётся радости своей
Тот, кто страстями наделен.
А если все как у людей
И славой ты не вдохновлен.
Тогда и радость — горькая досада.
Избрать себе возлюбленную надо.
Ничуть я не горюю,
Когда ворчит завистник злобный.
Перенести легко беду такую.

И тот, кто чист, и тот, кто свят,
Злых языков не избежит.
Завистники меня корят:
Чего, мол, человек блажит?
Души своей ни от кого не скрою!
Пока не властно чувство над тобою,
Жизнь для тебя — темница.
Ты мертв, пока не понял ты,
Что сердцу твоему нужна царица.

2

«Вновь едут рыцари сюда.
Когда им только надоест?
А у меня своя беда:
Скоропалительный отъезд
Того, кто мне милее всех,
Любезного героя,
Чей ослепительный успех
Завистливому не дает покоя».

Служил я, не жалея сил,
И послужить готов я впредь.
Кто госпожу, как я, любил?
Все был готов я претерпеть.
Но дали ей дурной совет,
Чтоб гневом испытала
Того, кто верен столько лет.
И началась тогда моя опала.

«Утешить я его должна,
За все страданья наградив.
Отныне буду с ним нежна,
Чтобы остался рыцарь жив.
Свое достоинство храня,
От милого не скрою:
Когда гостит он у меня,
Сам император, кажется, со мною».

Сдается мне, что никогда
Не ведать мне удачи.
Так не везет мне, что беда.
Пропал я, не иначе.
Хоть весть о том, что я любим,
Принять я рад на веру,
Как жить мне с пламенем таким?
Ведь госпожа любить привыкла в меру.

3

Хотел бы знать я, каково
Тому, кто любит и любим.
Вся жизнь — блаженство для него.
Не расстается счастье с ним.
Вот если бы узнать мне точно:
Такая верность вправду ли бессрочна
И добрый слух о ней не лжив?
Дай бог изведать это мне,
Пока я, грешный, жив!

Я знаю: робость мне мешает
Взаимность вымолить у ней.
Такой мне страх она внушает,
Что я провел немало дней,

Не смея вымолвить ни слова
В предчувствии отказа рокового.
Награда не для робких душ!
И ни один ей до сих пор
Не приглянулся муж.

Увы! Дерзнув заговорить,
Я не был бы самим собой.
Нет, не по мне такая прыть!
Как мне вступить в подобный бой?
И все же в бой вступить мне надо.
Пусть не победа, пусть пощада.
Плен лучше моего томленья:
Когда страдать судил господь,
Где плен, там избавленье.

Чужим не верю голосам:
Мол, погибаешь ты, любя!
Что мне до них, когда я сам
Счастливым чувствую себя?
Мне хорошо. Пускай глумятся
И всячески мне досадить стремятся,
Я все готов перестрадать.
Подольше бы не проходила
Такая благодать.

А как на сердце тяжело,
Когда нельзя побыть мне с нею!
Вот это зло и вправду зло,
Но я его преодолею.
Хитрит напрасно мой хулитель.
Во мне навек моей любви обитель.
Я так любовью одержим,
Что не пристало госпоже
Считать меня чужим.

Утратить разум от любви,
Из-за любви пойти на гибель —
Уроном это не зови,
По-моему, все это прибыль.
Я всем пожертвую охотно,
Жилось бы только милой беззаботно.
Где красота, там доброта.

Навеки всем светилам свет,
Любимая чиста.

Наш судия неколебимый —
Бог — красоты не пожалел,
Чтобы обрел в лице любимой
Я свой целительный удел.
На чувство чувством отвечая,
Иного счастья на земле не чая,
Завистникам наперекор,
Я целый мир отдать готов
За этот нежный взор.

4

Что мне за дело до рассвета!
Мне безразлично, день или не день.
Не мне сияет солнце это.
Глаза подернула скорбная тень.
Пусть веселятся все, кому не лень.
Теперь мне все едино:
Куда себя ни день,
Кручина да кручина.
Поют напрасно птицы мне.
До певчих ли мне птиц теперь,
Когда зиме не рад я и не рад весне.

Другой хоть убежден, что дома
Жена в печаль о нем погружена.
Мне чувство это незнакомо.
По мне не плачет ни одна жена.
Играет скуки ради мной она.
Гнетёт она мне сердце,
Чтобы не знать мне сна,
И на моем бы месте,
Подобных не взыскав благ,
Разумней кончить спор пустой.
Однако я на это не решусь никак.

За что, любовь, меня ты бьешь?
Все радости другим ты отдала.
Несправедлив такой дележ.
И так я разорен тобой дотла.

Дурные ты затеяла дела.
Я ничего поныне
Не видел, кроме зла.
Нет радостей в помине.
Куда деваться от забот?
Того гляди, пройдет вся жизнь.
Мой день желанный, как он редко настаёт!

Нет, не открою никому,
Какая скорбь во мне за годом год.
Как я отчаянье уйму,
Когда настанет мой конец вот-вот?
Чего добился я ценой трудов?
Она не хочет верить,
Что для нее готов
Я сделать все на свете.
Один страдаю без вины.
Дай ты мне, господи, дожить
До нежных милостей, которым нет цены!

«Ах! Что же делать мне, злосчастной?
За радости расплачиваюсь днесь.
Томлюсь, увы! тоской всечасной.
Я знаю, был мне рыцарь предан весь.
И «за» и «против» ты попробуй взвесь!
Насколько же мне легче,
Когда мой рыцарь здесь!
Без этого привета
Заболеваю я всерьез.
Он жизнь мою с собой унес,
И без него мои глаза красны от слез».

5

Чуя радость впереди,
Сердце дрогнуло в груди.
Так дорога мне легка,
Будто мысль под облака
Вольной птицей взмыла,
Поспешая к милой.
Только бы она была,
Как и прежде, весела!
Дай нам, боже, новых встреч,
Чтобы мне ее развлечь,

Чтобы, как вначале,
Нам забыть печали
И, пускай забота зла,
Мы не горевали.
Ночь была, как день, светла.
В гости мы тоску не звали.
Ночью вместе, днем вдвоем.
Загрустишь едва ли!

6

Как хорошо тому, кто был
По милости судеб для счастья рожден!
Пусть человек такой уныл,
Он будет завтра же за все вознагражден.
Блаженствует он день за днем в своем раю.
Счастливец! Где ему понять печаль мою!
Не знать мне на моем веку
Подобных сладостных даров.
Любовь мне принесла тоску,
И приговор судьбы суров.

Наслушавшись напевов грустных,
Счастливец высмеет, конечно, скорбь мою.
Что толку в жалобах искусных?
Не зная радостей, как я о них спою?
Хитросплетения моим напевам чужды.
Измыслив с горя чудеса, солгу без нужды.
Служу я столько лет подряд!
Когда меня вознаградят?
Улыбка эта или взгляд —
Уже награда из наград.

К чему свобода, если я
Не ведаю и не желаю радостей других?
В любви — вся прелесть бытия.
Такой уж на меня нашел безумный стих.
В сердцах решился бы оставить вдруг ее,
Да прекратится в тот же день мое житье.
И дальше буду жить в заботе.
Она умрет, и я умру.
Живу не по своей охоте.
Нет, своеволие не к добру!

Умилосердится она
И страждущего вновь любовью исцелит.
За все вознаградит сполна.
Все делать буду я, как мне она велит.
Увещевать меня, увы, напрасный труд!
Тут все надежды, все мечты, все счастье тут.
А если мне не повезет,
Не ей, не миру, не судьбе
Я предъявлю печальный счет:
Себе, лишь самому себе.

7

И я взыскую благ мирских,
Как всякий человек, желанием влеком.
При виде совершенств таких
Воспеть их должен я всем грешным существом.
Других красавиц радует хвала.
Она к моей хвале глуха была.
Кому угодно клятву дам:
Греховный скользкий путь не по ее стопам.
Я вижу сам!

Я госпожою не любим.
Доволен я и тем, что я ее люблю.
Обетам верен я своим
И никогда мою любовь не оскорблю.
Вдруг, чудом, после всех моих обид
Ее любовь меня вознаградит?
Не стану проклинать я тех,
Кто будто бы имел у госпожи успех.
Как вам не грех!

Дает неверность мне совет:
«Уехать лучше бы тебе! Неужто впрямь
На ней сошелся клином свет?»
Попробуй ты свою любовь переупрямить!
Должно быть, не хватает мне ума.
Не сбросить мне блаженного ярма.
С рождения мой приговор
Служить ей преданно, хоть всем наперекор,
Как до сих пор.

Пусть проживу я много лет,—
Из них у госпожи не пропадет ни мига.
Так предан я, что силы нет,
Вдохнув, поколебать, когда не сбросить иго.
И все-таки служить я очень рад
В предчувствии — нет! в чайнье — наград.
Неужто пел я безуспешно,
Что жизнь моя из-за нее так безутешна
Во тьме кромешной?

Вдруг милость я приобрету?
Вдруг окажусь я у любви моей в чести?
Прильнув к возлюбленному рту,
Я поцелуй с собой сумею унести.
Награду эту свято сохраню.
А если вновь себя я уроню,
Я искуплю мою вину
И знак отличия, томясь в моем плену,
Назад верну.

8

Жену напрасно укорив,
Сам пострадаешь ты от собственных угроз.
Когда тебя страшит разрыв
И явной нет вины, к чему пустой вопрос?
Если я хочу осилить правдой ложь людскую,
Непоправимых бед сам для себя, глупец, взыскую.
Не доверяй чужим наветам
И не расспрашивай о том,
Что держал бы сам ты под секретом.

Зачем терзает все больней
Она меня, вместо того чтоб наградить?
Ведь не следил же я за ней,
Чтоб застарелых ран моих не беречь.
Не был весел я с тех пор, как видел этот лик.
От сердца шло все то, что мой произносил язык.
Такие муки претерпев,
Другие могут подивиться
Лишь тому, что мой бессилен гнев.

Зачем служил я слишком верно?
Такую верность бы другая оценила.

А мне живется так же скверно,
И на свою судьбу я жалеюсь уныло.
С юных лет воспитан я жестокой красотой.
Каким я жил, таким умру. Я лучшего не стою.
И рвет и мечет человек.
Был он любим, потом к другим
От него любовь ушла навек.

Меня знакомый этот путь
Уводит от любви в печаль, пока я жив.
Как с этого пути свернуть,
Из горести в любовь дорогу проложив?
И хотя рассудок мой меня предостерег,
Я пропустил мимо ушей мучительный урок.
Когда любовь не знает бед,
Не знает радостей она.
Бледность ей к лицу в расцвете лет.

Преуспеваю лишь в одном.
Пока живу, в моем искусстве кто мне равен?
Таким владею мастерством,
Что вдохновением на целый мир я славен.
Так несу я скорбь мою, что скорбь моя прекрасна.
Над ней не властен ясный день, и ночь над ней не властна.
Так перед милой кроток я,
Что даже ненависти рад.
Радуюсь, хоть вовсе нет житья.

Боль после радостей острее,
И радость после боли слаще во сто крат.
Кто жаждет радости своей,
Пусть будет своему страданью тоже рад.
Нужно жаловаться скромно, как нам велит обычай,
Чтоб слишком громкою тоской не нарушать приличий.
Возрадуется только тот,
Кто все на свете претерпел.
Вот мое лекарство от невзгод!

Поют не от хорошей жизни,
И потому друзьям наскучил мой напев.
Однообразной укоризне
Весь век я предаюсь, в любви не преуспев:

Так, не ведая покоя с давних пор,
Терплю безвинно, видит бог, опалу и позор.
Любимую гоним,
Места я себе не нахожу.
Ничуть не рад я женщинам другим.

Пускай судачит злая спесь:
Мол, на словах влюблен, притворством знаменит.
В моей любви я, грешный, весь.
Лжец клеветою самого себя чернит.
В жизни я не ведал никаких утех:
Гонимому не суждено завоевать успех.
Останусь ни при чем!
Хоть бы милая вознаградила
Одним-единственным счастливым днем!

Благословенна ты, жена!
Пречистым именем любятся уста.
Другие меркнут имена,
Когда сияет нам такая чистота.
Умолкает посрамленная хвала.
Не знает горя тот, кого другим ты предпочла.
Томится мне доколе?
Вдохновлен тобою целый мир.
Неужто нет мне в этом счастье доли?

Два помысла в моей груди
Ведут без усталы борьбу между собой.
Один зовет: «Снизойди!
Умерь свой дивный блеск, совпав с моей судьбой!»
А другой зовет: «Ярче засверкай,
Любому рыцарю суля недостижимый рай!»
Пусть мне страдать и впредь!
Я ценой паденья твоего
Тобою не хотел бы завладеть.

Когда служил я столько лет
И претерпел такое множество обид,
Что делать, если счастья нет,
Как быть мне, если я любимую забыл?
Если обвинят меня в притворстве снова,
Клеветнику дадут отпор и песнь моя, и слово.
Других не знаю слов,

Кроме тех, что в сердце у меня.
Моя судьба — мой неумолчный зов.

10

Что влюбленному страдальцу мой совет,
Когда меня замучила тоска!
Только тот, кто занемог от горших бед,
Меня бы принял за весельчака.
Дивная и злая власть!
Я жалуюсь, я негодную,
Но даже в бешенстве не смею женщин клясть.

Слишком редко доводилось быть мне с ней.
Роптать мне постоянство не велит.
Пусть на сердце год за годом все грустней,
Пусть нет лекарства от моих обид,
Говорю от всей души:
Прекрасных дам грешно порочить!
Нет, я не злоязычник. Дамы хороши.

Жалобы смешны, напрасны укоризны:
Лишь верной службой даму тронуть можно.
Эти гордые прелестницы капризны.
На сердце у меня всегда тревожно.
Награждать бы нужно тех,
Кто верен и красноречив,
Как я, не ведающий никаких утех.

В чем бы ни был я пред нею виноват,
Подобной кары я не заслужил.
Никогда не получаю я наград,
Хоть голову б я свою сложил.
Кто страдал подобно мне!
Едва размыкаю тоску,
Меня заставит госпожа страдать вдвойне.

Жалуюсь, глупец, под гибельным ударом,
А госпожу мою винить не смею.
В сердце я ношу владычицу задаром,
Пожертвовав надеждою моею.
Не воздам ей злом за зло.
Иначе жить я не могу.
От постоянства моего мне тяжело.

Ею жил я столько лет.
 Денек бы мною пожила она!
 Волосы меняют цвет.
 Вот вся моя награда — седина.
 Жалуюсь я, поседев.
 На милость не пора ли ей сменить неправый гнев?

Я бы службой пренебрег,
 С ней распротившись, был бы я таков.
 Жизнь мне без нее не впрок.
 Не сбросить мне вовек моих оков.
 Слабость я свою клянусь.
 Женою побежденный, оказался я в плену.

Разорив мой дом дотла,
 Смиранных чувств моих не пощадив,
 Злая мигом отняла
 Мой разум, честь мою, все, чем я жив.
 Пусть попробует в ответ
 Сказать, что это я не прав, что доказательств нет!

«От проклятий толку мало.
 Не смеет он задеть меня всерьез.
 Мне бояться не пристало
 Упреков, обвинений и угроз.
 Красоту не побороть.
 Сильнее всяких войск моя пленительная плоть».

Если ветреница мнит,
 Что я возненавижу страсть мою,
 Этих не стерпев обид,—
 То в сердце я надежду затаю,
 Для служения рожденный.
 Перестрадав свое, утешусь я, вознагражденный.

Много суетных утех.
 Истинная радость, как всегда, на миг.
 И, конечно, смех — не смех
 Для того, кто в жизни счастья не достиг.
 Прежде был я весел день и ночь,

До забав я был охоч.
Веселиться мне теперь невмочь.

Стражду по своей вине.
Сам себя признал я перед ней виновным.
Госпожа сказала мне,
Что, мол, нет конца моим делам греховным.
У нее в глазах такой укор,
Что я сам не свой с тех пор.
Слишком строг подобный приговор!

Сколько лет я ей служил!
Госпожа не хочет знать заслуг моих.
Сколько песен я сложил!
Госпоже моей как будто не до них.
Я ли не был праведен и смел!
Жизни я не пожалел.
Видите, как сладок мой удел!

Все напрасно, стыд и гнев.
Я схожу с ума. Не писан мне закон.
Госпожу мою узрев,
Я, непостоянный, был навек пленен.
В мире не проложено дорог,
По которым бы я мог
Убежать от злых моих тревог.

Навсегда любовь со мной.
Я любовь мою чужому не отдам.
Нет, не для меня покой.
Буду жить, как жил я, с горем пополам.
Видит бог, мне в мире ни одна
Так не нравилась жена.
Лишь бы мне она была верна!

«Слово каждое бесценно
В долгожданной песне, в доброй вести.
Отвечай мне откровенно:
Хорошо ему на новом месте?»
«Госпожа, он весел был.
По вашей милости в нем тот же самый пыл!»

«Если так, я очень рада.
Поумнел он, значит, если так!
Мне вздыхателей не надо.
Нравится мне больше весельчак».
«Госпожа! Покорный вам,
Перечить вашим не посмеет он словам».

«Лишь по моему приказу
Рыцарь петь поклялся или нет?»
«Госпожа! Пока ни разу
Не нарушен тягостный обет.
Или он уже нарушен?»
«Боюсь, не слишком ли мой рыцарь мне послушен!
Что бы я ни повелела,
Говорят, я петь ему мешаю.
Ну какое людям дело?
Радости, мол, я весь мир лишаю.
В толк я, правд, не возьму,—
О, горе мне! — какой приказ мне дать ему!

Нет, не женским красноречьем,
Женской красотой пленился друг.
Ран сердечных не залечим!
От непостоянства столько мук!
С ним порвать бы наконец.
Ах! Постоянство — цепь для страждущих сердец!»

14

«Ты, гонец мой дорогой!
Посмотри, как он живет.
Если, незнаком с тоской,
Знать не знает он забот,
Говори ему тогда,
Что я не знаю горя тоже,
Мол, разлука не беда.

На вопрос, как мне живется,
Отвечай, что превосходно.
Сердце, мол, к нему не рвется.
Мне спокойно, мне свободно.
Скрой ты от него одно:
Он для меня как ясный день.
Сердцу без него темно.

Ты любовь мою не выдай.
Разузнай сначала точно:
Хоть с печалью, хоть с обидой,
Он живет ли беспорочно,
Он мне верен или нет?
И если верен милый рыцарь,
Намекни на мой секрет.

Если он задумал сам
Возвратиться наконец
(Я тебе добром воздам
За такую весть, гонец),
Ты скажи ему, что нужно
Воздержаннее быть в речах.
Добродетель безоружна.

Он любовью смерть зовет.
Этот холод, этот жар,
Этот пламень, этот лед
Хуже самых страшных кар.
Не любовь — сплошная жуть!
Наверно, лучше ненавидеть,
Чем любить кого-нибудь.

Ах, как женщина слаба!
Заболталась я совсем!
Взвесь, гонец, мои слова.
Будь, гонец, как рыба нем.
Все разведай ты сначала.
Быть может, лучше скрыть навеки
То, что я тебе сказала!»

15

«Все печали достаются мне одной
И не дают житья,
Сердце бедное пугая.
Разделить нельзя тоску с другой женой.
Страдая, как и я,
Что сказала бы другая?
На меня в обиде тот,
Кто мне всех дороже.
Чтобы соблюсти себя,
Нужно быть с любимым строже.

Как зато мне было весело сначала!
Мой рыцарь лучше всех.
Я чернить его не вправе.
Сколько нежных слов я от него слыжала!
Расстаться с милым — грех!
Господи меня избави!
Чтобы не поддаться вдруг
Сладкому недугу,
Я велела замолчать
Очарованному другу.

Был в запальчивости отдан мой приказ,
И рыцарь на чужбине
Сохнет, мается в кручине,
Смолк, смиренный, и не кажет больше глаз,
Хоть не к лицу мужчине
Женской потакать гордыне,
Уступая ей во всем.
Лучше бы мольбами
Донимал меня поныне.
Слышать их приятно даме.

Как мне больно, как отрадно вспоминать!
Нет, сердцу моему
Не забыть счастливой встречи!
Не хотела я любимого прогнать.
Я знаю, почему
Смолкли пламенные речи.
Он любви моей желал.
А любовь — не скрою —
С детских лет казалась мне
Самой страшною игрою.

В мире я не знаю рыцаря другого,
Чья речь бы мне была
Год за годом так любезна.
Обольстить меня едва ли может слово.
Сладчайшая хвала
Тут, пожалуй, бесполезна.
Пусть поет мой милый рыцарь!
Песня мной любима.
Только бы при встрече с ним
Я была неколебима!»

Если я вздумаю хвастать победой,
 Песенный мой дар я навсегда утрачу.
 Скажут мне люди: ты сперва изведай,
 А потом уж воспевай свою удачу!
 Пусть счастливец весело поет!
 Слишком глуп я. Лгать мне в песнях не расчет.
 Старую мою тоску не скрою.
 Не старится моя тоска
 С тех пор, как стала жизнь моя одной сплошной тоскою.

Пускай смеется надо мной невежда.
 Как бы меня женщины ни привечали,
 Где постоянство, там всегда надежда.
 Утолит моя любовь мои печали.
 Суетную радость я презрел.
 Без награды будет жалок мой удел.
 Каждая, конечно, бы хотела,
 Чтобы служили ей, как я
 Единственной моей служу, покoren ей всецело.

Когда ей жалобы так надоели
 И не нужно ей моих ладов унылых,
 Она бы мне преподала веселье.
 Видит бог, я научиться сам не в силах.
 «Да», — сказала бы она в ответ,
 Не твердила бы упрямо: «Нет и нет!»
 Как тогда запел бы, окрыленный!
 И надо ведь ей до сих пор
 В ответ на все мои мольбы остаться непреклонной!

Все чаще мучают меня сомненья.
 Слишком долго ждал я, слишком терпеливо,
 Чтобы в награду получить гоненья!
 Почему любовь моя несправедлива?
 Болью служба вознаграждена,
 И заслуге и вине одна цена.
 Если все мои моления слабы
 И бесполезны все слова,
 Упорство скорбное мое вознаградить пора бы!

Гартман фон Ауэ

1

Что лето мне! Все жалобы да пени.
Пусть летом жизнь и вправду хороша,
Печать зимы — на этом песнопенье.
По-зимнему болит моя душа.
Люблю, люблю, тоской себя круша,
По-прежнему люблю ее одну.
Принес я в жертву ей мою весну,
Готов я на себя принять вину.
Нет, я любовь мою не прокляну.

Обиды все прости моя душа,
А то себе я был бы лютый враг.
Непостоянством пагубным греша,
Я сам себя лишил желанных благ.
Да, виноват я сам. Да, это так.
Тот, кто рассудку объявил войну,
У горестей окажется в плену.
Наказанный, неужто я дерзну
Бесстыдно отрицать мою вину!

Но разве не могла бы госпожа
Прочь отослать меня давным-давно,
Моею службою не дорожа,
Когда мне угодить ей не дано?
Однако же сердиться мне грешно.
Она со мною стала холодней
Не потому, что сам я мерзок ей.
Нет! Честью дорожит она своей,
Боясь моих изменчивых страстей.

Она меня приблизила к себе,
Наклонностей моих не распознав.
Отвергнутый, покорен я судьбе.
Всею виною — мой порочный нрав.
Я перед госпожой моей не прав,
И по заслугам я вознагражден.
Вольно глупцам оплакивать урон.
Тот, кто служил прекраснейшей из жен,
Мечом своим же собственным сражен.

Тот, кто охоч до знатных дам,
 Владычице своей
 Покорен будь во всем.
 Вот вам пример: таков я сам.
 Нет рыцаря верней.
 Служу я день за днем,
 Жизнь ей отдам,
 Пускай глуха она к мольбам,
 Пусть госпожа моя бесчеловечна, —
 Ей предаюсь навечно.

Когда бы только я посмел
 Одно сказать ей слово,
 Оставив песнь мою!
 Когда страданья — мой удел,
 Когда любовь сурова,
 От боли я пою.
 Издалека
 К ней шлет гонца моя тоска.
 Пусть госпожа моя, певца презрев,
 Услышит мой напев.

Нет, не напев, а скорбный стон.
 От слез невзвидев света,
 Я плачу — не пою.
 Великим горем удручен,
 Напрасно жду ответа
 Я на мольбу мою.
 Конечно, тот,
 Кто, не стерпев таких невзгод,
 Покинуть мог бы госпожу навек, —
 Счастливый человек!

Слишком долго я тужу
 По моей отраде.
 Верой-правдою служу,
 А чего бы ради?
 Лучше оплачу
 мою неудачу.

Как увидел я ее,
Мне на свете не житье.
Час длиннее дня.
День что седмица, седмица дольше года для меня.

Нет, я больше не могу.
Господи, доколе?
Каково ее врагу?
Друг завыл от боли.
Отдать я рад
все, чем я богат.

Бежал бы я прочь,
Да вот невмочь,
И радость мне теперь не впрок.
За каждый вздох с меня берет любимая оброк.

4

В несчастье вряд ли весел тот,
Кто даже в счастье хмурится, тоскуя и скорбя.
Но я хитрей моих забот.
Когда беда грозит, я повторяю про себя:
«Будь что будет! Ропот не поможет.
Не навсегда
Твоя беда.
Пуškai с надеждой век твой будет прожит!»

Наперекор клеветникам
Непостоянных отвергает верный женский нрав.
Я убедился в этом сам,
Расположение госпожи прекрасной потеряв.
Сладок был пленительный привет.
Кто перед ней
Меня грешней?
В немилость впал я. Счастья нет как нет.

На пользу мне пойдет урок.
Своим непостоянством я лишен таких услад!
А постоянством я бы мог
Наверняка загладить все, в чем был я виноват.
Искушен я в постоянстве так,
Что госпожу
Расположу
К себе я вновь, добившись прежних благ.

Нет мечте моей простора.
 Слишком редко я встречаю
 Госпожу мою, в которой
 С давних пор души не чаю.
 Я присягаю песней днесь:
 Удел мой весь
 Только здесь, навеки здесь.
 Если госпожа меня
 Другом не признала,
 На любовь надежды мало.
 Мрачнее жизнь день ото дня.

В мире столько милых жен! ,
 Был бы всюду я любим.
 Постоянством удручен,
 Я завидую другим.
 Не вижу в жизни я просвета.
 За летом лето
 Ни ответа, ни привета.
 Как понять молчанье это?
 Песнями я вторю
 Государынину горю.
 Ее веселье не воспето.

На свете счастлив только тот,
 Кто треволнений избегает,
 Тот, кто любви не признает,
 Кто красотой пренебрегает,
 Тот, кто не ведает обид,
 Которыми другой убит,
 Другой, служивший столько лет
 Без всяких льгот, без всяких благ,
 А, кроме бед, награды нет.
 Что делать! Жизнь я прожил так,
 Как будто сам себе я враг.

Услышав зов любви моей,
 Не знаю счастья доселе.
 Оставил я своих друзей,
 Забыл беспечное веселье.

Перед любовью не греша,
Спасется ли моя душа?
Но как моя страдает плоть!
Вот вся награда: сердце мне
Такою болью уколоть,
Чтобы предался я вполне
Одной-единственной жене.

7

Пускай забуду я все дни другие,
Сладостный день в моей памяти вечно,
Когда впервые черты дорогие
Увидел я и полюбил сердечно.
Себе на благо и ей не во вред
Впервые в жизни увидел я свет.
Ей повинуюсь я, покорный богу.
Я вышел на счастливую дорогу.

Часа блаженного я не забуду.
От восхищенья собой не владею.
Благодаря какому только чуду
Наедине я беседовал с нею?
По вдохновению душу открыв,
Вознагражден я был за свой порыв.
Прекрасную вознагради ты, боже!
Такой венец мне всех венцов дороже.

В разлуке с ней мое грешное тело,
А сердце верное с ней, как вначале.
Пусть будет все, как милая хотела.
Ей жить и жить, прогнав мои печали.
В ней моя радость, в ней моя тоска.
Везде и всюду мне она близка.
Отрадной верности я не нарушу.
Храни ей, господи, тело и душу!

8

«Зимой тебе утечи нет,
Когда ты слишком любишь летние цветы.
Хороший мне дают совет:
С любимым лежа, не боишься темноты.

И если птицы не поют,
В объятиях найди приют.
Мои давнишние сомненья тут как тут.

Вести хотят со мной игру
Два рыцаря, но что сказать могу двоим?
Обоих я не изберу,
А если одного, то как мне быть с другим?
Решать мне нужно бы смелее,
Кто мне дороже, кто милее.
А как решить, обоих рыцарей жалея?

Нет, мне советы не нужны.
Я ведаю сама, кого мне награждать.
Его заслугам нет цены.
Мой рыцарь не устал служить, устал он ждать.
Что, если, к моему стыду,
Блаженства с ним я не найду
И вместо рая мы окажемся в аду?

Всего, чем только бы могла
Отвагу преданную наградить жена,
Достойны славные дела,
Которыми я так была поражена.
Горжусь возлюбленным таким,
И чем нежнее он любим,
Тем сладостнее сердцу властвовать над ним».

9

Я теперь не слишком рад,
Когда друзья мне говорят:
«Сходим, Гартман, к дамам,
К благородным самым!»

Оставят пусть меня они
И к дамам пусть идут одни.
В глазах у знатных этих дам
Так жалок я, что стыд и срам.

И я бы даму полюбил,
Когда бы дамам был я мил.
Коль знатных я не стою,
Утешусь и с простою.

На белом свете их не счесть.
Покладистые всюду есть.
С какой же стати к знатым лезть?
Простых готов я предпочесть!

Был и я когда-то глуп,
И словеса слетели с губ:
«Ах, госпожа! Я стражду.
Утолите жажду!»

Ответом был мне взгляд суровый.
Не говоря худого слова,
Лишь в ту рискну влюбиться снова,
Что и меня любить готова.

10

Привет прощальный мой собрату и соседу.
Поклон мой вам, друзья и господа!
Меня спросить хотите вы, зачем я еду?
Открою вам без ложного стыда.
Любовь меня взяла в полон, и дал я ей обет:
По вольной воле буду я покорен ей во всем.
Она велит, и я иду святым путем.
Кто клятву не сдержал, тому спасенья нет.

Иные хвастаются доблестью своею.
Слова, конечно, громче славных дел.
Но кто послужит ей, как я служить умею?
Вот на такого я бы поглядел!
Лишь тот воистину любил, кто родину свою
Покинул волею любви, отважный паладин.
Будь государь мой жив, на что мне Саладин!
По мне бы лучше умереть в родном краю.

Ты, миннезингер, не надейся на удачу.
Загубишь песнь безумием своим.
Я хорошо пою, слов даром я не трачу.
Пою, пока люблю и сам любим.
Тебя не хочет знать любовь. Тебя влечет мечта.
Морочит, ластится, манит, безумного дразня.
Всем предпочла моя желанная меня.
И в песне и в любви я не тебе чета.

Почему-то мы грустим,
Будто темен белый свет.
Сколько лет и сколько зим
Наслажденья нет как нет.
Между тем кругом луга
Зеленеют и цветут.
Весна всему живому дорога.

За хорошие дела
Вправе рыцарь ждать наград.
Верным рыцарям хвала!
Верный верному собрат.
Горше в мире нет судьбы,
Если губы дорогие
Ответа не дают на все мольбы.

Если женщина верна
И сомнений в этом нет,
Мне нужна она одна.
Без нее не мил мне свет.
И когда я так любим,
Ни на шаг не отойду,
Привязан к ней служением своим.

Пусть она меня корит,
И не чтит моих заслуг,
И со смехом говорит,
Что, мол, ей не нужен друг!
Обижаться мне грешно:
Мой мучительный недуг
Однажды вылечить ей суждено.

Я наградам был бы рад,
Только честь всегда была
Мне дороже всех наград.
Если добрые дела
Худо вознаграждены,
Нехристь постыдился бы
Подобной непростительной вины.

Вольфрам фон Эшенбах

* * *

«Вот сквозь облака сверкнули на востоке
Пронзительные когти дня.
На вид они в рассветном сумраке жестоки.—
Напоминанье для меня
О том, что рыцарю пора.
Расстаться надобно двоим.
Я к ней впустил его вчера.
Меня пленил он мужеством своим».

«Ты песней прогоняешь радость мою, страж,
И накликаешь злую муку.
Ты никогда мне всласть натешиться не дашь,
Чуть свет сулишь ты мне разлуку.
Ах! Не тревожь ты госпожу!
Слуга мой верный, ты не пой,
И я тебя вознагражу.
Пускай со мной побудет милый мой!»

«Ты, сладостная, отпусти его скорей!
Смотри: настал рассветный час.
Втайне любовью ты дари его своей,
Чтоб жизнь свою и честь он спас.
Он доверяется мне сам.
Его к тебе я ввел в ночи.
Ты потеряла счет часам,
Так поцелуи были горячи».

«Пой, сколько хочешь, лишь оставь его ты мне!
Постылой песнею своей
Напоминаешь ты о ненавистном дне.
Вовек не видеть бы лучей,
Которые всегда некстати.
Едва забрезжит этот свет,
Ты вырвешь из моих объятий
Мою любовь, но не из сердца — нет!»

Вспыхнул день в окне, тревожной страж запел:
«Прекрасный рыцарь! Уходи!»

Почему-то мы грустим,
 Будто темен белый свет.
 Сколько лет и сколько зим
 Наслажденья нет как нет.
 Между тем кругом луга
 Зеленеют и цветут.
 Весна всему живому дорога.

За хорошие дела
 Вправе рыцарь ждать наград.
 Верным рыцарям хвала!
 Верный верному собрат.
 Горше в мире нет судьбы,
 Если губы дорогие
 Ответа не дадут на все мольбы.

Если женщина верна
 И сомнений в этом нет,
 Мне нужна она одна.
 Без нее не мил мне свет.
 И когда я так любим,
 Ни на шаг не отойду,
 Привязан к ней служением своим.

Пусть она меня корит,
 И не чтит моих заслуг,
 И со смехом говорит,
 Что, мол, ей не нужен друг!
 Обижаться мне грешно:
 Мой мучительный недуг
 Однажды вылечить ей суждено.

Я наградам был бы рад,
 Только честь всегда была
 Мне дороже всех наград.
 Если добрые дела
 Худо вознаграждены,
 Нехристь постыдился бы
 Подобной непростительной вины.

Вольфрам фон Эшенбах

* * *

«Вот сквозь облака сверкнули на востоке
Пронзительные когти дня.
На вид они в рассветном сумраке жестоки,—
Напоминанье для меня
О том, что рыцарю пора.
Расстаться надобно двоим.
Я к ней впустил его вчера.
Меня пленил он мужеством своим».

«Ты песней прогоняешь радость мою, страж,
И накликаешь злую муку.
Ты никогда мне всласть натешиться не дашь,
Чуть свет сулишь ты мне разлуку.
Ах! Не тревожь ты госпожу!
Слуга мой верный, ты не пой,
И я тебя вознагражу.
Пускай со мной побудет милый мой!»

«Ты, сладостная, отпусти его скорей!
Смотри: настал рассветный час.
Втайне любовью ты дари его своей,
Чтоб жизнь свою и честь он спас.
Он доверяется мне сам.
Его к тебе я ввел в ночи.
Ты потеряла счет часам,
Так поцелуи были горячи».

«Пой, сколько хочешь, лишь оставь его ты мне!
Постылой песнею своей
Напоминаешь ты о ненавистном дне.
Вовек не видеть бы лучей,
Которые всегда некстати.
Едва забрезжит этот свет,
Ты вырвешь из моих объятий
Мою любовь, но не из сердца — нет!»

Вспыхнул день в окне, тревожной страж запел:
«Прекрасный рыцарь! Уходи!»

Одуматься бы ей, пока любимый цел:
Но перси льнут к его груди,
И в нем проснулся прежний пыл.
Хоть голос песнею сорви!
По всем статьям он рыцарь был
И на прощанье отдал дань любви.

Вальтер фон дер Фогельвейде

1

Под липой свежей,
У дубравы,
Где мы лежали с ним вдвоем,
Найдете вы те же
Цветы и травы:
Лежат, примятые, ничком.
Подле опушки соловей —
Тандарадей! —
Заливался все нежней!

Когда пришла я
На лужочек,
Уж и прием устроил мне —
Мать пресвятая! —
Мой дружок:
Я и доселе как во сне.
Поцеловал? Да раз пятьсот —
Тандарадей! —
Ведь красен до сих пор мой рот.

Убрал он ложе
Необычайно:
Сложил цветы и там и тут...
Досель прохожий
С улыбкой тайной
Глядит на тихий наш приют;
Поймет: где розы без числа, —
Тандарадей! —
Там голова моя была.

Мне б стыдно было,
Когда молвою
Любовь ославилась моя.
Нет! То, как милый
Играл со мною,
Никто не знает, лишь он и я.
Да пташке видеть довелось —
Тандарадей! —
Она не выдаст нас авось.

«Вам, госпожа, венок! —
 Красивой девушке сказал я как-то раз.—
 На танцах он бы мог,
 Да, он на зависть дамам украсить мог бы вас.
 Будь я богат камнями
 Цветными, дорогими,
 Я б вас украсил ими.
 По совести и чести я поступил бы с вами».

Она взяла венок —
 Воспитанной девицей она не зря слыла.
 Румянец юных щек
 пылал, как будто роза меж лилий расцвела.
 И потупила взгляд,
 С поклоном — все как надо.
 То мне была награда.
 А если б... Но о том молчат.

«Я каждый день венок
 Готов сплести для вас и вашей красоты.
 Вы знаете лужок,
 Где белые растут и красные цветы?
 Пойдемте — в этом месте,
 Где только пташек пенье
 Звучит в уединенье,
 Цветы срывать мы будем вместе».

И вот со мной она,
 И я счастливей не был, с тех пор как я живу.
 Мы рядом. Тишина.
 И падают цветы с деревьев на траву.
 А я смеюсь неволью.
 Какое наслажденье
 Такое сновиденье!
 Проснулся — яркий день, глазам от света больно.

Я жил всегда беспечный,
 Но этим летом, потеряв покой,
 Ее ищу я в каждой встречной.
 А вдруг найду — вот праздник-то какой!
 Но это пляшет не она ли?
 О девушки, прошу прощенья:

Я загляну под ваши украшенья —
Ее глаза из-под венка сияли.

3

Любимая, пусть бог
Благословит твой каждый час.
Когда б сильней сказать я мог,
Сказал бы, верь мне, сотни раз.
Но что сказать сильней, чем то,
Что весь я твой, что так любить тебя не будет уж никто.

От многих слышал я упрек,
Что, мол, низкорожденную пою.
Но кто сказать такое мог,
Тот не любил, я слово в том даю.
Да, не любил, я повторяю вновь, —
Кто жаждет только обладанья да красоты, — какая тут любовь!

Красотки ой как часто злы!
Мила не та, кто хороша,
Но те красивы, кто милы,
И красоты куда важней душа:
Пусть женщина добра, чиста,
А красота — пустое дело, пустое дело красота!

Что мне их пересуды, смех!
Советы их — на кой мне ляд?
Ты для меня красивей всех,
Так пусть болтают, что хотят.
Я за тебя их всех отдам,
И за твое стеклянное колечко — все золото придворных дам.

С тобой ни горя, ни забот,
Ты постоянна, ты верна.
И мне никто не подмигнет:
Мол, штучка у тебя жена!
А если стал я слеп, любя,
Так лучше б я тебя не знал, — не дай мне бог страдать из-за тебя!

4

Беседуя, лежал
В объятых милой рыцарь,

Но вот рассвет на небе забрезжил голубой,
И перед ним редет и отступает тень.
«Проклятый этот день!
Опять он помешал,—
Вздыхнув, сказала дама,— блаженствовать с тобой!
Любовью боль назвать — кто мог так ошибиться!»

«Моя любовь, мой друг,
Не плачь, судьбу кляня,
Для нас обоих лучше, коль я уйду сейчас.
Уже настало утро, и на дворе светло».
«О милый, тяжело
С тобой расстаться вдруг.
Не делай сердцу больно, как делал много раз,
Или к другой спешешь ты? Иль разлюбил меня?»

«Ну что ты, госпожа!
Я навсегда с тобой,
Но лишь открой, что сердце твое мне повелит:
Как выйти, чтобы стражу и завтра обмануть?»
«Мой милый, труден путь,
Но боль острее ножа:
Пока с тобой не лягу, тоска мне грудь сверлит.
Приди ж как можно раньше, дай верить мне: ты мой!»

«Ужель хочу иного?
Мне тяжело самому.
И день с тобой в разлуке мне горек, госпожа.
Но в сердце ты со мною, но сердцем я с тобой».
«Мой друг, иди за мной,
И вместе будем снова,
Коль вновь без колебаний придешь ты, мне служа.
Увы, сияет солнце, и день рассеял тьму».

«Что мне в букете роз,
Когда я ухожу?
Любимая! Подруга! Противны мне цветы,
Как бесприютной пташке суровая зима».
«О, я сойду с ума.
День горе мне принес,
И я еще не знаю, когда вернешься ты.
Побудь еще минуту, порадуй госпожу!»

«О госпожа, прости!
Я твой, в твоей я власти.
Оставь же подозренья и мне уйти позволь!
С дневною песней сторож обходит третий круг».
«Тогда пора, мой друг,
Пора тебе идти.
Но твой уход лишь горе мне принесет и боль.
Пускай тебя всевышний хранит от злой напасти!»

И рыцарь прочь идет,
Терзаемый тоской.
Идет, в глубоком горе оставив госпожу.
Она глядит в окошко, и горько слезы льет,
И молвит: «Проклят тот,
Кто песню дня поет.
Уже прошло все утро, а я в слезах сижу.
Ушел, ушел любимый и отнял мой покой!»

5

Любовь — что значит это слово?
Я так неискушен, скажите ж, господа,
Вы все, кому любить не ново:
Ну почему любви присуща боль всегда?
Любовь для радости дана,
Любовь печальная любовью быть не может,
Так верно ли она любовью названа?

Коль правильно мое сужденье
О существе любви, скажите «да» в ответ.
Любовь — двух душ соединенье.
Без разделенных чувств любви счастливой нет.
Но груз любви неразделенной
Для сердца одного невыносим.
Так помоги мне, госпожа, не будь неблагосклонной.

Мне тяжело жить с моим страданьем,
О, не тяни, ты можешь мне помочь.
И если ты глуха к рыданьям,
Я пересилю боль, но лишь скажи мне: «Прочь!» —
И я свободен буду вновь,
Но знай, ты не найдешь другого,
Кто б так сумел воспеть тебя, моя любовь.

Как! За любовь платить презреньем,
За радость горечью мне отравляя дни!
Но там не место восхваленьям,
Где унижением певцу грозят они.
Иль верить ей не нужно было?
Но ты, Любовь, мой слух и зренья отняла,
Что ж может видеть тот, кого ты ослепила?

6

«О госпожа, сердиться не надо.
Верьте, учтив и приятен мой слог.
А для меня и честь и награда —
Если б я вам понравиться мог.
Я женщин красивее вас не видал,
Если же вы красоту с добротой
Соединили в себе — я не скрою:
Вы достойны высших похвал».

«Что же, хвалите, если угодно,
Видите, я уже не дитя.
Тот, кто воспитан, может свободно
Все мне сказать — и всерьез и шутя.
Мне говорили, что я хороша,
Но я бы хотела еще и другого:
Быть женщиной в лучшем значенье слова.
При красоте важна и душа».

«Я вам открою, что делать должны вы.
Чем, как женщина, славиться впредь:
Вы должны быть с достойным учтивы,
Ни на кого свысока не смотреть.
И, одного безраздельно любя,
Принадлежа одному всецело,
Взять в обмен его душу и тело,
Я вам дарю их, — дарю вам себя».

«Если не всех я встречала приветом,
Если была неучлива, горда,
Я бы охотно исправилась в этом.
Вы-то со мною любезны всегда!
Да, вы мой рыцарь, и вот ваша роль:
Я бы вас другом видеть хотела.

А отнимать у кого-нибудь тело
Я не хочу — это страшная боль».

«О госпожа, я готов попытаться,
Мне приходилось терпеть и не то.
Ну, а чего же вам-то бояться?
Если умру, то счастливым зато».
«Пусть умереть вам охота приспела,
Значит, и мне — на смертное ложе?
Я не хочу умирать, так чего же
С вами меняться на душу и тело?»

7

День за днем страдать, друзья,—
Кто способен этот крест нести?
Не велит воспитанность моя,
А не то бы крикнул: «Счастье, заходи!»
Но у счастья всем ответ один:
Счастье не для тех мужчин,
Что верны навек.
Так чего ж тогда я жду, верный человек?

Боже, что за горький плод
Сам себе взрастил я на беду!
Вся моя порядочность не в счет,
Унижение — все, чего я жду.
Нравы доброй старины
Ныне кажутся и глупы и смешны.
А богатство, честь —
Что ж, для тех, кто злонамерен, все, конечно, есть.

Кто в мужчинах совесть усыпил?
Женщины! Увы, но это так!
Встарь их дух высок и ясен был,
И для них был мир и радостен и благ.
Беспорочна их душа была.
Далеко молва об этом шла.
А теперь беда —
Нравится им тот, в ком нет стыда.

Когда я среди женщин нахожусь,—
Что всего обиднее, не скрою:
Чем я вежливей держусь,

Тем они надменнее со мною.
Им порядочность смешна.
Только если женщина достойна и умна
(Эти здесь не в счет),
Больно ей, когда постыдный слух о женщинах идет.

Но уж если женщина чиста,
Муж достоин — вот счастливый брак.
Их да воспоют мои уста,
Им я лучших пожелаю благ.
И скажу вам, как велит мне честь:
Если мир не станет лучше, чем он есть,
Знайτε, жить я буду,
Как мне нравится, а пенье и стихи навек забуду.

8

Если б я тропой неразделимой
В песнях, плясках вместе сквозь года
Шел, цветы срывая для любимой,
С нею связан дружбой навсегда,
Осушая вместе хмельный кубок,
Поцелуй срывая с алых губок,—
Мук любви не знал бы я тогда.

Но к чему и песнь, и речи сладость,
Женский взор, исполненный тепла,
Если нет борения за радость,
За добро и правду против зла,
Если щедрость, честь и воспитанье —
Все уходит, все ушло в преданье,
Если Духа радость умерла.

9

Желаний и томлений дни
Прошли — и столько принесли утрат.
Мне пали на зиму они.
Я думал, летом все пойдет на лад.
Я мнил, придет счастливый час,
И был обманут столько раз!
И все ж надежду я таил,
Но и надежды больше нет.
Был радости недолог цвет,
И мне она, не я ей изменил.

Я жил мечтой. Так почему
Меня счастливым называют вновь?
Счастливец только тот, кому
Любимая всегда дарит любовь.
Пусть жизни радуется он, —
Увы, я этим обделен!
Но пусть он прячет торжество:
Мол, я любимую любим!
Я рад бы поменяться с ним,
Но мне Любовь не дарит ничего.

Хвала и мужу и жене,
Когда они живут в любви.
Их душу с телом наравне
На каждый час, господь, благослови!
И в полном счастье пусть их жизнь пройдет.
Сомнения нет, блажен и тот,
Кто добродетель чтит в себе,
Как в той, кого избрал одну,
И кто на радость взял жену,
Подругу в жизни и судьбе.

Жену из благородных дам
Не каждый хочет взять, однако.
Глупцы не ведают, что нам
И честь и радость от такого брака.
Кто легкомыслен, рад любить
Ту, что легко сумел добыть.
Но, радость возлюбив и честь,
Женись на той, кто познатней,
И если другом стал ты ей,
В том честь уже и радость есть.

Кой толк в любви, когда она
Нам без служенья удалась?
Его ли то, ее ль вина —
Любовью можно ль звать такую связь?
Не жди, себя избавив от служенья,
Достойной дамы уваженья.
Любя воспитанность в мужчине,
Она мужлану далека.
Лишь дура ценит дурака, —
Сказать ли, по какой причине?

В роще, в поле, на поляне —
 Чудеса весны.
 Все духовные, миряне —
 Все оживлены!
 Май исполнен сил,
 Неким чудом он владеет.
 Все мгновенно молодеет,
 Где б он ни ступил.

Кто не чтит его обычай?
 Ну-ка, от души
 Смейся, пой, пляши,
 Но без грубости мужичьей.
 Каждый Маю рад.
 Если так распелись птицы,
 Неученые певички,
 Запевай им в лад.

Слава Маю! Мир отрадный
 Он разлил вокруг.
 Лес и поле так нарядны,
 Так наряден луг!
 Сколько пестроты!
 «Ты малыш, вот я бодьшая!» —
 Шепчут, чашечки качая,
 Клевер и цветы.

Алый ротик, брось кривиться,
 Зубками дразня.
 Стыдно! Он еще глумится,
 Огорчив меня!
 Как же можно так?
 Я люблю, а ты не любишь,
 Ты меня с улыбкой губишь,
 Словно лютый враг.

Да, моей лихой кручины
 Вы одна виной.
 Друг мой, нет у вас причины
 Строгой быть со мной.
 Вы добры для всех,
 А ведь я ваш раб усердный.

Быть такой немилосердной —
Право, тяжкий грех.

Но испортить Мая сладость
Я и вам не дам.
Как! Забыть я должен радость
Лишь на радость вам?
Где ваш долг весне?
Вместе быть все твари рады,
Так хоть капельку отрады
Подарите мне!

11

В майский день, порой чудес,
Обновивших луг и лес,
В ясный поддень Мая
Я гулял, мечтая.
Я бродил без цели
Там, где птицы пели,
Где звенит, журчит струя
Говорливого ручья,
Слушал пенье соловья.

И под липой над ручьем
Я уснул счастливым сном,
Я в тени прохладной
Мир вкусил-отрадней
В неге и покое,
Где забыл о зное,
Где развеял в забвенье
Близ играющей струи
Злые горести свои.

И увидел я во сне,
Что король я в той стране,
Что, блаженствам рая
Душу предавая,
Чем угодно тело
Услаждаю смело.
Нет заботы, тишь да гладь,
В сердце божья благодать,—
Сон был — только спать да спать!

Я и спал, но — мерзкий звук! —
В сон мой «карр» ворвалось вдруг
Из вороньей глотки.
Человек я кроткий,
Но ворон за это
Сжил бы я со света.
Спать еще б хоть пять минут!
Попадись мне камень тут,
Был бы твари той капут.

Но попалась мне зато
Только бабка лет под сто
И мне очень мило
Сон мой объяснила.
Если вы в сомненье,
Это объяснение
Я могу пересказать:
Два да три в итоге пять,
А мамаша — та же мать.

12

Сидел я, брови сдвинув
И ногу на ногу закинув,
А щеку подперев рукой,
И обсуждал вопрос такой:
Как надо жить на свете.
Но кто решит задачи эти?
Нам надобно достичь трех благ.
И ни одно не обойти никак.
Два первые — богатство и почет.
Они друг другу часто портят счет.
А третье — божья благодать, —
Ее превыше тех должны мы почитать.
Все три хотел бы я собрать в одно,
Но, к сожаленью, людям не дано,
Чтобы почета, божьей благодати,
Да и богатства, кстати,
Один был удостоен в полной мере.
Судьба пред нами закрывает двери,
Предательство в засаде ждет,
Насилье сторожит и выход наш, и вход.
Забыли мы о праве и покое.
Покуда эти двое так больны, не могут быть
здоровыми те трое.

В ручье среди лужайки
 Я видел рыбок стайки,
 Видал огромный мир чудес,
 Траву, камыш, и луг, и лес,
 Ползущих, и летящих,
 И по земле ходящих,
 И знаю, что везде, всегда
 Царит жестокая вражда.
 И червь, и зверь, и птица
 Должны с врагами биться,
 И, чтоб в ничтожество не впасть,
 Они установили власть.
 Поскольку без правленья
 Терзают граждан тренья,
 Там избран царь, там каждый род
 И слуг имеет и господ.
 А с вами, немцы, горе,
 Вам любо жить в раздоре.
 Порядок есть у мух, у пчел,
 А немец дрязги предпочел.
 Народ мой! Не впервые
 Хотят князьки чужие
 Твои разрушить рубежи.
 Отдай имперский трон Филиппу, а тем
 их место укажи!

Я подсмотрел секреты
 Почти что всей планеты,
 Мужчин и женщин наблюдал
 И не один скандал видал.
 Был Рим во славу божью
 Кругом опутан ложью,
 И вышел спор двух королей,
 Какого мир не видел злей.
 Исход его был странен:
 Церковник и мирянин
 Пошли друг друга бить со злѣ,
 И гибли души и тела.
 Церковников миряне
 Разбили в лютой брани.
 Те тотчас, отложив булат,

Надели стóлы вместо лат.
Но церкви разрушали,
Кого хотели — гнали,
Не тех, кого бы гнать пора.

В углу церковного двора
Из кельи в прошлый вторник
Взывал один затворник:
«Он молод, наш святой отец,
Спаси, о боже, христиан, спаси твоих овец!»

15

Я не видал, чтоб кто-нибудь
Из вежливости весел был, как я.
Среди людей, пусть горе гложет грудь,
Смотрите, как я радостен, друзья,
Как — тоже для людей — себе же лгу я часто.
Тебе везет, скажу себе, и баста!
Она целебна, ложь моя.

Я помню радость, песни, смех —
Все, что из сердца выбросить пора.
Кто не видал былых утех,
Тому ль понять, как боль по ним остра!
Нет, радость изменила нам!
Душа стремится к прошлым временам,
Теперь печаль — ее сестра.

Кто, вслед мне глядя, не сказал:
Удачлив — вот и радостен всегда!
Я сроду радости не знал
И не узнаю — разве лишь тогда,
Когда хорошим станет немец вновь
И та ответит на мою любовь,
Кем сожжены мои года.

Служу я людям от души
И так служить всю жизнь привык.
А что в награду мне? Гроши!
Все думают: не разглядит старик.
Не разглядит! Да разве я слепой?
Что я выпрашивал слезами да мольбой,
Дурак у них добудет вмиг.

Так что же с ними делать мне?
Сегодняшний обычай мне претит,
А как начну по старине,
Удачи нет, лишь натерплюсь обид.
Одним держусь: то, чем людей берут
Успеха ради и наглец и плут,
Ее вовек не соблазнит.

16

О князь Апулии, хранящий Вечный град,
Я нищ, хотя Искусством так богат.
Мне только б свой очаг — я не прошу палат!
Я воспевал бы птиц, поля, цветы, потоки,
Я пел бы, как умел в былые дни певать,
И славил б меня красавицы опять,
И вновь бы с розами я сравнивал их щеки.
Теперь, незванный гость, стыжусь за свой приход, —
Хозяин лучше песнь о солнышке поет.
Князь, помогите мне в невзгодах,
И бог спасет вас от невзгод.

17

Мне Тегернзее хвалил знакомый люд:
Мол, гостю там всегда и пища и приют.
Я сделал добрый крюк в две мили,
Ведь я же странный человек:
Себе не верил я вовек,
А верил в то, что мне другие говорили.
Я не глумлюсь, — господь, помилуй души наши!
Поставили мне воду,
И, мокрый, дал я ходу:
Как под дождем бежал, покинув стол монаший.

18

Увы, промчались годы, сгорели все дотла!
Иль жизнь мне только снилась? Иль впрямь она была?
Или казалось явью мне то, что было сном?
Так значит, долго спал я и сам не знал о том.
Мне стало незнакомым все то, что в долгом сне,
Как собственные руки, знакомо было мне.
Народ, страна, где жил я, где рос я бестревожно,

Теперь чужие сердцу, как чуждо все, что ложно.
Дома на месте пашен, и выкорчеван бор,
А с кем играл я в детстве, тот ныне стар и хвор.
И только то, что речка еще, как встарь, течет,
Быть может, уменьшает моих печалей счет.
Теперь и не кивнет мне, кто прежде был мой друг.
Лишь ненависть и злоба господствуют вокруг.
И стоит мне подумать, зачем ушли они,
Как след весла на влаге, исчезнувшие дни,
Вздыхаю вновь: увы!

О молодые люди, увы, прошла пора,
Когда, любивший радость, растил вас дух Двора.
И вас теснят заботы, вам изменил покой.
Как радость обернулась нерадостью такой?
Где песни, смех и танцы? Задохлись от забот.
Где в мире христианский так низко пал народ?
Не красят женщин ваших уборы головные.
В крестьянском платье ходят и господа иные.
А тут еще и буллу прислали нам из Рима,
И, горе нам оставив, проходит счастье мимо.
Все это мучит, гложет — иль так я сладко жил,
Что смехом только слезы под старость заслужил?
В лесу от наших жалоб печалится и птица,
Так если я печален, увы, чему дивиться!
Но почему, безумец, браню я все кругом:
Кто счастлив в этом мире, тот кается в другом!
И вновь и вновь: увы!

Увы, под маской доброй тая повадку волчью,
Мир угощает медом, который смешан с желчью.
Снаружи мир прекрасен: он зелен, розов, бел,
Но смерть и мрак увидел, кто в глубь его глядел.
Соблазны всех прельщают, надежда тешит всех:
Мол, покаяньем легким искупишь тяжкий грех.
О рыцари, вставайте, настал деяний час!
Щиты, стальные шлемы и латы есть у вас.
Готов за веру биться ваш посвященный меч.
Дай сил и мне, о боже, для новых славных сеч!
Богатую добычу я, нищий, там возьму.
Мне золото не нужно и земли ни к чему,
Но, может быть, я буду, певец, наставник, воин,
Небесного блаженства навеки удостоен.
В град божий через море, через валы и рвы!

Мир, ты забыл, что такое благо,
Сбился ты, бесноватый, с пути.
Верность и Правда остались без крова,
Все достоинства не в чести.

22

Бог ставит королем, кого захочет он,
И этим я не удивлен.
Но вот попам дивлюсь я много:
Чему они учили весь народ,
То стало все у них совсем наоборот.
Так пусть во имя совести и бога
Нам растолкуют, что безбожно,
Что истинно,— начистоту!
Ведь мы им верили недаром,
Где ж правда — в новом или в старом?
Коль то правдиво, значит, это ложно:
Два языка не могут быть во рту!

23

Я вышел в поисках чудес
И видел чудные дела:
Я видел три пустые трона,
Где Зрелость, Мудрость, Чистота
В былые годы восседали.
Сын Девы, дай нам знак с небес,
Чтоб эта троица могла
Воспрянуть, как во время оно,
И прежние занять места!
Их горести моею болью стали.
Тройная власть и все их троны богатым
заняты юнцом.
Мы вместо трех высоких духом склонились
перед одним глупцом.
Воспитанность и Право гибнут, и в людях
больше нет стыда.
Так жалуюсь и вяну я в печали.

24

С вельнем божьим, как посол,
К вам, император, я пришел;
Земли владыка! Вас владыка всей вселенной
Как своего заместника винит

В том, что язычник вас теснит,
Глумясь над господом в его стране священной.
За право божье в бой, скорее в бой!
Не вы ль Христа и бога щит!
И сыном Божиим вам суждена награда:
С ним заключите договор святой,
Тогда он ваше право отстоит
Хоть перед чертом в безднах ада.

25

Во всех, чье сердце бес не совратит, —
Сам папа ныне ереси плодит! —
И дух господень жив, и вера их жива.
А взять попов — дела их и слова!
Встарь были чисты дело их и слово,
Теперь глядишь — они едины снова.
Но где их чистота? Глазам и слуху стыд!
Поп мерзко учит, мерзкое творит!
И человек простой недаром с толку сбит.
Заплакал бы отшельник мой от зрелища такого.

26

Епископы, церкви князья, и вы, все монахи на свете,
Смотрите, папа вас тянет прямехонько в чертовы сети.
Ключи святого Петра ему достались от бога,
Почто же слово святого он так преследует строго?
Смотрите, он торговать задумал божьим ученьем,
Но это запрещено самим Христовым крещеньем.
Ведь ясно: он чернокнижью учился у сатаны.
Теперь вы чертову мудрость нести всем людям должны.
Но ваши хоры — под кровлей, от снега защищены.
А наш алтарь — под дождем, и души полны смущеньем.

27

Как набожно папа смеется, как свято каждое слово,
Когда своим чужеземцам он сообщает: «Готово!»
Но лучше б даже не думал того, что сказать он так рад:
«Теперь у меня два немца под одной короной сидят.
Пускай доводят страну скорей до разрухи и смуты,
Мы будем ларцы набивать, не упустим ни минуты.
Я к жертвеннику пригнал их, до питки всех обобрав.

Запру их немецкие деньги в свой чужеземный шкаф.
Церковники, ешьте, и пейте, и тешьте веселый нрав,
А прочие немцы — поститесь, не то мы будем круты».

28

Проснитесь, близок день Суда!
Вам от него не скрыться никуда,
Язычники, евреи, христиане!
Иль вам знамений грозных мало?
Писанье истину сказало.
Одумайтесь — мы все в господней длани!
Темнеет солнце, и земля должна
Растить измены черной семена.
Нет утешенья нам в печали!
Сын предаёт отца лукаво,
Брат оболгать стремится брата.
Мы у священников к спасенью путь искали,
Но лгут они, ничто не свято.
Насилье торжествует, гибнет право.
Вставайте! Все мы долго спали!

29

Ни мудрость, честь, ни сила слова,
Ни яркость облика мужского,
Увы, не вечны, как не вечно тело.
И плачет горько тот знаток,
Что оценить утрату смог:
Твоя, о Рейнмар, лютня отзвенела!

Хвалы потомков ты стяжал по праву.
Неутомимо пел ты женщин славу.
Их вечный долг — благодарить поэта.
Когда б ты спел одно лишь это:
«Восславься, женщина!» — уже б ты сделал много.
И каждая из них теперь за Рейнмара пусть молит бога.

30

Я плачу, Рейнмар, о тебе
Сильней, чем ты бы плакал обо мне,
Когда б не ты, но я лежал в гробу холодном.
Я честно сознаюсь и в том,
Что слезы лью не о тебе самом —

306

Лишь о твоём искусстве благородном.
На добрый лад настраивая лиру,
Своим искусством нес ты радость миру.
Но нет красноречивых уст, чудесных песен больше нет!
Увы, я жив, но их уже не стало.
Куда спешил, зачем ты жил так мало?
И сам я скоро кончу петь, и сам уйду тебе вослед.
Мир духу твоему, о Рейнмар, благодарю тебя, поэт!

Нейдхардт фон Ройнталь

* * *

Леса зазеленели,
Травую свежей луг порос,
И зря мороз
Слал бури и метели.
Год совершил свой поворот,
Но не дает
Мне горе ни на миг забыть минувшее веселье.

И песенку скворечью
Я снова слышу по весне.
Так петь и мне
Случалось, если встречу
Моих друзей в краю родном.
В краю ином
Не очаруешь никого родной немецкой речью.

Послать бы мне к порогу
Возлюбленной моей гонца.
Ведь у крыльца
С тоскою на дорогу
Она глядит уже давно.
Мне суждено
Любить ее — я верен ей, благодаренье Богу!

Гонец, скачи за море.
Тебя к моей любимой шлю.
Перетерплю
Томление и горе.
На родину ты путь держи
И там скажи,
Что мы вослед тебе спешим, с бурливым морем споря.

Скажи моей любимой,
Что я томлюсь по ней одной
И что иной
Любви неистребимой
Не ведал я и не видал.
И не предал
Я верной госпожи моей в чужбине нелюдимой.

Как я живу далёко,
Поведай ты моим друзьям.
Пусть знают: там
Живется одиноко,
Там странника не ждет приют,
Там не дают
Паломнику из дальних стран ни отдыха, ни срока.

Гонец, спеши отсюда!
Быть может, через день-другой
На брег родной
И я стремглав прибуду.
Вдали виднеется земля,
И с корабля
Я Господа благодарю за то, что сделал чудо.

Готфрид фон Нейфен

1

Бродил по далеким краям
Бочар из веселой артели,
А был он любителем дам,
И там, где бывал он при деле,
О деле потом не жалели.

«Хозяин, не нужен ли в дом
Работник?» — «А что за работа?»
«Работа? Тешу долотом.
Я бондарь. Кому есть охота,
Я сделаю бочку в два счета».

Он взял из мешка молоток
И обручи вынул для кадки,
Он многое вынуть бы мог,
Поскольку при добром достатке
Держал инструменты в порядке.

Хозяйка была молода
И сразу его оценила.
«Спаситель послал вас сюда», —
Сказала, пощупав зубило.
И дело пошло, покатило.

Вот бочку связали вдвоем
Не меньше, чем на девять ведер, —
На то и хозяйка: все в дом.
Однако и бондарь не лодырь —
Уважил хозяина бондарь!

2

«Только услышу, как начали скрипки,
Лучше бы, думаю, мне умереть,
Чем над качалкой зевать!
Ах, убежать бы под майские липки
И в хороводе с подругами петь
И танцевать, танцевать!»

Скрипки играют, зыбки скрипят,
Малые дети спать не хотят.
Милочка, скоро ль тебя укачаю, я уж и света не чаю!

Няня, возьми — у меня нет терпенья —
Дитятко на руки, будь так добра,
Ты одна можешь помочь.
Я бы терпела, когда бы не пенье,
Если б не песни всю ночь до утра,
Песни и танцы всю ночь.
Скрипки играют, зыбки скрипят,
Малые дети спать не хотят.
Милочка, скоро ль тебя укачаю, я уж и света не чаю».

Ульрих фон Зингенберг

* * *

Госпожа, я мог бы счастье излучать,
Но без вашего участия нет житья.
«Ах, оставьте! Много проще получать
Утешенье у других. При чем тут я?»
Кто теперь меня утешит, кроме вас и бога?
«Бросьте глупые насмешки, вы болтаете так много!»

Нет, прекрасная! Единственная, нет!
Не отталкивайте преданность мою.
«Ах, но разве я давала вам обет,
Вашу скорбь нести желала, как свою?»
Знайте: я — на грани смерти, жальтесь над страдальцем.
«Ради вашего спасенья шевелить не стану пальцем».

Я утратил вкус к насмешливым словам,
Не до шуток, если боль долбит виски.
«Ну так что же я должна позволить вам,
Чтоб избавить вас от губельной тоски?»
Я бы дал совет охотно, вам помог бы в этом.
«Ах, боюсь, что я не скоро обольщусь таким советом».

Ваша холодность и ваш надменный смех
Сердце бедное мое вгоняют в грусть.
«Ваша просьба для приличной дамы — грех,
Хватит гневаться, не то я разозлюсь!»
Гнев — без пользы, вашу нежность лучше взять в подмогу.
«Я клялась мужчин коварных сторониться всю дорогу».

Мне не свойственно коварство, госпожа,
Я, ей-богу, без подвоха вам служу.
«Если правда все, что молвите, дрожа,
Я огромное спасибо вам скажу».
Если б это помогало, я воскрес бы, знайте.
«Ну тогда воспряньте духом и надежду не теряйте!»

Буркхарт фон Хоэнфельз

1

Вьюги завыли,
мы дома засели,
други, не мы ли
устроим веселье!
Ну-ка, за мной, —
будут подмиги,
подсмехи, интриги —
в утехе земной.

Будем любезны,
но к милым прижмемся,
дудки исчезнут —
так пеньем займемся.
Шлейфы лови:
сможешь резвиться,
вертеться и виться —
добиться любви.

Братцы, стремитесь
успеть за фортуной,
каждый займитесь
избранницей юной:
сладостный труд!
Грейте же руки
на бедрах подруги —
ведь годы идут.

Братцы, влеченье
тиранить не надо:
страсти значенье
усилит преграда.
Кстати, любовь
неоспоримо
волнует незримо
возлюбленным кровь.

Радость, храни же
от горя и скуки!
Ну-ка, поближе,
угрюмые буки!

Если подружка
смотрит с насмешкой,
лучше не мешкай:
готова ловушка.

2

Солнце жаркостью могучей
Волны воздуха согрело,
И пустился дождь брызгучий
Освежать земное тело.
Расплодилась радость в гнездах
От укромного зачатья:
Это сделал свежий воздух,—
Разве, братья, стану врать я!
Благодатью и простором
Дышит мир, открытый взорам.

Душно в спальне и в столовой,
С крыши вьются ливня стружки:
Влезть в сарай — совет толковый,
Он от опытной старушки.
Все заботы позабыты,
Все печали улизнули —
В пух и прах они разбиты,
Смяты в пляске и разгуле.
Благодатью и простором
Дышит мир, открытый взорам.

Сладкозвучные мотивы
Боль утрат смягчили нежно.
Стали снова те, кто живы,
Обращаться безмятежно
К мыслям о делах счастливых.
Кто способен веселиться,
От любовных мук тоскливых
Легче сможет исцелиться.
Благодатью и простором
Дышит мир, открытый взорам.

Выше слов моя подруга!
А бутон в прическу вложит —
Ослепит, как солнце Юга:
Кто взглянул, грустить не сможет.

Это знают очевидцы,
А моя душа особо:
Там сумела утвердиться
Эта чудная особа.
    Благодатью и простором
    Дышит мир, открытый взорам.

Тангейзер

* * *

Нет, господином я не стал и не живу богато,
И далеко мне до господ с тугими кошельками.
Из Франции я не привез ни серебра, ни злата:
Всего-то мне Господь и дал позвякать медяками.
Одна Тюрингия порой мне что-нибудь подарит,
Но не выпрашивал даров я, как последний скарעד.
Пусть знает благодетель мой: я ни гроша не трону,
Останусь беден, но дарам не нанесу урону.
Пою я песню королю и подступаю к трону.

Вот если б жил я при дворе, то пел бы непрестанно,
Но песни — те, что я пою, — одна другой известней.
Нет, старых песен королю петь ни за что не стану.
Быть может, при дворе меня обучат новой песне.
Я пел бы о лугах, лесах, о майском небосводе,
Я пел бы о весенних днях, о танцах, хороводе,
Я пел бы о грозе, дожде и восхвалял красавиц,
Отцу и матери моей не пожалел бы здравиц.
Кто денег даст, чтоб отпустил меня заимодавец?

Все профинтил я на вино, на плотную закуску,
Девиц к себе домой водил и тратился на бани,
А вот теперь ростовщики и не дают мне спуску,
Но некуда податься мне: я без гроша в кармане.
Что буду делать я, когда сполна долги отдам им?
Придется мне сказать «прощай» моим прелестным
дамам.

И от безденежья вино во рту само скисает,
От безнадежности душа в потемках угасает.
Я попусту зову: никто беднягу не спасает.

Да, прежде в Австрии меня иначе привечали:
Зачем я только потерял такого господина!
Он дал мне кров, я жил себе, не ведая печали,
Но поджидала и меня суровая година.
Хозяин мой ростовщикам платил без разговора,
Но мне гостеприимный дом пришлось покинуть скоро.
Не умер бы австриец мой, так стал бы я крепиться.

А нынче я бродяга, мне   недолго оступиться.
«Эй, гостюшка,— кричат мне вслед,—   не надо
торопиться!»

Была когда-то у меня   своя усадьба в Вене,
И был моим Леопольдсдорф   у озера Люхзее.
Угодья у меня Господь   отнял в одно мгновенье.
Да как же мне теперь прожить,   доходов не имея?
Никто не знает, что теперь   во всем я горько каюсь.
Как радости, я смерти жду   и скорбью проникаюсь.
Тангейзер, будет ли конец   злосчастью и бедам?
Ты помощи не ждешь, удел   твой никому не ведом?
И смерть плачевная идет   за горемыкой следом.

И кошелек мой опустел,   и разбежались слуги,
Нет на конюшне лошадей,   а перед домом лужи.
В прорехах крыша у меня —   я бедствую в лачуге,
И двери на одной петле   висят — куда уж хуже!
Сгорела кухня у меня   и погреб обвалился,
Хозяйство все разорено,   сарай — и тот скопился.
Хоть пироги еще пекут,   зато не варят пива,
И вся одежка у меня   дырявая на диво.
Но да не вздумает никто   судить меня глумливо!

Фрейданк

ИЗ КНИГИ «РАЗУМЕНИЕ»

О ЖИЗНИ

Мы мед вкушаем жадным ртом
И желчью кормимся потом.

Нам в этом мире не житье
Без слова сладкого «мое»...

Жизнь — переменчивое море:
Сегодня — счастье, завтра — горе.

Но небесам любезен тот,
Кто жизнью праведной живет.

Людскую не пожнет хвалу,
Кто вероломно служит злу.

Бывает: горько сердце плачет —
Пусть горечь слез улыбка спрячет.

Мир все хуже, все развратней,
Ужас все невероятней.

Страшный жребий мы влачим,
Ибо мир неизлечим!..

О СТАРОСТИ

Старик, горящий юным жаром,
Юнец, до срока ставший старым,
По мне — равно не хороши...
Коль молод — пой, гуляй, пляши,
А коли стар — блюда степенство!..

В почтенье к старшим совершенство
Обрящет юноша любовью!

Умеющий владеть собой —
И в меру стар, и молод в меру...

Благому следуя примеру,
Помалкивай, не суесловь
И славу встретишь и любовь.

О ПОПАХ

Тому, чья жизнь — одни пороки,
Грешно другим давать уроки.
Под белоснежным одеяньем
Не скряться черным злодеяньем.
Найдешь ли к истине дорогу,
Коль пастырь твой не верен богу?
Клянусь, что только для глупцов
Важнее тысяча слепцов,
Чем — пусть один, но все же зрячий!..
Сие не кончится удачей.
Дарует людям свет свеча,
Сама сгорая, сгоряча.
Иной с благим к нам льнет советом,
А сам отнюдь не благ при этом.

Неверный свет несущий
Во тьме споткнется тьмущей.

Бывает: жажда велика,
Но важен выбор родника.
Пусть замутненный ближе,
Есть чистый ключ!.. Внемли же!..

О КОРОЛЯХ И КНЯЗЬЯХ

В сердцах — разлад, в стране — разгром,
Когда король — дитя умом
Или князья взбесились,
Обогатиться сиясь.
Пусть у сиятельных князей
Пошире будет круг друзей!
Советчиков — помене!
И заперт путь к измене!..

Нередко — боже, помоги! —
Слуга последнего слуги

Самим монархом правит,
Коль ум того оставит.
Негоже волку бить мышей!
В отличие от малышей,
Жуков не ловит сокол!
Король чтоб ручку чмокал
Презренному ростовщику?!
Бывало ль это на веку?..
Мечтаючи о ссуде,
Он продал честь Иуде!

Мне смертный холод сердце сжал:
Я из страны бы прочь сбежал,
Когда моя бы воля...

Сидящий на престоле
Всегда окажется в беде,
Поскольку всюду и везде
Монархи правят худо!
И, стало быть, не чудо,
Что их наказывает рок
И настает отмщенья срок:
Вступает час расплаты
В дворцовые палаты.

Монарх! Господень чти завет:
Господне слово, божий свет
Не заслоняй собою —
Иль будешь бит судьбою!
Что власть, что хитрость, нрав крутой,
Когда — взгляни — комар простой
Кусает то и дело
Твое монаршье тело.
И ты не знаешь, как спастись
(Терпеньем надо б заpastись)...
А сколько раз бывает:
Блоха повелевает
Могущественным королем,
Резвясь и прыгая на нем!
Мы оба смертны: я и он.
В чем высший равенства закон?
Король и я — мы оба —
Добычей станем гроба.

Лишь к праведному королю
Я в услуженье поступлю,
И будет мной воспетым,
Кто ясным светит светом...

У нас — живущих — своего
Нет и не будет ничего.
Будь мало или много:
Все занято у бога.
Все, хоть всего не перечеть —
Душа и плоть, добро и честь, —
На время нами взято,
Чтоб возвратить когда-то...
Я правду вам открыть хочу.
Но нет уж... Лучше промолчу,
Чтоб честным разговором
Не привести к раздорам.

Всплать, немецкая страна!
Суды, правители, казна,
Все, посланное богом,
Отмечено подлогом.

Во всем — бесчинство и разбой!
Все, все глумится над тобой!
Все люди — изуверы.
И никому нет веры.

Что мне прославленная знать?
Ее я не желаю знать!
К чему мне быть богатым?
Для помыканья братом?!

Скажите, от каких особ
Произошел соломы сноп?
Не тот ли подороже,
Что родом от вельможи?

Предавшись пагубной тщете,
Мы воду носим в решете.
Все носим мы и носим,
Ну а зачем — не спросим.

О СОКРОВИЩАХ И ДЕНЬГАХ

Твое богатство, толстосум,
Твой бедный совращает ум.

Глубоко в землю клад зарыл,
А ум и сердце разорил.

Трепещет сердце и дрожит:
Надежно ль клад в земле лежит?..

Не будет у стяжателя
Ни друга, ни приятеля.

О РИМЕ

Где гордый возвышался Рим —
Чертополох, бурьян мы зрим.
Сие наглядная картина:
Вот что князьям сулит кончина!..
Во прахе пред Петром святым,
Болезнью, голодом томим,
Просил калека подаянья,
И кроткий голос состраданья,
В ком боль и скорбь отозвались,
Сказал: «Восстань и исцелись!
Ни серебра не жаль, ни злата
Во имя исцеленья брата.
Все, все тебе я отдаю,
Чтоб излечить болезнь твою!..»
О, если б папу нам такого —
Подобие Петра святого,
О, если бы такой нам клир!
Воспрял бы христианский мир!..

Мы бремя тягостное носим
И папу о подмоге просим.
Что значит: ближнего любить?
Нам, трижды грешным, пособить.
А что на деле происходит?
Он нас поборами изводит,
Забывши совесть и смущенье.
Плати — и получай прощенье!

Лежат готовые облатки.
Взял, заплатил, и — все в порядке!

А ведь в долгу мы не пред ним,—
Лишь перед господом одним,
И только бог прощать нам вправе,
Коль мы смирится, не лукавя.

Нет, нет, не папе нас прощать!
Ему бы души укрощать,
А не куражиться над нами!..
Побит он мог бы быть камнями
За то, что Рим плодит обман,
Мороча бедных христиан.
Благословенья ли, проклятья
Готов от папы воспринять я,
Была б его нелживой речь!..
Пусть беспощадно рубит меч,
Коль наказание справедливо!
Но посмотрите: что за диво —
Вам говорю не сгоряча:
У папы в ножнах — два меча!
Два — сразу! В тех же самых ножнах!
Событие из невозможных!
Один другого иступил!..
Зачем так папа поступил?
Владыка церкви христианской
Давно к империи Германской
Хотел бы подобрать ключи...
Вот и попортились мечи!
Не знали в Риме сети той,
Которой рыбу Петр святой
В морских волнах ловил когда-то...
Рим ловит земли, деньги, золото,
Святому не в пример Петру,
Злу угождая, не добру.

Крафт фон Тоггенбург

* * *

Кто мечтает кануть в благодать,
Пусть прильнет скорей к зеленой липе:
И тогда он сможет обладать
Пышностью ветвей в цветущей кипе.
Там детский хор птенцов поет
И крону украшает.
И этот майский, райский вид
Сердца влюбленных чудно возвышает.

На лугу — обилие цветов,
Блеск весны проник в дела отчасти
И насытить радостью готов
Тех, кто не раздавлен гнетом страсти.
И я бы ликовал всюю,
Когда бы столь упрямо
Над болью искренней моей
Одна прекрасная не издевалась дама.

Смейся, смейся, алый рот, но впредь
Не терзай мой нрав, мое здоровье,—
Лучше приучись на них смотреть,
Добрый смех являя в добром слове.
И даже майским цветникам
Сегодня невозможно
Взбодрить мой дух, но, боже мой,
Вам подобеть ко мне совсем не сложно!

Рощицы, лужайки и стрижи,
Солнце мая в синеве атласной
Меркнут рядом с розой госпожи,
Рядом с розой губ моей Прекрасной.
Мгновенно гаснет солнца свет,
Когда встречаю розу эту —
Цветущий ароматный рот,
Бокал с росой, напитка слаще нету.

Пребывал в блаженстве только тот,
Кто сумел сорвать удачно розу.

Сколько роз вокруг цвело, цветет,—
Этой розе вялость не в угрозу.
Сорви, о, сколько можешь, роз,
Принадлежащих Даме,—
Как быстро на ее устах
Сменяет роза розу перед нами!

Фон Бувенбург

* * *

Кто это с улыбкою привета
Нам кивает, спрятавшись в траве,
Кто хлопочет, рук не покладая?
Это разноцветье, это лето
Птах пасет в зеленой синеве,
Это радость бродит молодая!
Не ее ль разбуженная сила
Все спешит закончить в свой черед?
Дай бог, чтобы осень заключила
С честью круг положенных работ.

Ах, когда б не слабая надежда,
Легче умереть от вечных «нет»,
Чем тягаться с прихотью чужою.
Да живу зачем-то, жду прилежно:
Как за ночью следует рассвет,
Так влачусь и я за госпожою.
Может, ее сердце и смирится,
Призовет меня: мой господин.
Смей, несчастный, я его добиться,
Я бы стал счастливей всех мужчин.

Если окропить козлиной кровью,
И алмаз возможно расколоть,
А уж нрав ее переупрямить
Обхождением можно и любовью.
Если виноват, казнил бы плоть,
Господи, за что же душу ранить?
О любовь, вознагради сторицей,
За страданье отплати добром,
Радостью воздай — и да святится
Смысл высокий в имени твоём!

Гесс фон Рейнах

* * *

Вот такая грусть —
Мне от страсти больно,
— Страсть велела: пусть
Жертва добровольно
Направит помыслы на гибельный предмет.
Ах, прорву бед
Моя влюбленность предлагает мне в ответ!

Розовый овал
Щек так свеж привольно,
Свет облюбовал
Впрямь, а не окольно
Ту, перед кем слабеет плоть моя и суть.
Ах, как-нибудь
Устрой, прелестница, и скорбь мою забудь!

Сладкая моя,
Лучше сердобольно
Возлюби, ведь я
Гибну добровольно,
И жжет меня влеченья огненный венец.
О, мой птенец,
Дай утоленья, а иначе мне конец.

Освальд фон Волькенштейн

1

«Я за полночь слышу, как тянет прохладной травой
И ветер шуршит из предутренней мглы луговой,
Который, как я понимаю, зовется норд-остом.
Я, стражник, — послушайте! — я говорю вам: грядет
Рассвет из клубящейся чащи лесов и вот-вот
Заря разольется по кронам деревьев и гнездам.
Разносятся трели певцов из зеленых кустов —
Чижей, соловьев, долгоносиков, черных дроздов,
Долины и горы внимают их громкому пению.
И ежели кто-то в местечке укромном лежит,
Кто ночь удовольствию отдал, пускай поспешит —
Не время, не время любовному уединению!»

А дева спала непробудно в постели,
И юноша спал, не внимая совету,
И если бы птицы в листве не запели,
Они бы едва ли проснулись к рассвету.
И дева пустилась рассвет упрекать:
«Не можете ль вы, господин, подождать
И честь соблюдать, как положено по этикету!»

Накидочку белую быстро она подала
Возлюбленному и капризно рукой повела.
«Взгляни-ка на небо, — сказала, — не скоро ль светает?»
И юноша встал, и окно широко распахнул,
И только на небо, как дева просила, взглянул:
«О боже, — воскликнул, — и вправду рассвет наступает!»
Рассвет пробивался сквозь толщи невидимых сфер,
И в зареве ярком свой блеск потушил Люцифер,
Со светом теряя и чары свои, и заклятья.
И юноша деву привлек и вздохнул тяжело:
«Ах, душенька, и получаса еще не прошло,
Как мы неразлучно, казалось, смыкали объятия».

И вновь они стали стенать и молить,
Минуты вымаливать, млея от страсти, —
Как будто их хочет рассвет разлучить, —
И солнца боялись, и ждали напасти.
Она говорила: «Возлюбленный мой,

Останься минуточку-другую со мной,
Пусть будет что будет, любимый, я вся в твоей
власти!»

И в то же мгновенье пронзительно рог затрубил —
Увы, это стражник, очнувшись, приход возвестил
Восточного гостя в спящем глаза одеяне.
И дева, увидев, как сделалось всюду светло:
«Ах, солнце,— воскликнула,— как ты некстати взошло,
Куда бы приятней ты было в закатном сиянье!
К чему, в самом деле, мне блеск ослепительный твой?
Достаточно было б мерцанья звезды голубой
На небе ночном, чтоб исполнилось неисполнимое!»
А юноша лишь рассмеялся: «Ах, радость моя,
И рад бы — да солнцу не властен приказывать я,
Любовью томясь, я тебя покидаю, любимая».

«Постой же,— взмолилась она,— подожди!
Ты видишь, и я, как в горячке, пылаю.
Ты душу мне вынул — так не уходи,
Побудь, я о большем уже не мечтаю!»
И разом прильнули... И что тут сказать?
И рук не могли... не могли оторвать.
«Прощай, моя радость, прощай... я тебя покидаю...»

2

Оттаяло и сердце от тоски,
Как только побежали ручейки
И снег слежалый облаком навис
Над Зейзеральпом брезжущим и Флакком.
Проснулись испарения земли,
И русло все потоки обрели,
Из Кастельругта в Эйзак, вниз и вниз,
По склонам ниспадая и оврагам.
Я слышу, как пичуги по лесам
Вокруг Гауэнштейна, там и сям,
Уже, прочистив горла, издают
Какие-то немислимые трели
От «до» и вверх — все выше, выше — к «ля»,
И так поют, как будто вся земля,
Все голоса ее, весь гам и гуд,
По капельке слились в одной капелле.

Оттаяло и сердце от тоски,
Как только соловей из-за реки
С неделю после пахотных работ
У Матцена защелкал над лугами.
Четырежды я видел их обряд,
Где пара с парой, распушив наряд,
Как кошки, затевали хоровод
И пробовали землю коготками.
А вы, кто зиму просидел в норѣ,
Возрадуйтесь и вы своей поре,
Которую несет нам месяц май,
Оставьте ваши логова и норы!
Ищите каждый пастбище свое —
Ты, подъяремный скот, и ты, зверье,—
Для каждой твари сыщется свой край,
Где луг не мят и свет не застыт горы!

3

«Ату их!» — Лионгарт фон Волькенштейн,
И Освальд, и Георг фон Волькенштейн
Так сорвались, оставив Грейфенштейн,
Что смельчаки от страха дали деру.

Мы не дали опомниться врагам
И по горам прошли, как ураган.
К чему мечи и шлемы дуракам?
Что им в обузу, нам придется впору!

А их лачуги, утварь и зерно
С полями мы спалили заодно,
Ты, герцог Фридрих, наш должник давно,—
Так расплатись сполна по уговору!

От перестрелки звон стоял в ушах.
Вблизи Раубенштейна в камышах
Схватился кое-кто на бердышах
И был пробит болтом из арбалета.

Крестьяне из Сент-Йоргенской земли —
Канальи! — нас едва не обошли,
Но нам раубенштейнцы помогли —
Да будет верной выручка соседа!

Метание и гром, пальба и гам.
Мышиный треск пошел по чердакам.
А ну, на корм их красным петухам,
Живее, рыцарь, смерть или победа!

Уже зарнтальцы, йенцы, всякий сброд,
Спешили с гор, а мельтенцы в обход,
Но мы их силу в слабость обратили:
Конец поворотили — и вперед!

4

Ну ладно, разойдемся спать!
Слуга, свечу! Да проводи нас,
Чтоб не споткнуться где неловко.
Еще мы можем постоять,
Как нас ни валит ночь-бесовка!
И если поп какой иль тать
Жен захотел бы испытать —
Вот началась бы потасовка!

Бокалы выше! Решено,
В бутылках капли не оставим,
Допьем, друзья, что не успели,
И над собой увидим дно!
Иль не мужи мы, в самом деле?
Иль в руки отдает вино?
А в ноги вступит — все равно:
Тычками, а пойдем к постели.

Куда спешить? Идем тишком.
Уж коли прямо в дверь не выйдем,
Так выйдем косо, как рубаки.
О, черт! Что тут? Ведро с песком.
Хозяин, где тебя собаки?..
Да мы свои. К чему тайком?
Два пальца в рот — и языком,
Как это делают поляки.

Пусть первый — головой вперед
Его тихонечко внесите —
Почует, как на поле воин.
Кто богу славу воздает,
Тому и бог — так мир устроен!

А нас нелегкая несет.
Хозяин, осторожно: лед!
Держись, хозяин, пол неровен.

Теперь, пожалуй, вкусим сна.
Увидим, вправду ли, служанка,
Ты по перинам мастерица.
Солянка вышла солона,
Да соль не сор, как говорится.
Была и каша не жирна,
Да не оставлено вина,
Так что не следует браниться!

Генрих фон Мюгельн

* * *

Говорила дама: «Ясный сокол
На охоту дальнюю сорвался.
Высоко он залетел, высоко,
Да боюсь, чтоб в сети не попался.
Я уж его холила-растила,
Да не ладно пути отпустила,
Потому раскаянье ревниво
Обжигает сердце, как крапива.

Знаю, знаю, утром или к ночи
Возвратится он без промедленья,
Только потеряет колокольчик
Или обломает оперенье.
Только вьюга по полю завьюжит,
Только сердце о другом затужит,—
Прилетит он вновь к своей пшенице,
Если на чужую не польстится.

Ах, когда б он кречетом назвался,
А не ясным соколом проворным,
Он всегда при мне бы оставался
И сидел на жердочке покорно.
Много ль толку от речной плотвицы,
Если она удочки боится?
И от птицы в небе проку мало,
Как бы та высоко ни летала».

Гуго фон Монтфорт

* * *

«Который час? Не близок ли рассвет?» —
Я стражника спросил, и он в ответ
Сказал мне: «Скоро утро. Но послушай,
К чему о часе спрашивать дневном,
Когда ты сам во времени ином?
Ты лучше бы взглянул на путь минувший!
Ты до полудня прожил на земле
Свой век и скоро скроешься во мгле,—
Воистину, твой срок еще не худший.
Пока ты не забылся вечным сном,
Подумай о прибежище ночном
И отрекись, в ничтожестве заблудший!»

Он так сказал: «Послушай мой совет:
Тебе в земной юдоли дела нет,
Одна душа твоя избегнет тленья.
А красота и молодость пройдут,
Поэзия твоя — бесплодный труд,
Смерть уничтожит все без сожаленья.
Так к господу молитвы обрати,
А с ним и богородицу почти,
Тогда ты ум проявишь, без сомненья.
Над ней корона звездная горит,
Моли ее — и Сын тебя простит:
«О мать божья, дай душе забвенья».

«Ты, стражник, прав. Мне горек твой упрек,—
Ответил я,— но если бы я мог
Отречься, я не знал бы и упрека.
И все же, стражник, на рассвете дня
Чтоб не погиб я, разбуди меня,
И я предстану пред очами бога.
Кто знает, может, он меня скорей
Благословит по милости своей —
У господи щедрот господних много.
О, дева непорочная, прости
Грехи мои и с миром отпусти —
Уже рассвет торопится с востока!»

**МОТИВЫ
КУРТУАЗНОЙ
ЛИРИКИ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
РУССКИХ
ПОЭТОВ
XIX-XX
ВЕКОВ**

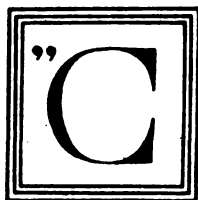
**ПОДРАЖАНИЯ
ПЕРЕЛОЖЕНИЯ
ПЕРЕВОДЫ**

Составление А. ПАРИНА.

В. А. Жуковский

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГ

ладко мне твоей сестрою,
Милый рыцарь, быть;
Но любовью иною
Не могу любить:
При разлуке, при свиданье
Сердце в тишине —
И любви твоей страданье
Непонятно мне».

Он глядит с немой печалью —
Участь решена;
Руку сжал ей; крепкой сталью
Грудь обложена;
Звонкий рог созвал дружину;
Все уж на конях;
И помчались в Палестину,
Крест на раменах.

Уж в толпе врагов сверкают
Грозно шлемы их;
Уж отвагой изумляют
Чуждых и своих.
Тогенбург лишь выйдет к бою:
Сарацин бежит...
Но душа в нем все тоскою
Прежнею болит.

Год прошел без утоленья...
Нет уж сил страдать;

Не найти ему забвенья —
И покинул рать.
Зрит корабль — шумят ветрилы,
Бьет в корму волна —
Сел и поплыл в край тот милый,
Где цветет она.

Но стучится к ней напрасно
В двери пилигрим;
Ах, они с молвой ужасной
Отперлись пред ним:
«Узы вечного обета
Приняла она;
И, погибшая для света,
Богу отдана».

Пышны праотцев палаты
Бросить он спешит;
Навсегда покинул латы;
Конь навек забыт;
Власяной покрыт одеждой,
Инок в цвете лет,
Не украшенный надеждой
Он оставил свет.

И в убогой келье скрылся —
Близ долины той,
Где меж темных лип светился
Монастырь святой:
Там — сияло ль утро ясно,
Вечер ли темнел —
В ожиданье, с мукой страстной,
Он один сидел.

И душе его унылой
Счастье там одно:
Дождаться, чтоб у милой
Стукнуло окно.
Чтоб прекрасная явилась,
Чтоб от вышины
В тихий дол лицом склонилась,
Ангел тишины.

И дождавшись, на ложе
Простирался он;

И надежда: *завтра то же!*
Услаждала сон.
Время годы уводило...
Для него ж одно:
Ждать, как ждал он, чтоб у милой
Стукнуло окно;

Чтоб прекрасная явилась;
Чтоб от вышины
В тихий дол лицом склонилась,
Ангел тишины.
Раз — туманно утро было —
Мертв он там сидел,
Бледен ликом, и уныло
На окно глядел.

ПЛАВАНИЕ КАРЛА ВЕЛИКОГО

Раз Карл Великий морем плыл,
И с ним двенадцать пэров плыло,
Их путь в святую землю был;
Но море злилося и выло.

Тогда Роланд сказал друзьям:
«Деруся я на суше смело;
Но в злую бурю по волнам
Хлестать мечом плохое дело».

Датчанин Гольгер молвил: «Рад
Я веселить друзей струнами;
Но будет ли какой в них лад
Между ревущими волнами?»

А Оливьер сказал, с плеча
Взглянув на бурных волн сугробы:
«Мне жалко нового меча:
Здесь утонуть ему без пробы».

Нахмурясь, Ганелон шепнул:
«Какая адская тревога!
Но только б я не утонул!..
Они ж?.. Туда им и дорога!»

«Мы все плывем к святым местам! —
Сказал, крестясь, Тюрпин-святитель. —
Явись и в пристань по волнам
Нас, грешных, проведи. Спаситель!»

«Вы, бесы! — граф Рихард вскричал. —
Мою вы ведаете службу:
Я много в ад к вам душ послал —
Явите вы теперь мне дружбу».

«Уж я ли, — вымолвил Наим, —
Не говорил: нажить нам горе?
Но слово умное глухим
Есть капля масла в бурном море».

«Беда! — сказал Риоль седой, —
Но если море не уймется,
То мне на старости в сырой
Постеле нынче спать придется».

А граф Гюи вдруг начал петь.
Не тратя жалоб бесполезно:
«Когда б отсюда полететь
Я птичкой мог к своей любезной!»

«Друзья, сказать ли вам? ей-ей! —
Промолвил граф Гварин, вздыхая, —
Мне сладкое вино вкусней,
Чем горькая вода морская».

Ламберт прибавил: «Что за честь
С морскими чудами сражаться?
Гораздо лучше рыбу есть,
Чем рыбе на обед достаться».

«Что бог велит, тому и быть! —
Сказал Годафруа. — С друзьями
Я рад добро и зло делить;
Его святая власть над нами».

А Карл молчал: он у руля
Сидел и правил. Вдруг явилась
Святая вдалеке земля.
Блеснуло солнце, буря скрылась.

СТАРЫЙ РЫЦАРЬ

Он был весной своей
В земле обетованной
И много славных дней
Провел в тревоге бранной.

Там ветку от святой
Оливы оторвал он;
На шлем железный свой
Ту ветку навязал он.

С неверным он врагом,
Нося ту ветку, бился
И с нею в отчий дом
Прославлен возвратился.

Ту ветку посадил
Сам в землю он родную
И часто приносил
Ей воду ключевую.

Он стал старик седой,
И сила мышц пропала;
Из ветки молодой
Олива дровом стала.

Под нею часто он
Сидит, уединенный,
В невыразимый сон
Душою погруженный.

Над ним, как друг, стоит,
Обняв его седины,
И ветвями шумит
Олива Палестины;

И, внемля ей во сне,
Вздыхает он глубоко
О славной старине
И о земле далекой.

Ф. Н. Глинка

ВЗДОХ ТРУБАДУРА

Увы! прошла пора сердечного покоя,
Пора восторгов и стихов!
Уже я цитры не настрою,
Не слажу песни про *любовь!*

Любовь так сладко отманила
Певца от лавров и меча!
И так мне горько изменила:
В руках *замок*, да нет *ключа!*

Одной туда взойдет дорожкой:
И та, как крепость, заперта!
Ах! если бы хотя в окошко
Мне улыбнулась красота!..

А. А. Дельвиг

РОМАНС

— Проснися, рыцарь, путь далек
До царского турнира.
Луч солнца жарок, взнуздаң конь,
Нас ждет владыка мира!

«Оставь меня! Пусть долог путь
До царского турнира.
Пусть солнце жжет, пусть ждет иных
К себе владыка мира!»

— Проснися, рыцарь, пробудись!
Сон по трудам услада;
Спеши к столице! Царска дочь
Храбрейшему награда!

«Что мне до дочери царя?
Мне почестей не надо!
Пусть их лишушь, оставь мне сон,
Мне только в нем отрада!

Имел я друга — друга нет,
Имел супругу — то же!
Их взял создатель! я ж молюсь:
К ним и меня, мой боже!

Ложусь в молитве, сон едва
Глаза покроет — что же?
Они со мной, всю ночь мое
Не покидают ложе.

Меня ласкают, говорят
О царстве божьем, нежно
Мне улыбаются, манят
Меня рукою снежной!

Куда? За ними! Но привстать
Нет сил! Что сплю я, знаю!
Но с ними жить и в сне я рад
И в сне их зреть желаю!»

А. С. Пушкин

СЦЕНЫ ИЗ РЫЦАРСКИХ ВРЕМЕН

М а р т ы н

Послушай, Франц, в последний раз говорю тебе как отец: я долго терпел твои проказы; а долее терпеть не намерен. Уймись, или худо будет.

Ф р а н ц

Помилуй, батюшка; за что ты на меня сердишься? Я, кажется, ничего не делаю.

М а р т ы н

Ничего не делаю! то-то и худо, что ничего не делаешь. Ты ленивец, даром хлеб ешь да небо коптишь. На что ты надеешься? на мое богатство? Да разве я разбогател, сложа руки да сочиняя глупые песни? Как минуло мне четырнадцать лет, покойный отец дал мне два крейцера в руку да два пинка в гузно, да примолвил: ступай-ка, Мартын, сам кормиться, а мне и без тебя тяжело. С той поры мы уж и не видались; слава богу, нажил я себе и дом, и деньги, и честное имя — а чем? бережливостию, терпением, трудолюбием. Вот уж мне и за пятьдесят, и пора бы уж отдохнуть да тебе передать и счетные книги и весь дом. А могу ли о том и подумать? Какую могу иметь к тебе доверенность? Тебе бы только гулять с господами, которые нас презирают да забирают в долг товары. Я знаю тебя, ты стыдишься своего состояния. Но слушай, Франц. Коли ты не переменишься, не отстанешь от дворян да не примешься порядком за свое дело — то, видит бог, выгоню тебя из дому, а своим наследником назначу Карла Герца, моего подмастерья.

Ф р а н ц

Твоя воля, батюшка; делай, как хочешь.

М а р т ы н

То-то же; смотри...

(Входит брат Бертольд.)

М а р т ы н

Вон и другой сумасброд. Зачем пожаловал?

Бертольд
Здравствуй, сосед. Мне до тебя нужда.

Мартын
Нужда! Опять денег?

Бертольд
Да... не можешь ли одолжить полтораста гульденов?

Мартын
Как не так — где мне их взять? Я ведь не клад.

Бертольд
Пожалуй — не скупись. Ты знаешь, что эти деньги для тебя не пропавшие.

Мартын
Как не пропавшие? Мало ли я тебе передавал денег? куда они делись?

Бертольд
В дело пошли; но теперь прошу тебя уж в последний раз.

Мартын
Об этих последних разгах я слышу уж не в первый раз.

Бертольд
Нет, право. Последний мой опыт не удался от безделицы — теперь уж я все расчислил; опыт мой не может не удался.

Мартын
Эх, отец Бертольд! Коли бы ты не побросал в алхимический огонь всех денег, которые прошли через твои руки, то был бы богат. Ты сулишь мне сокровища, а сам приходишь ко мне за милостыней. Какой тут смысл?

Бертольд
Золота мне не нужно, я ищу одной истины.

Мартын
А мне черт ли в истине, мне нужно золото.

Бертольд
Так ты не хочешь поверить мне еще?

М а р т ы н

Не могу и не хочу.

Б е р т о л ь д

Так прощай же, сосед.

М а р т ы н

Прощай.

Б е р т о л ь д

Пойду к барону Раулю, авось даст он мне денег.

М а р т ы н

Барон Рауль? да где взять ему денег? Вассалы его разорены.— А, слава богу, нынче по большим дорогам не так-то легко наживаться.

Б е р т о л ь д

Я думаю, у него деньги есть, потому что у герцога затевается турнир, и барон туда отправляется. Прощай.

М а р т ы н

И ты думаешь, даст он тебе денег?

Б е р т о л ь д

Может быть, и даст.

М а р т ы н

И ты употребишь их на последний опыт?

Б е р т о л ь д

Непременно.

М а р т ы н

А если опыт не удастся?

Б е р т о л ь д

Нечего будет делать. Если и этот опыт не удастся, то алхимия вздор.

М а р т ы н

А если удастся?

Б е р т о л ь д

Тогда... я возвращу тебе с лихвой и благодарностью все суммы, которые занял у тебя, а барону Раулю открою великую тайну.

М а р т ы н

Зачем барону, а не мне?.

Б е р т о л ь д

И рад бы, да не могу: ты знаешь, что я обещался пресвятой богородице разделить мою тайну с тем, кто поможет мне при последнем и решительном моем опыте.

М а р т ы н

Эх, отец Бертольд, охота тебе разоряться! Куда ж ты? — постой! Ну, так и быть. На этот раз дам тебе денег взаймы. Бог с тобою! Но смотри ж, сдержи свое слово. Пусть этот опыт будет последним и решительным.

Б е р т о л ь д

Не бойся. Другого уж не понадобится...

М а р т ы н

Погоди же здесь; сейчас тебе вынесу — сколько, бишь, тебе надобно?

Б е р т о л ь д

Полтораста гульденов.

М а р т ы н

Полтораста гульденов.: Боже мой! и еще в какие крутые времена!

БЕРТОЛЬД И ФРАНЦ

Б е р т о л ь д

Здравствуй, Франц, о чем ты задумался?

Ф р а н ц

Как мне не задумываться? Сейчас отец грозился меня выгнать и лишить наследства.

Б е р т о л ь д

За что это?

Франц

За то, что я знакомство веду с рыцарями.

Бертольд

Он не совсем прав, да и не совсем виноват.

Франц

Развѣ мещанин недостойн дышать одним воздухом с дворянином? Развѣ не все мы произошли от Адама?

Бертольд

Правда, правда. Но видишь, Франц, уже этому давно: Каин и Авель были тоже братья, а Каин не мог дышать одним воздухом с Авелем — и они не были равны перед богом. В первом семействе уже мы видим неравенство и зависть.

Франц

Виноват ли я в том, что не люблю своего состояния? что честь для меня дороже денег?

Бертольд

Всякое состояние имеет свою честь и свою выгоду. Дворянин воюет и красуется. Мещанин трудится и богатеет. Почтен дворянин за решеткою своей башни, купец — в своей лавке... Но он был бы смешон на турнире.

(Входит Мартын.)

Мартын

Вот тебе полтора ста гульденов — смотри же, тешу тебя в последний раз.

Бертольд

Благодарен, очень благодарен. Увидишь, не будешь раскисаться.

Мартын

Постой! Ну, а если опыт твой тебе удастся, и у тебя будет и золота и славы вдоволь, будешь ли ты спокойно наслаждаться жизнью?

Бертольд

Займусь еще одним исследованием: мне кажется, есть средство открыть *perpetuum mobile*...

Мартын

Что такое *perpetuum mobile*?

Бертольд

Perpetuum mobile, то есть *вечное движение*. Если найду вечное движение, то я не вижу границ творчеству человеческому... видишь ли, добрый мой Мартын: делать золото задача заманчивая, открытие, может быть, любопытное — но найти *perpetuum mobile*... о!..

Мартын

Убирайся к черту с твоим *perpetuum mobile*!.. Ей-богу, отец Бертольд, ты хоть кого из терпения выведешь. Ты требуешь денег на дело, а говоришь бог знает что. Невозможно. Экой он сумасброд!

Бертольд

Экой он брюзга!

(Расходятся в разные стороны.)

Франц

Черт побери наше состояние! — Отец у меня богат, — а мне какое дело? Дворянин, у которого нет ничего, кроме зазубренного меча да заржавленного шлема, счастливее и почетнее отца моего. Отец мой сымает перед ним шляпу — а тот и не смотрит на него. — Деньги! потому что деньги достались ему не дешево, так он и думает, что в деньгах вся и сила — как не так! Если он так силен, попробуй отец ввести меня в баронский замок! Деньги! Деньги рыцарю не нужны — на то есть мещане — как прижмет их, так и забрызжет кровь червонцами!.. Черт побери наше состояние! — Да по мне лучше быть последним министелем — этого по крайней мере в замке принимают... Госпожа слушает его песни, наливает ему чашу и подносит из своих рук...

Купец, сидя за своими книгами, считает, считает, клянется, хитрит перед всяким покупщиком: «Ей-богу, сударь, самый лучший товар, дешевле нигде не найдете». — Врешь ты, жид. — «Никак нет, честию вас уверяю»... Честью!.. Хороша честь! А рыцарь — он волен как сокол... он никогда не горбился над счетами, он идет прямо и гордо, он скажет слово, ему верят...

Да разве это жизнь? Черт его побери! — Пойду лучше в министрели.

Однако, что это сказал монах? Турнир в*, и туда едет

барон — ах, боже мой! там будет и Клотильда. Дамы обсядут кругом, трепеща за своих рыцарей, — трубы затрубят — выступят герольды — рыцари объедут поле, преклоняя копья перед балконом своих красавиц... Трубы опять затрубят — рыцари разъедутся — помчатся друг на друга... дамы ахнут... боже мой! и никогда не подыму я пыли на турнире, никогда герольды не возгласят моего имени, презренного мещанского имени, никогда Клотильда не ахнет...

Деньги! кабы знал он, как рыцари презирают нас, несмотря на наши деньги...

А л ь б е р

А! это Франц; на кого ты раскричался?

Ф р а н ц

Ах, сударь, вы меня слышали... Я сам с собою рассуждал...

А л ь б е р

А о чем рассуждал ты сам с собою?

Ф р а н ц

Я думал, как бы мне попасть на турнир.

А л ь б е р

Ты хочешь попасть на турнир?

Ф р а н ц

Точно так.

А л ь б е р

Ничего нет легче: у меня умер мой конюший — хочешь ли на его место?

Ф р а н ц

Как! бедный ваш Яков умер? отчего ж он умер?

А л ь б е р

Ей-богу, не знаю — в пятницу он был здоровешенек; вечером воротился я поздно (я был в гостях у Ремона и порядочно подпил) — Яков сказал мне что-то... я рассердился и ударил его, — помнится, по щеке — а может быть, и в висок, — однако, нет: точно по щеке; Яков повалился — да уж и не встал; я лег не раздевшись — а на другой день узнаю, что мой бедный Яков — умрѐ.

Ф р а н ц

Ай, рыцарь! видно, пощечины ваши тяжелы.

А л ь б е р

На мне была железная рукавица.— Ну что же, хочешь быть моим конюшим?

Ф р а н ц *(почесывается)*

Вашим конюшим?

А л ь б е р

Что ж ты почесываешься? соглашайся.— Я возьму тебя на турнир — ты будешь жить у меня в замке. Быть оруженосцем у такого рыцаря, каков я, не шутка: ведь уж это ступень. Со временем, как знать, тебя посвятим и в рыцари — многие так начинали.

Ф р а н ц

А что скажет мой отец?

А л ь б е р

А ему какое дело до тебя?

Ф р а н ц

Он меня наследства лишит...

А л ь б е р

А ты плюнь — тебе же будет легче.

Ф р а н ц

И я буду жить у вас в замке?..

А л ь б е р

Конечно.— Ну, согласен?

Ф р а н ц

Вы не будете давать мне пощечин?

А л ь б е р

Нет, нет, не бойся; а хоть и случится такой грех — что за беда? — не все ж конюшие убиты до смерти.

Ф р а н ц

И то правда: коли случится такой грех — посмотрим, кто кого...

А л ь б е р

Что? что ты говоришь, я тебя не понял?

Ф р а н ц

Так, я думал сам про себя.

А л ь б е р

Ну, что ж — соглашайся...

Ф р а н ц

Извольте — согласен.

А л ь б е р

Нечего было и думать. Достань-ка себе лошадь и приходи ко мне.

БЕРТА И КЛОТИЛЬДА

К л о т и л ь д а

Берта, скажи мне что-нибудь, мне скучно.

Б е р т а

О чем же я буду вам говорить? — не о нашем ли рыцаре?

К л о т и л ь д а

О каком рыцаре?

Б е р т а

О том, который остался победителем на турнире.

К л о т и л ь д а

О графе Ротенфельде. Нет, я не хочу говорить о нем; вот уже две недели, как мы возвратились, — а он и не думал приехать к нам; это с его стороны неучтивость.

Б е р т а

Погодите — я уверена, что он будет завтра...

К л о т и л ь д а

Почему ты так думаешь?

Б е р т а

Потому, что я его во сне видела.

К л о т и л ь д а

И, боже мой! Это ничего не значит. Я всякую ночь вижу его во сне.

Б е р т а

Это совсем другое дело — вы в него влюблены.

К л о т и л ь д а

Я влюблена! Прошу пустяков не говорить... Да и про графа Ротенфельда толковать тебе нечего. Говори мне о ком-нибудь другом.

Б е р т а

О ком же? О конюшем братца, о Франце?

К л о т и л ь д а

Пожалуй — говори мне о Франце.

Б е р т а

Вообразите, сударыня, что он от вас без ума.

К л о т и л ь д а

Франц от меня без ума? кто тебе это сказал?

Б е р т а

Никто, я сама заметила, когда вы садитесь верхом, он всегда держит вам стремя; когда служит за столом, он не видит никого, кроме вас; если вы уроните платок, он всех проворнее его подымет, — а на нас и не смотрит...

К л о т и л ь д а

Или ты дура, или Франц предерзкая тварь...

(Входят Альбер, Ротенфельд и Франц.)

А л ь б е р

Сестра, представляю тебе твоего рыцаря, граф приехал погостить в нашем замке.

Г р а ф

Позвольте, благородная девица, недостойному вашему рыцарю еще раз поцеловать ту прекрасную руку, из которой получил я драгоценнейшую награду...

К л о т и л ь д а

Граф, я рада, что имею честь принимать вас у себя... Братец, я буду вас ожидать в северной башне... (*Уходит.*)

Г р а ф

Как она прекрасна!

А л ь б е р

Она предобрая девушка. Граф, что же вы не раздеваетесь? Где ваши слуги? Франц! разуь графа. (*Франц медлит.*) Франц, разве ты глух?

Ф р а н ц

Я не всемирный слуга, чтобы всякого разувать...

Г р а ф

Ого, какой удалец!

А л ь б е р

Грубиян! (*Замахивается.*) Я тебя прогоню!

Ф р а н ц

Я сам готов оставить замок.

А л ь б е р

Мужик, подлая тварь! Извините, граф, я с ним управлюсь... Вон!.. (*Толкает его в спину.*) Чтобы духа твоего здесь не было.

Г р а ф

Пожалуйста, не трогайте этого дурака; он, право, не стоит...

К л о т и л ь д а

Братец, мне до тебя просьба.

А л ь б е р

Чего ты хочешь?

К л о т и л ь д а

Пожалуйста, прогони своего конюшего Франца; он осмелился мне нагрубить...

А л ь б е р

Как! и тебе?.. Жаль же, что я уж его прогнал; он от меня так скоро б не отделался. Да что ж он сделал?

К л о т и л ь д а

Так, ничего. Если ты уж его прогнал, так нечего и говорить. Скажи, братец, долго ли граф пробудет у нас?

А л ь б е р

Думаю, сестра, что это будет зависеть от тебя. Что ж ты краснеешь?..

К л о т и л ь д а

Ты все шутишь... А он и не думает...

А л ь б е р

Не думает? о чем же?

К л ъ т и л ь д а

Ах, братец, какой ты несносный! Я говорю, что граф обо мне и не думает...

А л ь б е р

Посмотрим, посмотрим — что будет, то будет.

Ф р а н ц

Вот наш домик... Зачем было мне оставлять его для гордого замка? Здесь я был хозяин, а там — слуга... и для чего?.. Для гордых взоров наглой благородной девицы. Я переносил унижения, я унился в глазах моих — я сделался слугою того, кто был моим товарищем, я привык сносить детские обиды глупого, избалованного повесы... я не примечал ничего... Я, который не хотел зависеть от отца, — я стал зависим от чужого... И чем это все кончилось? — боже... кровь кидается в лицо — кулаки мои сжимаются... О, я им отомщу, отомщу...

Как-то примет меня отец! (*Стучится.*)

К а р л (*выходит*)

Кто там так бодро стучится? — А! Франц, это ты! (*Про себя.*) Вот черт принес!

Ф р а н ц

Здравствуй, Карл; отец дома?

К а р л

Ах, Франц,— давно же ты здесь не был... Отец твой с месяц как уж помер.

Ф р а н ц

Боже мой! Что ты говоришь?.. Отец мой умер! — Невозможно!

К а р л

Так-то возможно, что его и схоронили.

Ф р а н ц

Бедный, бедный старик!.. И мне не дали знать, что он болен! может быть, он умер с горести — он меня любил; он чувствовал сильно. Карл, и ты не мог послать за мною! Он меня бы благословил...

К а р л

Он умер, осердясь на приказчика и выпив сгоряча три бутылки пива — оттого и умер. Знаешь ли что еще, Франц? Ведь он лишил тебя наследства — а отдал все свое имение...

Ф р а н ц

Кому?

К а р л

Не смею тебе сказать — ты такой вспыльчивый...

Ф р а н ц

Знаю: тебе...

К а р л

Бог видит, я не виноват. — Я готов был бы тебе все отдать... потому что, видишь ли, хоть закон и на моей стороне, — однако, вот, по совести, чувствую, что все-таки сын — наследник отца, а не подмастерье... Но видишь, Франц... я ждал тебя, а ты не приходил — я и женился... а вот теперь, как женат, уж я и не знаю, что делать... и как быть...

Ф р а н ц

Владей себе моим наследством, Карл, я у тебя его не требую. На ком ты женат?

К а р л

На Юлии Фурст, мой добрый Франц, на дочери Иоганна Фурста, нашего соседа... Я тебе ее покажу. Коли хочешь остаться, то у меня есть порожний уголок...

Ф р а н ц

Нет, благодарствуй, Карл. Кланяйся Юлии — и вот отдай ей эту серебряную цепочку — от меня на память...

К а р л

Добрый Франц! — Хочешь с нами отобедать? — мы только что сели за стол...

Ф р а н ц

Не могу, я спешу...

К а р л

Куда же?

Ф р а н ц

Так, сам не знаю — прощай.

К а р л

Прощай, бог тебе помоги. (*Франц уходит.*) А какой он добрый малый, — и как жаль, что он такой беспутный! — Ну, теперь я совершенно покоен, у меня не будет ни тяжбы, ни хлопот.

ВАССАЛЫ,

вооруженные косами и дубинами.

Ф р а н ц

Они проедут через эту лужайку — смотрите же, не робеть; подпустите их как можно ближе, продолжая косить, рыцари на вас гаркнут — и наскочут, — тут вы размахнитесь косами по лошадиным ногам, а мы из лесу и приударим... чу!.. Вот они.

(*Франц с частью вассалов скрывается за лес.*)

К о с а р и (*поют*)

Ходит во поле коса,
Зеленая полоса
Вслед за ней ложится.

Ой, ходи, моя коса.
Сердце веселится.
*(Несколько рыцарей,
между ними Альбер и Ротенфельд.)*

Рыцари

Гей, вы — долой с дороги!

(Вассалы снимают шляпы и не трогаются.)

Альбер

Долой, говорят вам!.. Что это значит, Ротенфельд? они ни с места.

Ротенфельд

А вот, пришпорим лошадей да потопчем их порядком...

Косари

Ребята, не робеть...

(Лошади раненые падают с седоками, другие бесятся.)

Франц *(бросается из засады)*

Вперед, ребята! У!у!..

Один рыцарь *(другому)*

Плохо, брат, — их более ста человек...

Другой

Ничего, нас еще пятеро верхами...

Рыцари

Подлецы, собаки, вот мы вас!

Вассалы

У! у! у!..

(Сражение. Все рыцари падают один за другим.)

Вассалы *(бьют их дубинами, косами)*

Наша взяла... Кровопийцы! разбойники! гордецы поганые!
Теперь вы в наших руках...

Франц

Который из них Ротенфельд? — Друзья! подымите забра-
ла, — где Альбер?

(Едет другая толпа рыцарей.)

Один из них

Господа! посмотрите, что это значит? Здесь дерутся...

Другой

Это бунт — подлый народ бьет рыцарей...

Рыцари

Господа! господа!.. Копья в упор!.. Пришпоривай!..
(Наехавшие рыцари нападают на вассалов.)

Вассалы

Беда! Беда! Это рыцари!.. *(Разбегаются.)*

Франц

Куда вы! Оглянитесь, их нет и десяти человек!..
(Он ранен; рыцарь хватает его за ворот.)

Рыцарь

Постой! брат... успеешь им проповедать.

Другой

И эти подлые твари могли победить благородных рыцарей! смотрите, один, два, три... девять рыцарей убито. Да это ужас.
(Лежащие рыцари встают один за другим.)

Рыцари

Как! вы живы?

Альбер

Благодаря железным латам... *(Все смеются.)* Ага! Франц, это ты, дружок! Очень рад, что встречаю тебя... Господа рыцари! благодарим за великодушную помощь.

Один из рыцарей

Не за что; на нашем месте вы бы сделали то же самое.

Ротенфельд

Смею ли просить вас в мой замок дни на три, отдохнуть после сражения и дружески попить?..

Рыцарь

Извините, что не можем воспользоваться вашим благород-

ным гостеприимством. Мы спешим на похороны Эльсбергского принца — и боимся опоздать...

Ротенфельд

По крайней мере сделайте мне честь у меня отужинать...

Рыцарь

С удовольствием. — Но у вас нет лошадей, — позвольте предложить вам наших... мы сядем за вами, как освобожденные красавицы. (*Садятся.*) А этого молодца, так и быть, доведем уж до первой виселицы... Господа, помогите его привязать к репице моей лошади...

ЗАМОК РОТЕНФЕЛЬДА

(*Рыцари ужинают.*)

Один рыцарь

Славное вино!

Ротенфельд

Ему более ста лет... Прадед мой поставил его в погреб, отправляясь в Палестину, где и остался; этот поход ему стоил двух замков и ротенфельдской рощи, которую продал он за бесценнок какому-то епископу.

Рыцарь

Славное вино! — За здоровье благородной хозяйки!..

Рыцари

За здоровье прекрасной и благородной хозяйки!..

Клотильда

Благодарю вас, рыцари... За здоровье ваших дам...

(*Пьет.*)

Ротенфельд

За здоровье наших избавителей!

Рыцари

За здоровье наших избавителей!

Один из рыцарей

Ротенфельд! праздник ваш прекрасен; но ему чего-то недостает...

Ротенфельд

Знаю, кипрского вина; что делать — все вышло на прошлой неделе.

Рыцарь

Нет, не кипрского вина; недостает песен миннезингера...

Ротенфельд

Правда, правда... Нет ли в соседстве миннезингера; ступайте-ка в гостиницу...

Альбер

Да чего ж нам лучше? Ведь Франц еще не повешен — кликнуть его сюда...

Ротенфельд

И в самом деле, кликнуть сюда Франца!

Рыцарь

Кто этот Франц?

Ротенфельд

Да тот самый негодяй, которого вы взяли сегодня в плен.

Рыцарь

Так он и миннезингер?

Альбер

О! все, что вам угодно. Вот он.

Ротенфельд

Франц! рыцари хотят послушать твоих песен, коли страх не отшиб у тебя памяти, а голос еще не пропал.

Франц

Чего мне бояться? Пожалуй, я вам спою песню моего сочинения. Голос мой не задрожит, и язык не отнялся.

Ротенфельд

Посмотрим, посмотрим. Ну — начинай...

Франц (поет)

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
Он до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

Он себе на шею четки
Вместо шарфа навязал,
И с лица стальной решетки
Ни пред кем не подымал.

Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
А. М. D. своею кровью
Начертал он на щите.

И в пустынях Палестины,
Между тем как по скалам
Мчались в битву паладины,
Именуя громко дам,—

«Lumen coeli, sancta rosa!»¹ —
Восклицал он, дик и рыан,
И как гром его угроза
Поражала мусульман.

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключен;
Все безмолвный, все печальный,
Как безумец умер он.

(Восклицанья.)

---

¹ Свет небесный, святая роза! (лат.)

Рыцари

Славная песня; да она слишком заунывна. Нет ли чего повеселее?

Франц

Извольте; есть и повеселее.

Ротенфельд

Люблю за то, что не унывает! — Вот тебе кубок вина.

Франц

Воротился ночью мельник...
— Жонка! что за сапоги?
— Ах ты, пьяница, бездельник!
Где ты видишь сапоги?
Иль мутит тебя лукавый?
Это ведра. — Ведра? право? —
Вот уж сорок лет живу,
Ни во сне, ни на яву
Не видал до этих пор
Я на ведрах медных шпор.

Рыцари

Славная песня! прекрасная песня! — ай да миннезингер!

Ротенфельд

А все-таки я тебя повешу.

Рыцари

Конечно — песни песнею, а веревка веревкой. Одно другому не мешает.

Клотильда

Господа рыцари! я имею просьбу до вас — обещайтесь не отказать.

Рыцарь

Что изволите приказать?

Другой

Мы готовы во всем повиноваться.

Клотильда

Нельзя ли помиловать этого бедного человека?.. он уже довольно наказан и раной и страхом виселицы.

Ротенфельд

Помиловать его!.. Да вы не знаете подлого народа. Если не пугнуть их порядком да пощадить их предводителя, то они завтра же взбунтуются опять...

Клотильда

Нет, я ручаюсь за Франца. Франц! Не правда ли, что если тебя помилют, то уже более бунтовать не станешь?

Франц *(в чрезвычайном смущении)*

Сударыня... Сударыня...

Рыцарь

Ну, Ротенфельд... что дама требует, в том рыцарь не может отказать. Надобно его помиловать.

Рыцари

Надобно его помиловать.

Ротенфельд

Так и быть: мы его не повесим, — но запрем его в тюрьму, и даю мое честное слово, что он до тех пор из нее не выйдет, пока стены замка моего не подымутся на воздух и не разлетятся...

Рыцари

Быть так...

Клотильда

Однако...

Ротенфельд

Сударыня, я дал честное слово.

Франц

Как, вечное заключение! Да по мне лучше умереть.

Ротенфельд

Твоего мнения не спрашивают... Отведите его в башню...
(Франца уводят.)

Франц

Однако ж я ей обязан жизнью!

. . . . .

_____

Н. П. Огарев

МИННЕЗИНГЕР

Нет у певца страны родной,
Из края в край далекой
Он с арфой звонкой за спиной
Блуждает одиноко.

Нет встреч отрадных для него
И горькой нет разлуки;
Но в глубине души его
Всё сны, да сны, да звуки.

Но в сердце, как святыню, он
Чудесный образ носит,
И тщетно и безумно он
Любви и счастья просит.
Из глубины души его
Встают и сны и звуки,
И песня звонкая его
Полна любви и муки.

М. Ю. Лермонтов

ПЛЕННЫЙ РЫЦАРЬ

Молча сажу под окошком темницы;
Синее небо отсюда мне видно:
В небе играют всё вольные птицы;
Глядя на них, мне и больно и стыдно.

Нет на устах моих грешной молитвы,
Нету ни песни во славу любезной:
Помню я только старинные битвы,
Меч мой тяжелый да панцирь железный.

В каменный панцирь я ныне закован,
Каменный шлем мою голову давит,
Щит мой от стрел и меча заколдован,
Конь мой бежит, и никто им не правит.

Быстрое время — мой конь неизменный,
Шлема забрало — решетка бойницы,
Каменный панцирь — высокие стены,
Щит мой — чугунные двери темницы.

Мчись же быстрее, летучее время!
Душно под новой броней мне стало!
Смерть, как приедем, подержит мне стремя;
Слезу и сдерну с лица я забрало.

* * *

Он был в краю святом,
На холмах Палестины.
Стальной его, шелом
Иссекли сарацины.

Понес он в край святой
Цветущие ланиты;
Вернулся он домой
Плешивый и избитый.

Неверных он громил
Обеими руками —

Ни жен их не щадил,
Ни малых с стариками.

Встречаясь с ним подчас,
Смущались красотки;
Он п... их не раз,
Перебирая четки.

Вернулся он в свой дом
Без славы и без злата;
Глядит — детей Содом,
Жена его брюхата.

Пришибло старика...

А. А. Фет

БЕРТРАН ДЕ БОРН

(Из Уланда)

На утесе том дымится
Аутафорт, сложен во прах,
И пред ставкой королевской
Властелин его в цепях.
«Ты ли, что мечом и песней
Поднял бунт на всех концах,
Что к отцу непослушанье
У детей вселил в сердцах?»

Тот ли здесь, что выхвалялся,
Не стыдяся никого,
Что ему и половины
Хватит духа своего?
Если мало половины,
Призови его всего
Замок твой отстроить снова,
Снять оковы с самого».

«Мой король и повелитель,
Пред тобой Бертран де Борн,
Что возжег единой песнью
Перигорд и Вентадорн,
Что у мощного владыки
Был в глазу колючий терн,
Тот, из-за кого гнев отчий
Короля пылал как горн.

Дочь твоя сидела в зале,
С ней был герцог обручен,
И гонец мой спел ей песню,
Мною песне обучен;
Спел, как сердце в ней гордилось,
Что певец в нее влюблен,
И убор невесты пышный
Весь слезами стал смочен.

В бой твой лучший сын воспрянул.
Кинув долю без забот,

Как моих воинских песен
Гром донес к нему народ.
На коня он сел поспешно,
Сам я знамя нес вперед.
Тут стрелою он пронзенный
У Монфортовых пал ворот!

На руках моих он, бедный,
Окровавленный лежал,
Не от боли, — от проклятья
Он отцовского дрожал.
Вдаль к тебе он тщетно руку
На прощанье простирал,
Но, твоей не повстречавши,
Он мою еще пожал.

Тут, как Ауафорт мой, горе
Надломило силача:
Ни вполне, ни вполвину,
Ни струны и ни меча.
Лишь расслабленного духом
Ты сразил меня сплеча;
Для одной лишь песни скорби
Он поднялся сгоряча».

И король челом поникнул:
«Сына мне ты возмутил,
Сердце дочери пленил ты —
И мое ты победил.
Дай же руку, друг сыновний,
За него тебя простил!
Прочь оковы! — Твоего же
Духа вздох я ощутил».

А. Н. Майков

РЫЦАРЬ

(Из Bertrand de Born)

Смело, не потупя взора,
Но как праведник, на суд
К вам являюсь я, синьора,
И скажу одно: вам лгут.
Пусть при первом же сраженьи
Я бегу, как подлый трус;
Пусть от вас я предпочтенья
Пред соперником лишусь;
Пусть в азарте, в чет и нечет,
Все спущу я — меч, коня,
Латы, замки и поля;
Пусть мной выхоженный кречет
На глазах моих с высот
Наземь камнем упадет,
В бой вступив в воздушном поле
С целой стаей соколов;
Наконец, я сам готов
Сгнить у мавров в злой неволе
От истомы и оков,—
Коль не ложь — моя измена,
Не гнуснейшая из лжей,
Что я рвусь уйти из плена
У владычицы моей.

МЕНЕСТРЕЛЬ

(Провансальский рассказ)

Жил-был менестрель в Провансальской земле,
В почете он жил при самом короле...
«Молчите, проклятые струны!»

Король был неровня другим королям,
Свой род возводил он к бессмертным богам...
«Молчите, проклятые струны!»

И дочь он, красавицу Берту, имел...
Смотрел лишь на Берту певец, когда пел...
«Молчите, проклятые струны!»

Когда же он пел, то дрожала она —
То вспыхнет огнем, то как мрамор бледна...
«Молчите, проклятые струны!»

И сам император посватался к ней...
Глядит менестрель все угрюмей и злей...
«Молчите, проклятые струны!»

Дан знак менестрелю: когда будет бал,
Чтоб в темной аллее у грота он ждал...
«Молчите, проклятые струны!»

Что было, чью руку лобзал он в слезах,
И чей поцелуй у него на устах...
«Молчите, проклятые струны!»

Что кесаря значит внезапный отъезд,
Чей в склепе фамильном стоит новый крест —
«Молчите, проклятые струны!»

Из казней какую король изобрел,
О чем с палачом долго речи он вел —
«Молчите, проклятые струны!»

Погиб менестрель, бедный вешний цветок!
Король даже лютию разбил сам и сжег...
«Молчите, проклятые струны!»

И лютию он сжег — но не греза, не сон,
Везде его лютии преследует звон...
«Молчите, проклятые струны!»

Он слышит: незримые струны звучат,
И страшные, ясно, слова говорят...
«Молчите, проклятые струны!»

Не ест он, не пьет он, и ночи не спит,
Молчит, — лишь порой, как безумный, кричит:
«Молчите, проклятые струны!»

Д. Д. Минаев

ИЗ ДИТМАРА ФОН АЙСТА

На поляне одинокая
    Девушка стояла,
Поджидала друга милого,
    Долго поджидала
И, увидя птицу-сокола,
    Соколу сказала:

«Как ты счастлив! Где угодно
Можешь ты летать свободно —
В поднебесье место есть;
В темной роще, не робея,
Где захочешь, можешь сесть.
Захотела и себе я
Выбрать по сердцу дружка,
Да завидовать — беда —
Стали женщины мне всюду.
Я до гроба плакать буду,
Если милого отдать
Мне они не захотят!
Мне и в мысль не приходило
Им завидовать — лишать
Их того, что было мило...

Как для птицы нужно пенье,
Цвет и зелень для растенья,
Соловью — дыханье розы,
Светлым звездам — сумрак ночи,
Так мне, бедной, нужны слезы,
Омрачающие очи.

Воротись же, мой желанный,
Верный клятве прежде данной!
Вспомни, как, желанный, свято
Ты любил меня когда-то!»

ИЗ ГЕНРИХА ФОН ФЕЛЬДЕКЕ

Зимой тоскливо в нас сердце сжимается,
Но вот снова роща листвою покрывается,

Вновь поле под солнцем в цветы наряжается —
И грусть наша вместе с зимою скрывается.

Когда я почую весны дуновение
И каждая травка, цветок и растение
Воскреснет и птичек послушится пение —
Душой оживаю я в то же мгновение.

Под липою, счастьем любви упоенная,
Я с милым укроюсь под ветви зеленые;
Ласкать меня станет он в ночи бессонные
И будет плести мне венки благовонные.

Я знаю, как ласков мой милый становится,
Когда угодить мне подарком готовится:
Ничем он меня огорчить не решается
И только цветами украсить старается.

Когда же я мая дождусь легкокрылого?
Когда обниму, расцелую я милого
И очи его соколиные, ясные?
Он свет для очей моих, солнышко красное!

ИЗ ВАЛЬТЕРА ФОН ДЕР ФОГЕЛЬВЕЙДЕ

Вы, жены севера, приветствуйте меня:
Никто вас не порадует, как я.
До этих пор вы не слыхали слова
Правдивого и доброго такого,
Какое я произнесу сейчас —
И благодарности горячей жду от вас:
За речь правдивую пред светом
Мне оплатите лаской и приветом.
На целый мир вас прославляя, к вам
Я в мире возбужу благоговенье,
Свободу дав восторженным словам,
Не требуя наград за прославление.
Чего желать мне от германских жен?
Величием их так я поражен,
Что взгляд один очей их несравненных
Дороже мне камней драгоценных.
В чужих краях нередко я блуждал,
Но увлечен чарующею силой

Я никогда нигде не забывал
Ни дев, ни жен своей отчизны милой.
К чему мне лгать? В сердечной глубине
Носил я образ женщины немецкой —
И был всегда он мил и дорог мне
Своею непорочностью детской.
В других странах подобных женщин нет!
От рейнских волн до Эльбы и границы
Венгерской — находил я пышный цвет
Невинных дев, как сон отроковицы.
Их прелесть я умел распознавать,
Как лучшего цветка благоуханье —
И чище, целомудренней созданья,
Клянусь, нигде не мог я отыскать.
Как всякий немец скромн благодушно,
Так ангельски прекрасна и нежна
Краса страны — немецкая жена,
К его груди приникшая послушно.
Чей жаждет дух любви и красоты,
Пускай спешит в наш край благословенный.
О, край родной! Могилой будь мне ты:
Тебя прекрасней нет во всей вселенной.

* * *

Девы милые, сердце влекущие,
Красотой непорочной цветущие,
От земли и до солнышка ясного
В мире нет ничего столь прекрасного.
И лилея и розы душистые,
И пернатых певцов серебристые
Песни — мы забываем в смущении
При одном только вашем явлении.
Голос ваш нам милей соловьиного,
И от вашего взгляда единого
Забывается горе глубокое
И печальная жизнь одинокая
Лучезарней, светлее покажется,
Если слово любви вами скажется,
Коль сверкнут ваши очи лазурные
И уста улыбнутся пурпурные.

А. А. Голенищев-Кутузов

* * *

Для битвы честной и суровой
С неправдой, злобою и тьмой
Мне бог дал мысль, мне бог дал слово,
Свой мощный стяг, свой меч святой.
Я их приял из божьей длани,
Как жизни дар, как солнца свет,—
И пусть в пылу на поле брани
Нарушу я любви завет;
Пусть, правый путь во тьме теряя,
Я грех свершу, как блудный сын,—
Господень суд не упреждая,
Да не коснется власть земная
Того, в чем властен бог един!
Да,— наложить на разум цепи
И слово может умертвить
Лишь тот, кто властен вихрю в степи
И грому в небе запретить!

СЕРЕНАДА

Нега волшебная, ночь голубая,
Трепетный сумрак весны;
Внемлет, поникнув головкой, больная
Шепот ночной тишины.

Сон не смыкает блестящие очи,
Жизнь к наслажденью зовет,
А в полумраке медлительной ночи
Смерть серенаду поет:

«Знаю: в темнице суровой и тесной
Молодость вянет твоя.
Рыцарь неведомый, силой чудесной
Освобожу я тебя.

Старость бездушная шепчет напрасно:
Бойся любви молодой!
Ложно измыслила недуг опасный,
Чтоб не ушла ты со мной.

Но посмотри на себя: красотою
Лик твой прозрачный блестит;
Щеки румяны; волнистой косою
Стан твой, как тучей, обвит.

Пристальных глаз голубое сиянье
Ярче небес и огня;
Зноем полуденным веет дыханье —
Ты обольстила меня!

В вешнюю ночь за тюремной оградой
Рыцаря голос твой звал...
Рыцарь пришел за бесценной наградой;
Час упоенья настал!»

Смолкнул напев; прозвучало лобзанье...
В долгом лобзании том
Слышались вопли, мольбы и стенанье —
Тихо все стало потом.

Но поутру, когда ранняя птица
Пела, любуясь зарей,
Робко в окно заглянувши, денница
Труп увидала немой.

К. А. Иванов

ИЗ ГИРАУТА ДЕ БОРНЕЛЯ

Гиро! За что вы так браните
Манеру темную писать
Стихи, хотелось бы мне знать?
Ужели тем,
Что ясно всем,
Вы дорожите так? Тогда
Ведь были б все равны всегда.

Сеньор Линор! прошу, поймите:
Как пишет кто, к чему мне знать?
Поэту волю нужно дать.
Но мило всем
Лишь то, над чем
Не утомится голова.
Вам мысль моя понятна, да?

Гиро! Коль вы узнать хотите,
Мне нелегко стихи писать;
Зачем же труд мне прилагать?
Ужель затем,
Чтоб после всем
Казался вздором труд мой, да?
Лишь в тяжком видит прок толпа.

Линор! Вниманье обратите —
Я, как и вы, тружусь всегда,
Но стоят ли стихи труда,
Когда их свет
Не знает? Нет!
Завидна доля песен тех,
Что создает поэт для всех.

Гиро! Мне дела нет, поймите,
Распространю ль я вещь свою,
Когда я лучшее творю!
Ведь суть не в том,
Что всем кругом

Известна вещь: и соль тогда
Ценней бы золота была.

Линор! Вы верно подтвердите,
Что, споря с милою своей,
Желает милый блага ей...
Кому стихи
Претят мои,
Тот пусть бранит, коль хочет, их
В среде приверженцев своих!

Гиро! О чем вы говорите,
Неясно мне, клянуся я
Вам небом, солнцем, светом дня!
Я — как во сне...
Лишь радость мне
Волнует сладко грудь мою;
Я огорченье прочь гоню.

Линор! Враждебно так, поймите,
Та отнеслась ко мне, в ком вновь
Хотел бы я возжечь любовь,
Что пред Творцом
Молюсь о том!
А что во мне родило пыл
И резкость речи, я забыл.

Клянусь, мне жаль: на Рождество
Вы уезжаете, Гиро!

Линор, уехать должен я:
Зовет к себе король меня.

ИЗ БЕРТРАНА ДЕ БОРНА

Когда бы все и слезы и печали,
Потери все и бедствия земли
Слились в одно, одним бы горем стали,
То и тогда б сравниться не могли
Со смертью Молодого короля.
Печальна Юность, Славы скорбен вид,
Над миром тьма уныния лежит,
Исчезла радость, все полно печали.

Придворные и воины в печали,
Скорбят по нем жонглер и трубадур,
И смерть его, наш грозный враг, едва ли
Не огорчила всех нас чересчур,
Похитив Молодого короля.
И самый щедрый скуп в сравненье с ним;
Со скорбью той, которой мы скорбим,
Сравнить нельзя, поверь, другой печали.

Ликуешь ты, виновница печали,
Гордишься, смерть, добычею своей:
Где рыцаря подобного встречали?
Кто был его отважней и честней?
Нет с нами Молодого короля...
О, лучше если бы Господь решил,
Чтоб с нами он теперь, как прежде, жил!
Не знали б мы тогда такой печали!

Ослаблен мир, исполненный печали,
В нем нет любви, а радость — лживый сон,
Страданья всюду доступ отыскали,
И с каждым днем все хуже, хуже он.
А в сердце Молодого короля
Как в зеркале все отражалось, что
Есть в мире лучшего, и сердце то
Уже не здесь, а все полно печали.

Возносим мы к тому свои моления,
Кто в мир пришел, чтоб нас освободить,
Кто принял смерть для нашего спасенья:
Он справедлив, он милостив; молитъ
Начнем за Молодого короля
Мы Господа, чтоб он его простил,
Чтоб он его в том месте поселил,
Где нет болезней, скорби и печали.

ИЗ ИМПЕРАТОРА ГЕНРИХА

Я приветствую милую песней своей,
Я не в силах уж больше страдать;
Закатились те дни, когда мог перед ней

Свои песни я сам распевать!
Как уныло кругом, как печалюся я!
Если встретится вам дорогая моя,
Передайте привет от меня.
Когда с нею я был, я властителем был
Необъятных сокровищ и стран,
А теперь нет ее, след прекрасной простыл —
Все рассеялось, словно туман.
Лишь печаль разрастается в сердце моем:
То я в счастье живу, то я плачу по нем,
И все близится гроб с каждым днем.
Всей душою люблю свою милую я,
И корона повсюду со мной —
Обе в сердце моем, на уме у меня,
Но мне тяжело с короной одной.
Нет, я радость одну бесконечно ценю —
Радость с милою жить, и за ту, что люблю,
Я бы отдал корону свою.
Кто не станет мне верить, тот станет грешить.
Я бы с милой, блаженствуя, жил
Без короны своей, а без милой прожить
Не могу я на свете, нет сил.
Что останется мне без нее, дорогой?
Никому не желаю я доли такой:
Лучше ведать в изгнание покой!

ИЗ ГЕНРИХА ФОН ФЕЛЬДЕКЕ

Лето прекрасное к нам собирается.
Пташки все веселы в нашей стране.
Пенье задорное их разливается,
Песнями лето встречают оне.

Вольно орлу по весне возрожденной
Крыльями резать небес синеву!..
Знайте, на липе, давно оголенной,
Я подсмотрел молодую листву!

ИЗ ВАЛЬТЕРА ФОН ДЕР ФОГЕЛЬВЕЙДЕ

Жду от вас радушной встречи:
К вам я с вестью, господа.
Все известные вам речи

Не годятся никуда.
Но я жду за то награды,
Хоть неполной, не беда!
Вас порадовать большого нет труда...
Да и почестям мы рады.

Про немецких дам в секрете
Весть хорошую держу;
Будут всех милее в свете,
Если я ее скажу.
А награды мне не надо,
Петь про них поэту честь...
Впрочем, для меня у них награда есть:
Их привет — моя награда.

Много я гулял по свету,
Много я видал всего;
И погибнуть бы поэту,
Если б сердца своего
Не сберег он молодецки,
Верный родине своей.
Что ж служило мне защитой моей?
Да, конечно, нрав немецкий.

Я от края и до края
Землю немцев исходил,
Внешность, нравы наблюдая,
До венгерцев доходил...
Лучше немок, хоть пройдете
Целый свет, поверьте мне, —
Лучше немок женщин ни в какой стране
Ни за что вы не найдете!

Здесь воспитаны мужчины,
Жены — ангелы собой;
Порицанья им причины
Не находят никакой.
Если кто искать желает
Добродетели, любви,
В нашу землю тот направь стопы свои...
В ней блаженство обитает!

Константин Льдов

ПАЛАДИН

Жаждой славы окрыленный,
Простодушный и влюбленный,
Он глядит на божий мир,
Как на рыцарский турнир.

Чуждый страха и упрека,
Против злости и порока
Обращает он свое
Позлащенное копьё.

Но врага он не поносит,
Если, приступ отклоня,
Нападающего сбросит
С чистокровного коня.

Он к сопернику подходит
И — венчая торжество —
Поднимает и подводит
К даме сердца своего.

И в лучах небесных взоров
Гаснет мрак слепых раздоров,
И божественно чиста
Расцветает красота.

Федор Сологуб

МАРГРЕТА И ЛЕБЕРЕХТ

Шутливая песенка

С милой, ясной
Девой красной,
С этой бойкою Маргретой,
Знойным летом разогретой,
Песни пел в лесочке кнехт,
Разудалый Леберехт.

Звонко пели,
Как свирели.

Леберехт твердил Маргрете:
«Краше девки нету в свете!
Но, Маргрета, вот что знай:
Ты с другими не гуляй!»

Ах, Маргрета,
В это ж лето,

Не нарочно, так, случайно,
С подмастерьем Куртом тайно
Обменяла поцелуй
На берегу веселых струй.

Но от кнехта
Леберехта

Не укрылася Маргрета,—
Леберехт все видел это.
Только лишь слились уста,
Леберехт из-за куста.

Курт умчался,
Кнехт остался.

Слов не тратил на угрозы.
Кнехту смех, а Грете слезы.
Но уж с той поры она
Кнехту так была верна!

Скоро с кнехтом
Леберехтом

Под венец пошла Маргрета,
Точно барышня одета,
И уехал Леберехт
Вместе с Гретою в Утрехт.

ИЗ «ТРИОЛЕТОВ»

2

Один в полях моих иду.
Земля и я, и нет иного.
Всё первоначально ясно снова.
Один в полях моих иду
Я, зажигающий звезду,
В просторе неба голубого.
Один в полях моих иду.
Земля и я, и нет иного.

5

Какое горькое питьё!
Какая терпкая отравка!
Любовь обманчива, как слава.
Какое горькое питьё!
Все, все томление мое
Ничтожно, тщетно и неправо.
Какое горькое питьё!
Какая терпкая отравка!

6

День только к вечеру хорош.
Жизнь тем ясней, чем ближе к смерти.
Закону мудрому поверьте —
День только к вечеру хорош.
С утра уныние и ложь
И копошащиеся черти.
День только к вечеру хорош.
Жизнь тем ясней, чем ближе к смерти.

7

Я верю, верю, верю, верю
В себя, в тебя, в мою звезду.
От жизни ничего не жду,
Но все же верю, верю, верю,
Все в жизни верю измерю
И смело в темный путь иду.
Я верю, верю, верю, верю
В себя, в тебя, в мою звезду.

Увидишь мир многообразный
 И многоцветный — и умри.
 В огнях и в зареве зари
 Приветствуй мир многообразный,
 Пройди чрез все его соблазны,
 На всех кострах его гори,
 Отвергни мир многообразный
 И многоцветный — и умри.

Только будь всегда простою,
 Как слова моих стихов.
 Я тебя любить готов,
 Только будь всегда простою,
 Будь обрызгана росю,
 Как сплетеньем жемчугов,
 Будь же, будь всегда простою,
 Как слова моих стихов!

Моя далекая, но сердцу близкая,
 Разлуку краткую прими легко, легко.
 Все то, что тягостно, мелькает коротко,
 Поверь мне, милая, столь сердцу близкая.
 Научен опытом, по свету рыская,
 Я знаю — горькое от сердца далеко.
 Моя далекая, но сердцу близкая,
 Разлуку краткую прими легко, легко.

Пройдут все эти дни, вся жизнь совется наша,
 Как мимолетный сон, как цепь мгновенных снов.
 Останется едва немного вещей слов,
 И только ими жизнь оправдана вся наша,
 Отравами земли наполненная чаша,
 Кой-как слеplённая из радужных кусков.
 Истлеют наши дни, как жизнь совется наша,
 Как ладан из кадил, как дым недолгих снов.

М. А. Лохвицкая

ЛИОНЕЛЬ

Лионель, певец луны,
Любит призрачные сны,
Зыбь болотного огня,
Трепет листьев и — меня.

Кроют мысли торжество
Строфы легкие его,
Нежат слух, и дышит в них
Запах лилий водяных.

Лионель, мой милый брат,
Любит меркнувший закат.
Ловит бледные следы
Пролетающей звезды.

Жадно пьет его душа
Тихий шорох камыша,
Крики чаек, плеск волны,
Вздохи «вольной тишины».

Лионель, любимец мой,
Днем — бесстрастный и немой,
Оживает в мгле ночной
С лунным светом и — со мной.

И когда я запою,
Он забудет грусть свою,
И прижмет к устам свирель
Мой певец, мой Лионель.

В. Я. Брюсов

КАНЦОНА К ДАМЕ

Судил мне бог пылать любовью,
Я взором Дамы взял в полон,
Ей в дар несу и явь и сон,
Ей честь воздам стихом и кровью.
Ее эмблему чтить я рад,
Как чтит присягу верный ленник.
И пусть мой взгляд
Вовеки пленник;
Ловя другую Даму, он — изменник.

Простой певец, я недостойн
Надеть на шлем Ее цвета.
Но так гранатны — чьи уста,
Чей лик — так снежен, рост — так строен?
Погибель мне! Нежнее нет
Ни рук, ни шеи в мире целом!
Гордится свет
Прекрасным телом,
А взор Ее сравню я с самострелом.

Любовь вливает в грудь отвагу,
Терпенья дар дает сердцам.
Во имя Дамы жизнь отдам,
Но к Ней вовек я не прилягу.
Служить нам честно долг велит
Синьору в битве, богу в храме,
Но пусть звенит,
Гремя хвалами,
Искусная канцона — только Даме.

ДВОРЕЦ ЛЮБВИ

Дворец Любви не замкнут каменной стеной;
Пред ним цветы и травы пышны под росой,
И нет цветка такого, что цветет весной,
Который не расцвел бы на лужайке той.

В траве зеленой вьется быстрый ручеек;
Он, как слюда, прозрачен, светел и глубок.
Кто из мужчин, раздевшись, входит в тот поток,
Становится вновь юным, в самый краткий срок.

И девам, что умели дань Любви отдать,
Довольно в светлых водах тело искупать;
Все,— кроме тех, кто должен жизнь ребенку дать,—
Становятся невинны, девами опять.

На тонких ветках птицы песнь поют свою.
Что песнь — Любви во славу, я не утаю.
И, наклонившись низко к светлому ручью,
Подумал я, что грежу я в земном Раю.

LA BELLE DAME SANS MERCI ¹

Я не покрыл лица забралом,
Не поднял твердого щита,—
Я ждал один, над темным валом,
Где даль безмолвна и пуста. —
Я звал: «Стрела чужого стана,
Взнесись и жизнь мою скоси!
Ты мне предстань во мгле тумана,
La belle dame sans merci!»

Свершал я тайные обряды
Пред алтарем в молчанье зал.
Прекрасной Дамы без пощады
Я вечный призрак заклинал:
«Явись, как месяц, над печалью,
Мой приговор произнеси,
Пронзи мне сердце верной сталью,
La belle dame sans merci!»

Встречал я лик, на твой похожий,
За ним стремил покорный путь,
Как на костер, всходил на ложе,
Как в плаху, поникал на грудь.

---

¹ Прекрасная Дама без пощады (*франц.*)

«Сожги меня последней страстью
Иль в строгий холод вознеси,
Твоей хочу упиться властью,
La belle dame sans merci!»

Но шла ты год за годом, мимо,
Недостижимой, неземной,
Ни разу ты, неумолимой,
Как Рок, не стала предо мной!
Приди, — огнем любви и муки
Во мне все жажды погаси
И погрузи мне в сердце руки,
La belle dame sans merci!

ПЕСНЯ ИЗ ТЕМНИЦЫ

Загорелся луч денницы,
И опять запели птицы
За окном моей темницы.
Свет раскрыл мои ресницы.
Снова скорбью без границы,
Словно бредом огневицы,
Дух измученный томится,
На простор мечта стремится.

Птицы! птицы! вы — на воле!
Вы своей довольны долей,
Целый мир вам — ваше поле!
Не понять вам нашей боли!
День и ночь — не все равно ли,
Если жизнь идет в неволе!
Спойте ж мне, — вы на свободе, —
Песню о моем народе!

Солнце, солнце! Ты — прекрасно!
Ты над миром ходишь властно
В тучах и в лазури ясной.
Я ж все вижу безучастно,
Я безгласно, я всечасно
Все томлюсь тоской напрасной —

Вновь увидеть край желанный!
Озари те, солнце, страны!

Ветер, ветер! ты, ретивый,
На конях взвиваешь гривы,
Ты в полях волнуешь нивы,
В море крутишь волн извивы!
Много вас! Вы все счастливы!
Ветры! если бы могли вы
Пронести хотя бы мимо
Песнь страны моей родимой!

Светит снова луч денницы,
За окном щебечут птицы.
Высоко окно темницы.
Слезы виснут на ресницы.
Нет тоске моей границы.
Словно бредом огневицы,
Дух измученный томится,
На простор мечта стремится.

ВИЛАНЕЛЬ

Все это было сон мгновенный,
Я вновь на свете одинок.
Я вновь томлюсь, как в узах пленный.

Мне снился облик незабвенный,
Румянец милых, нежных щек...
Все это было сон мгновенный!

Вновь жизнь шумит, как неизменный
Меж камней скачущий поток,
Я вновь томлюсь, как в узах пленный.

Звучал нам с неба зов блаженный,
Надежды расцветал цветок...
Все это было сон мгновенный!

Швырнул мне камень драгоценный
Водоворот и вновь увлек...
Я вновь томлюсь, как в узах пленный.

Прими, Царица, мой смиренный
Привет, в оправе стройных строк.
Все это было сон мгновенный,

Я вновь томлюсь, как в узах пленный.

ПОДРАЖАНИЕ ТРУВЕРАМ

Нет, никогда не мог Амур в сем мире
Так сердце мучить, как меня она!
Я из-за той, кто всех прекрасней в мире,
Не знаю отдыха, не знаю сна.
Увы! не знает жалости она,
И мне укрыться некуда в сем мире, —
Затем, что всюду мне она видна!

Лети, о песня, и скажи прекрасной,
Что чрез нее покой утратил я!
Что сердцем я страдаю по прекрасной,
Затем, что зло покинут ею я!
Ах, заслужила ль то любовь моя!
Но если я умру, пускай прекрасной
Все песня скажет, правды не тая!

НА СМЕРТЬ ПРИНЦА ГЕНРИХА

(Из Бертрана де Борна)

Хотя бы все — рыдания, стоны, пени,
Что слышит век, печальми богатый,
Слились в одно, — для тягостной утраты
Не знали б мы достойных выражений,
Достойных слез о том британском принце,
Чья смерть и Честь и Славу поразила,
О ком весь мир еще грустит уныло,
Забыв пиры и полный черной скорби.

Твердят певцы томительные пени,
Задумчивы — беспечные солдаты,
И взоры дев как облаком объяты.
Звучат слова прощальных песнопений,
Печальных строф о том британском принце,
Пред кем, увы! — раскрылася могила!
Но сколько б слов ей песнь ни посвятила,
Все мало слез, все сдишком мало скорби!

Т. Л. Щепкина-Куперник

ИЗ ПЬЕСЫ Э. РОСТАНА
«ПРИНЦЕССА ГРЕЗА»

Монолог Жоффрау Рюделя

Привет тебе, рождающийся день!
Ужель и ты не сократишь мне срока?
Когда тебя ночная сменит тень,
Увижу ли жемчужину Востока?
О, Франции родной моей цветок,
Грядущая царица Византии,
Нас разделяют водные стихии,
И от тебя я все еще далек.
Когда же мы, восторгом светлым полны,
Твой Триполис увидим вдалеке,
Где плещутся на золотом песке
Прозрачные серебряные волны?
К тебе одной мечты мои летят,
О дивная принцесса Триполиса,
В чьем имени сокрыл свой аромат
Цветок полей — душистая мелисса!
Ужель умру, и мне не принесет
С собой надежды ветерок прибрежный!
И мне твой взгляд пред смертью не блеснет,
О Мелиссанда, о мой ангел нежный!..

Песня Жоффрау Рюделя

Любовь — это сон упоительный,
Свет жизни, источник живительный.
В ней муки, восторг, в ней весна;
Блаженства и горя полна,
    И слезы,
    И грезы
Так дивно дарит нам она.
Но чужды мне девы прекрасные,
Объятая безумные, властные,
И шелковых кос аромат,
И очи, что жгут и томят,
    И лепет,
    И трепет,

И уст упоительный яд.
Люблю я любовью безбрежную,
    Нежную,
Как смерть, безнадежную;
Люблю мою грезу прекрасную,
Мечту дорогую, неясную,
    Далекую.

Из царства видений слетая,
Лазурным огнем залитая,
Нисходит на землю она,
Вся сказочной тайны полна,
    И слезы,
    И грезы

Так дивно дарит мне она.
Люблю — и ответа не ждя я,
Люблю — и не жду поцелуя.
Ведь в жизни одна красота —
Мечта, дорогая мечта;
    И сладкой
    Загадкой

Теперь моя жизнь обнята.
Люблю я любовью безбрежную,
    Нежную,
Как смерть, безнадежную;
Люблю мою грезу прекрасную,
Принцессу мою светлоокую,
    Мечту дорогую, неясную,
    Далекую!..

М. А. Волошин

ТАНГЕЙЗЕР

Смертный, избранный богиней,
Чтобы свергнуть гнет оков,
Проклинает мир прекрасный
Светлых эллинских богов.
Гордый лик богини гневной,
Бури яростный полет.
Полный мрак. Раскаты грома...
И исчез Венерин грот.
И певец один на воле,
И простор лугов окрест,
И у ног его долина,
Перед ним высокий крест.
Меркнут розовые горы,
Веет миром от лугов,
Веет миром от старинных
Острокрыших городков.
На холмах в лучах заката
Купы мирные дерев,
И растет спокойный, стройный,
Примирающий напев.
И чуть слышен вздох органа
В глубине резных церквей,
Точно отблеск золотистый
Умирающих лучей.

А. А. Блок

ИЗ «СТИХОВ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ»

* * *

Завтра с первым лучом
Восходящего в небе светила
Встанет в сердце моем
Необъятная -сила.
Дух всколеблет эфир
И вселенной немое забвенье,
Придвигается мир
Моего обновления.
Воскурю я кадило,
Опяшусь мечом
Завтра с первым лучом
Восходящего в небе светила.

* * *

Все двери закрыты, и отданы ключи
Тюремщиком твоей безжалостной царице.

Легарка

Мне битва сердце веселит,
Я чую свежесть ратной неги,
Но жаром вражеских ланит
Повержен в запоздалом беге.

А все милее новый плен.
Смотрю я в сумрак непробудный,
Но в долгий холод здешних стен
Порою страж нисходит чудный.

Он окрылит и унесет,
И озарит, и отуманит,
И сладко речь его течет,
Но каждым звуком — сердце ранит.

В нем — тайна юности лежит,
И медленным и сладким ядом
Он тихо узника поит,
Заворожив бездонным взглядом.

* * *

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая — Ты.

ИЗ ПЬЕСЫ «РОЗА И КРЕСТ»

Б е р т р а н

«Всюду беда и утраты,
Что тебя ждет впереди?
Ставь же свой парус косматый,
Меть свои крепкие латы
Знаком креста на груди».

Странная песня о море
И о кресте, горящем над вьюгой...
Смысла ее не постигнет
Рыцаря разум простой.
Голос мой глух и бессилен
Темный напев передать.
Всюду со мной неудача!
Песни любимой Изоры
Я не могу повторить...

Яблони старый ствол,
Расшатанный бурей февральской!

Жадно ждешь ты весны...
Теплый ветер дохнет, и нежной травой
Зазеленеет замковый вал...
Чем ты, старый, ответишь тогда
Ручьям и птицам певучим?
Лишь две-три бледно-розовых ветви протянешь
В воздух, омытый дождями,
Черный, бурей измученный ствол!

Так и ты, несчастный Бертран,
Урод, осмеянный всеми! —
Начнутся пиры и турниры,
Зазвенит охотничий рог,
Вновь взволнует ей сердце жонглер
Непонятною песнью о море...
Чем ты, старый, ответишь весне?
Лишь волнением любви безнадежной?

О, любовь, тяжела ты, как щит!
Одно страданье несешь ты,
Радости нет в тебе никакой!
Что ж пророчит странная песня?
«Сердцу закон непреложный —
Радость — Странье одно!»
Как может страданье радостью быть?
«Радость, о, Радость-Странье,
Боль неизведанных ран...»

А л и с к а н (поет)

«День веселый, час блаженный,
Нежная весна.
Стукнул перстень драгоценный
В переплет окна.
Над долиной благовонной
Томный запах роз.
Соловей тебе влюбленный
Счастье принес...
Аэлис, о, роза, внемли,
Внемли соловью...
Все отдам Святые Земли
За любовь твою...»

А л и с а

Ваш ход, госпожа моя.

И з о р а *(играет королевой)*

Ах!

А л и с а

Опять задумались вы?
Томной песни звуки так сладки...

И з о р а

Какая песня?

А л и с к а н

Если б знал я причину печали...

И з о р а

Я не знаю сама.

А л и с к а н

Правда, не прежняя вы...
Что простой соловей для розы из роз!..

И з о р а

Как сказать ты умеешь краснó!
Верно, фея тебя научила
Объясняться в любви!

А л и с к а н

Вы опять надо мной смеетесь...
Разве знал я фей, кроме вас?

И з о р а

Что мне в лъстивых речах?
Разве яркая бабочка я?
Горек мне мед твоих слов!

А л и с а

Шах королеве и королю!

И з о р а

Слава богу!
Довольно скучать над игрой! —

Чем мне, мой паж чернокудрый,
Горю помочь твоему?

А л и с к а н

Вспомните прежние игры!
Вспомните: только весной
Мы на поляне зеленой
В плясках беспечных
Коротали легкую жизнь...

И з о р а

Паж, не забудь: я — твоя госпожа!

А л и с а

Она больна, Алискан.

И з о р а (*напевает*)

«Сердцу закон непреложный...
Радость-Страданье...»

А л и с к а н

Вы песню твердите,
Которую пел кривляка наемный.

И з о р а

Пусть! — песню он пел не свою...

А л и с к а н

Какой-нибудь жалкий рыбак
Из чужой и дикой Бретани
Непонятную песню сложил...

И з о р а

Паж, ты ревнуешь? —
Успокойся... его я не знаю... —
Ах... кто знает? вернется пора,
Может быть, на зеленой поляне
К нам вернется прежняя радость...
Нет!.. Теперь — все постыло и дико...
Жизнь такая не явь и не сон!

Уходит.

А л и с а

Госпожа, будьте осторожней, ради бога. Граф встревожен, он, кажется, догадывается, за нами подсматривают. Ваша болезнь — зимняя скука, не более.

И з о р а

Нет, в сердце моем — весна.
Но за семнадцатой этой весной
В сердце повеял мне холод сырой,
Точно туманом дохнул
Яблони ствол за окном...
Видишь, старые, черные ветви
В небе дождливом, как крест...
Сердце, как яблоня, плачет...
«Радость-Страданье...
Сердцу закон непреложный...»

А л и с а

Все это вам набормотал Рыцарь-Несчастье. Поверьте, весна возвратит вам здоровье и радость...

И з о р а

Случай, Алиса!
Нынешней ночью
Странный приснился мне сон...
Будто сплю я в лунном луче
И слышу, как плещется море,
И запахом смол незнакомых
Воздух кругом напоен...
Внезапно, из-под земли,
Словно из темного гроба,
Встал предо мною неведомый рыцарь...
Кудри, светлее льна,
Рассыпались по плечам...
Сердце так бьется, так бьется...
И, упав на колени, в восторге
Я вскричала: «Неведомый гость!
Имя свое назови!..»
Он безответен...
Прикоснуться к нему не смею,
Но странно и сладко молиться ему!
И черная роза — чернее крови —
Горит на светлой груди...
«Странник! Странник!» — вскрикнула я...

Слышу странный звон, вижу свет,
И очнулась в слезах...
А в ушах — тот самый напев,
Но иначе, чем пел жонглер...
Видела ты, что подушку мою
Я зубами рвала!
И рубашку рвала на плече!
Слышишь ты, как сердце стучит...
И в ушах — этот вечный напев:
«Радость-Страданье...»
Нет, не могу повторить!..

А л и с а

Тише, во имя всех святых! Здесь кто-то есть...

К а п е л л а н (*открывая дверь*)

Так вот какие сны вам снятся! Все передам графу! Вам хватит времени на чтение романов в Круглой башне!

Уходит.

И з о р а

Что он сказал?

А л и с а

Он грозил заточеньем...

И з о р а

Святой Видиан! Что делать теперь?

А л и с а

Не знаю... ждать... покориться..

И з о р а

Проклятие! — Я разорву им сердце! — Недаром в сердце матери моей течет испанская кровь!

А л и с а

Госпожа, тише... кто-то под окном...

И з о р а (*смотрит в окно*)

Бертран!.. — Рыцарь! Войдите! Осторожней!

А л и с а (*плачет*)

Чему поможет этот урод... несчастные мы...

Б е р т р а н *(входит)*
Госпожа, чем могу вам служить?

И з о р а *(вкрадчиво)*
Вы исполнить могли бы
Порученье, рыцарь, мое?

Б е р т р а н *(удивленный)*
Госпожа, все, что в силах моих...
Приказанья жду я, не просьбы...
Но смогу ли?
Граф на север послал меня...

И з о р а
На север!

Б е р т р а н
Да. Сегодня в ночь.

И з о р а
О!.. Рыцарь! Вы преданы мне?

Б е р т р а н
Напрасный вопрос...

И з о р а
Время не терпит!
Мне заточенье грозит...

Б е р т р а н
Не терзайте сердца
Признаньем жестоким...

И з о р а
Вы — сторож замка.
Знаете Круглую башню?

Б е р т р а н
Знаю давно.
«Башней Вдовы Неутешной» зовется она...

И з о р а

Есть там ход потайной?

Б е р т р а н

Есть! В углу, прикрытый плитой...
Для вылазки был он когда-то пробит...

И з о р а

Дальше!
Дорог мне каждый миг!
Есть рыцарь... есть песня...
Песня мне спать не дает...

Б е р т р а н

Госпожа, я знаю ту песню!

И з о р а

Знаете вы! —
Вы должны мне певца отыскать,
Хотя бы пришлось
Все страны снегов и туманов пройти!
«Странник» — имя ему...
Черною розой отмечена грудь...
Так открылось мне в вещем сне!

Б е р т р а н

Госпожа! Порученье ваше
Похоже на детскую сказку...
Но — недаром жизнь сурова со мной:
Знаю, в детских снах
Больше правды, чем думают люди!
Погибну, или исполню:
Странник будет у вас!

И з о р а

Кляннитесь теперь молчанье хранить
Обо всем, что сказано здесь!

Б е р т р а н

Чем клясться?..
Надо ли клясть?..

Я клялся бы розой,
Вы — краше всех роз...

И з о р а (*удивленная*)

О! И вы учились учтивым словам? —
Нет, бóльшим клянитесь!

Б е р т р а н

Бóльших клятв не смеет
Бедный рыцарь давать...

И з о р а (*жестоко*)

Клянитесь, клянитесь!

Б е р т р а н

Клянусь, что живым не вернусь,
Если Рыцаря я не найду!..
Вечной верностью Даме клянусь!

И з о р а (*с любопытством*)

Рыцарь, кто ваша дама?

Б е р т р а н

Имя не смею сказать...

И з о р а

Я приказать вам могу...

Б е р т р а н

Отпустите в далекий путь...

И з о р а (*лукаво*)

Нет, нет... только имя одно...

Бертран преклоняет колено.

Встань, Бертран, мой верный вассал!
Теперь — я верю тебе.

Отходит от него.

О, как сильна и прекрасна любовь!
Даже этой породе,
Низкой, смешной и ничтожной,
Рыцаря верность дает...

Б е р т р а н (*про себя*)

Ну, урод несчастный!

Ступай, не жди, не надейся.

Страсти чужой послужи.

Входит Граф, грохоча ржавым ключом.

Г р а ф

Ни слова, изменница! Я знаю все!

(*Бертрану*)

Зачем ты здесь?

А л и с а

Ваша светлость, он сам ворвался сюда!..

Г р а ф

Негодяй! Я убил бы тебя на месте, если б ты не был так жалок! Урод! Собака! — Какой прекрасный вкус для придворной дамы!..

А л и с а

Ваша светлость...

Г р а ф

Молчите! Низкая тварь! Вот чем занимаетесь вы, вместо того, чтобы следить за нею! Вы разделите участь вашей госпожи!

(*Изоре*)

Или вы хотите вернуться в свои Толозанские Муки? За все заботы вы платите мне золотом Тулузы!

И з о р а

Мой повелитель, я послушна вам.

Г р а ф

Вы поняли, что спорить со мной бесполезно! Сейчас, не медля, — в Башню Неутешной Вдовы! И да поможет вам исправиться святой Иаков Кампостельский! — Ступайте!

Изора и Алиса уходят.

А ты, несчастный урод, умеешь только каркать, как ворона, и приставать к придворным дамам! Ты забыл, может быть, мое порученье!

Б е р т р а н

Я еду, как вы сказали, сегодня в ночь.

Г р а ф

Все узнай! Я буду ждать месяц, два месяца! Если вести твои будут так же плохи, — не сносить тебе головы! Если же ты привезешь мне доброе о графе Монфоре, — я прошу тебя, Рыцарь-Несчастье!

Уходит вслед Изоре.

Б е р т р а н

Прекрасная обманщица!
Пускай умру, я должен ей помочь.
Что б ни было — вперед! — На севёр,
в ночь!

Уходит.

Г а э т а н

...И старый король уснул...
Тогда коварная дочь,
Украд потихоньку ключи;
Открыла любовнику дверь...
Но дверь в плотине была,
Хлынул в нее океан...
Так утонул Кэр-Ис,
И старый король погиб...

Б е р т р а н

Где же был этот город Кэр-Ис?

Г а э т а н

Вон там, в этих черных камнях...
Слушай дальше: проклятие ей!
За то же святой Гвеннолэ
Превратил ее в фею морскую...
И, когда шумит океан,
Влажным гребнем чешет злая Моргана
Золото бледных кудрей.
Она поет, но голос ее
Печален, как плеск волны...

Б е р т р а н

Странный ты человек!
О сиренах, о королях,
О городах подводных
Много ты мне рассказал!
Но не знаю, кто же ты сам?
Не думал я, когда бился с тобой,
Что под шлемом твоим
Серебрятся кудри седые.
Правда, ты слаб,
Но как мальчик дерзкий ты бьешься.
Правда, бела у тебя голова,
Но звончее рога твой голос,
Как у юноши, взор твой горит!

Г а э т а н

Не думал и я, что в твоих волосах
Так много прядей седых!
Верно, ты жизнью обижен?
Но, хоть голос твой
Глух и печален,
Лик твой, добрый мой гость,
Несказанно нравится мне!

Б е р т р а н

Спасибо за ласку!
Да, правда, нужда и горе
В жизни достались мне.
Тем нежнее сердца коснулось
Доброе слово твое.
Я — Бертран из Тулузы.
Ни о чем не напомнит тебе
Это темное имя.
Ты же, верно, богат был и знатен?
По речам и осанке — ты рыцарь...
Верно, Гроб защищал ты Господень?
Выцвел крест на груди у тебя...

Г а э т а н

Нет, я тоже рыцарь безвестный,
И не плавал я в Землю Святую,
Хоть похож на странника я...
Что ты смотришь так пристально, друг?

Б е р т р а н

Назови мне имя твое.

Г а э т а н

Гаэтаном зовусь я.
Из Арморики милой я родом...
Видишь, вот — все владенья мои:
Чуть заря, у меня в Трауменеке
Начинают петь петухи...
И другие — там, за холмами,
И еще, и еще... и последним
Запоет монастырский петух...
А я, пробудясь с петухами,
Слышу, как сквозь туман родимый
Сеет прохладный дождь.
И шумный зовет океан...
Снова дрогнули брови твои!..

Б е р т р а н

Чудным словам твоим внемля,
Вспомнил я дело одно...
Что же, сеньер Трауменека,
Давай расскажем друг другу
О жизни нашей... Союз,
Заклученный в звоне мечей,
Словом мы крепче скрепим!

Г а э т а н

Больше, чем другом,
Братом твоим
Назваться хочу!
Начинай ты первым рассказ!

Б е р т р а н

Гаэтан, печальна
Будет повесть моя.
Сыном простого ткача из Тулузы,
С малых лет я на службу попал.
И за долгую службу в замке
Граф меня онаясал мечом...
Однажды, во время турнира,
Подлым ударом плохого бойца
Выбит я был из седла...
Великан неуклюжий с дельфином в гербе

Наступил мне ногою на грудь...
Но махнула платком госпожа —
И пощадили меня...
О, как горел я стыдом и гневом!
Как умолял я мне сердце пронзить!
Но жизнь оставили подлые мне...

Г а э т а н

Низкое время!
Рыцарей лучших не ценят!

Б е р т р а н

Никто с той поры не дает мне проходу.
Все мне смеются в лицо...
И она смеется, я знаю,
В своем высоком окне...
Но привет, или тень привета,
Видел я от нее одной...
Как травка от розы, далек от нее я...
Да и может ли рыцаря ум
Проникнуть в тайну женской души!

Г а э т а н

Печален, брат, твой рассказ...
Глупые, злые люди!..
Сам я сейчас испытал
Пламень ударов твоих! —
Как заехал ты к нам, скажи...

Б е р т р а н

Два порученья есть у меня:
Должен узнать я, скоро ль Монфор
Нам поможет восстанье смирить...

Г а э т а н

И у нас говорят о Монфоре,
Но, если б они и позвали меня,
Я под их орифламму не встану...

Б е р т р а н

Брат, значит, ты веришь,
Что в жилах у нас
Одна — святая французская кровь?..

Жестокий Монфор тем самым мечом,
Которым неверных рубил,
Братскую кровь проливает...
Под чье же ты знамя пойдешь?

Гаэтан

Знамени нет для меня.
Я останусь один.

Бертран

Тебе легко говорить,
А я ведь на службе... Что я могу,
Пышного замка сторож несчастный!
Лишь сам не участвую я
В охотах на нищих крестьян...

Гаэтан

Ты должен покинуть тот край!

Бертран

Покинуть! Нет, ты не понял меня!
Я, как ты, не верю в новый поход,
Меч Монфора — не в божьей руке...
Но разве могу изменить,
Чему всю жизнь я служил?
Измена — даже неправде —
Все изменой зовется она!
Я там умру, где сердце осталось!
Недаром «Несчастьем» прозвали меня!

Гаэтан

Службой связан ты, бедный?
Тяжки, должно быть,
Цепи земные...
Я их не носил никогда...
Так же ли трудно другое твое порученье?

Бертран

Пусть напрасно заехал я в ваши туманы,
С Толозанской дороги свернув! —
Рыцаря долг
Тайну Дамы свято хранить.
Я не отвечу тебе.

Г а э т а н

Непонятны мне речи твои...

Б е р т р а н

Нетерпением горю я
Выслушать повесть твою!
Странное чувство
Твой взор и твой голос
Рождают во мне!
Не верю в предчувствия я,
Но сдаётся,
Что послан ты мне
В награду за долгий путь!

Г а э т а н

Слушай! — Я стар,
И жизнь одинока моя,
Но трижды прекрасна жизнь!

Б е р т р а н

И трижды превратна она!

Г а э т а н

Возле синего озера юная мать
Вечером поздним, в тумане,
Отошла от моей колыбели...
Фея — младенца меня
Унесла в свой чертог озерной
И в туманном плену воспитала...
И венком из розовых роз
Украсила кудри мои...

Б е р т р а н

Ты мне сказки опять говоришь...

Г а э т а н

Разве в сказке не может быть правды?

Б е р т р а н

Да, правда в сказках бывает подчас...
Прости, мой разум беден и прост...
Верно, есть в твоих странных речах
Скрытый, неясный мне смысл...
Дальше, прошу тебя...

Г а э т а н

Слушай дальше!
Рыцарем стать я хотел...
Фея долго в объятьях сжимала меня
И, покрыв волосами, плакала долго...
Не знаю, о чем
Гадала над прялкой своей...
И сказала: «Иди теперь
В мир дождливый,
В мир туманный...
Туда пряжа Парки ведет...»

Б е р т р а н *(вслушиваясь)*

Куда пряжа Парки ведет?

Г а э т а н

И еще сказала она:
«Мира восторг беспредельный
В сердце твое я вложу!
Песням внимай океана,
В алые зори глядись!
Людам будешь ты зовом бесцельным!
Быть может, тронешь ты
Сердце девы земной,
Но никем не тронется
Сердце твое...
Оно — во власти моей...
Странником в мире ты будешь!
В этом — твое назначенье,
Радость-Страданье твое!»

Б е р т р а н

«Радость-Страданье»!
Что это значит?

Г а э т а н

«Сердцу — закон непреложный», —
Так говорила она,
И в слезах повторяла:
«Путь твой грядущий — скитанье!
Что тебя ждет впереди?
Меть свои крепкие латы
Знаком креста на груди!»

Грудь я крестом отметил,
И в мир туманный пришел...

Б е р т р а н

Постой!
Верить сказкам
Я не умею!
Рассказ твой на песню похож!

Г а э т а н

Все ты, Бертран, мне не веришь!
Да, рыбаки и жонглеры
Всюду поют мои песни,
Песни о жизни моей...

Б е р т р а н

Чудно мне верить!
Бред или явь?
Светлая радость
Наполнила сердце...
Ты эту песню сложил?

Г а э т а н

Эту — и много других!

Б е р т р а н

Ты — Странник?

Г а э т а н

Так Фея меня назвала...

Б е р т р а н

Ты мне дороже сокровищ мира!
Жизни дороже мне, брат!
Тебя, тебя одного
В снежных туманах ищу! —
Очнись, несчастный Бертран!
Яркий твой бред
С правдою жизни жестокой несхож!..

Г а э т а н

Если ты счастлив,
О чем же ты плачешь,
Милый мой гость?

Б е р т р а н

Прости, прости меня, друг!
Слишком жизнь унижала меня,
Я и радость встречаю слезами!..
Первая радость, что встретил тебя,
Кого и в мире не думал найти!
Радость вторая — прости за нее —
Вижу — не юноша ты:
Лучше услышит песню Изора,
Не смущаясь низкой мужскою красой,
Свято внемля песне одной!

Б е р т р а н

Переночуй здесь, в розовых кустах.
Тебя никто не тронет.

Г а э т а н

- Значит, завтра
Я буду петь у короля?

Б е р т р а н

У графа,
Сказать хотел ты?

Г а э т а н

Так она — не дочь
Граллона старого?

Б е р т р а н

Все это сказки!
Не короля, а дочь простой швеи
Из Толозанских Мук.

Г а э т а н

Простой швеи!
И старика, однако, погубила!

Б е р т р а н

Напротив, он ей зла желал. Он запер
Ее в высокой башне.

Г а э т а н

Понимаю!

Я должен златокудрую из плена
Освободить!

Б е р т р а н

Она — смугла. И косы
Чернее ночи у нее.

Г а э т а н

Но все же
Ее зовут Морганой? Или нет?

Б е р т р а н

Тебе ведь все равно, кого ты будешь
Освобождать своею песней. Верь мне.

Г а э т а н

Я верю, брат.

Б е р т р а н

Ты рассказал мне много
Прекрасных сказок, много песен спел...
Прости меня, мой разум прост... не знаю,
Где вымысел, где правда у тебя... —
Так ты воспитан феей?

Г а э т а н

Да. Ты видишь,
Она дала мне этот крест.

Б е р т р а н

И песне
Она тебя учила?

Г а э т а н

Да. Она — и море.

Б е р т р а н

Что ж эта песня значит? Объясни мне,
Как радостью страданье может стать?

Г а э т а н

Ты знаешь песню. Что сказать мне больше?

Б е р т р а н

Мне брезжит смысл, но ум, простой

и темный,

Всей светлой глубины постичь не может... —

Ты завтра будешь петь. Наряд красивый

Я принесу тебе сюда с утра.

Теперь прощай. На стражу мне пора.

А л и с к а н (с цветком в руке)

Тяжела ты, стража ночная!

В сумраке синем капеллы

Всю ночь я глаз не сомкнул...

Май, ласкаешь ты томное сердце!

Как прозрачен утренний воздух!

О, как сладко поют соловьи!

Эта глупая дама. может быть, думает, что я в ней нуждаюсь!
Она не могла не получить записки... и однако... я ждал всю
ночь... знака не было! Хорошо же, она раскается! Да, по правде
сказать, мне смертельно надоела ее навязчивость...

О, как сладко поют соловьи!..

Благоухание роз, как дыханье Изоры... —

Этим ли пальцам красивым сжимать

Грубое древко копья?

Нет, не на то я рожден! —

Куда, говорят, в счастливом Аррасе

Вежливей люди, обычаи тоньше и моды

красивей!

Там столы утопают

В фиалках и розах!

Там льется рекою

Душистый кларет!

Дамы знают науку учливой любви! —

Разве стал бы там старый ревнивец

Нарушать веселье придворных?

«Ревность — отсталое чувство», —

Сказано, помнится, в книге латинской,

Что отец мне из Рима привез...

Смотрится в пруд.

Эти нежные губы подобны

Прихотливому луку Амура,

Или — алым Изоры устам...
Их мне прятать под маской железной!
Этот розовый ноготь ломать
Рукоятью железной меча! —
Нет! Другие бы люди и моды,—
Проводил бы я в розах с Изорой
Не одну соловьиную ночь!..

Б е р т р а н (*несет одежду жонглера*)

О, весна, как волнуешь ты кровь!
О, любовь, ты тяжеле счита! —
Спит странник старый...
Не слышит он соловьев...
Что чернеет
На кресте у него? —
Роза! — Черная роза!

Г а э т а н (*во сне*)

Моргана! Оставь! Не души!

Б е р т р а н

Гаэтан, проснись!

Г а э т а н (*просыпаясь*)

Дочь, отца пощади!..
Брат, это ты...
Мне снилось... коварная дочь...
Отомкнула плотины...

Б е р т р а н

Запах роз душил тебя, друг.
Что у тебя на груди?

Г а э т а н

Смотри-ка, роза
Упала с куста
Сонному мне на грудь...

Б е р т р а н

Красные розы
Все над тобой...

Откуда же черный цветок
Попал на сердце тебе?

Г а э т а н

Откуда ж еще
Мог он упасть?

Б е р т р а н

Скажи мне: помнишь ли ты,
Что когда-то мне обещал,
Когда я убить собирался тебя?

Г а э т а н

Помню. Исполню все просьбы твои...

Б е р т р а н

Отдай же мне розу!

Г а э т а н

Легкая просьба!
Возьми, если хочешь!
Разве мало кругом цветов?

Б е р т р а н (*прячет розу под панцирь*)

Младенец старый, не знаешь,
Что сделал ты для меня!
Спасибо! — Вот красивый наряд:
В нем менестрелем сегодня
На луг цветущий явишься ты!

Д е в у ш к и (*с майским деревом, поют*).

Вот он, май, светлый май,
Вот он, светлый май!

Эй, хозяйка, ради бога,
Не гони нас от порога,
Кошелек тугой нам дай!
Нам не есть, нам не пить,
Нам бы свечку засветить,
Пречистой Деве угодить!

Вот он, май, светлый май!
Вот он, светлый май!

Все поля полны пшеницей,
Иисус воздаст сторицей,
Жди спасенья, жди наград
За хлеба и виноград!
Христа молим, бога молим,
Пусть его святая воля
Вам подаст пресветлый рай!

Вот он, май, светлый май,
Вот он, светлый май!

М е н е с т р е л ь (поет)

Люблю я дыханье прекрасной весны
И яркость цветов и дерев;
Я слушать люблю средь лесной тишины
Пернатых согласный напев

В сплетеньи зеленых ветвей;
Люблю я палаток белеющий ряд,
Там копыта и шлемы на солнце горят,
Разносятся ржанье коней,
Сердца крестоносцев под тяжестью лат
Без устали бьются и боем горят.

Люблю я гонцов неизбежной войны,
О, как веселится мой взор!
Стада с пастухами бегут, смятены,
И трубный разносится хор
Сквозь топот тяжелых коней!
На замок свой дружный напор устремят,
И рушатся башни, и стены трещат,
И вот — на просторе полей —
Могил одиноких задумчивый ряд,
Цветы полевые над ними горят.

Люблю, как вассалы, отваги полны,
Сойдутся друг с другом в упор!
Их шлемы разбиты, мечи их красны,
И мчится на вольный простор
Табун одичалых коней!
Героем умрет, кто героем зачат!
О, как веселится мой дух и мой взгляд!
Пусть в звоне щитов и мечей

Все славною кровью цветы обагрят,
Никто пред врагом не отступит назад!

Второй менестрель (*поет*)

Через лес густой
Вешнею порой
Майским вечерком
Ехал я верхом
Из Дуэ в Аррас!
Доренло, в Аррас!

Вдруг — красоти две
В злаках и цветах,
Венок на голове,
Светлый май в руках —
Встречу мне как раз!
Доренло, как раз!

Светлый дар весне,
Май несут оне,
Светлый май несут,
Пляшут и поют:
Доренло, я люблю!
Доренло, я люблю!

Я с коня сошел,
К ним я подошел.
«Можно мне идти?
С вами по пути?»
Доренло, я люблю!
Доренло, я люблю!

Резвись и шутя,
И венки плетя,
Шли все вместе мы...
Где ты, мой Аррас!
Где ты, мой Аррас!

Я венки сплетал,
Пел и танцевал,
Вместе пели мы:
Как люблю я вас!
Как люблю я вас!

Г а э т а н (поет)
Ревет ураган,
Поет океан,
Кружится снег,

Мчится мгновенный век,
Снится блаженный брег!

В темных расселинах ночи
Прялка жужжит и поет.
Пряха незримая в очи
Смотрит и судьбы прядет.

Смотрит чертой огневою
Рыцарю в очи закат,
Да над судьбой роковою
Звездные ночи горят.

Мира восторг беспредельный
Сердцу певучему дан.
В путь роковой и бесцельный
Шумный зовет океан.

Сдайся мечте невозможной,
Сбудется, что суждено.
Сердцу закон непреложный —
Радость-Страданье одно!

Путь твой грядущий — скитанье,
Шумный поет океан.
Радость, о, Радость-Страданье —
Боль неизведанных ран!

Всюду — беда и утраты,
Что тебя ждет впереди?
Ставь же свой парус косматый,
Меть свои крепкие латы
Знаком креста на груди!

Ревет ураган,
Поет океан,
Кружится снег,

Мчится мгновенный век,
Снится блаженный брег!

Б е р т р а н

Тише, сюда, осторожней!
В тень, где не светит луна!
Видишь яблони ствол!
Ветви ее
С окном наравне:

А л и с к а н

Как же мне взобраться по голому стволу?

И з о р а (в окне)

Ты, Алискан?

А л и с к а н

Я.

И з о р а

Ко мне! сюда!

Б е р т р а н

Встань на плечи мне! —
Так! — Дальше взобраться не трудно.

И з о р а

Возлюбленный! Лик твой сияет!
Весь ты — страсть и весна!
Разве видела прежде тебя я?
В первый раз такой красотой
Лик твой горит!
О, вот они,
Земные горячие руки!
Вот они, земные уста!
Не призрак, не сон ты!
Счастье! Счастье! —
Кто там внизу?

А л и с к а н

Это — Рыцарь-Несчастье. Благодарю вас, Бертран!

И з о р а

Бертран, это вы?

Б е р т р а н

Я, госпожа.

И з о р а

Как ночь прекрасна!

Б е р т р а н

Да, госпожа.

И з о р а

Рыцарь! А просьба моя?

Б е р т р а н

Госпожа, я на страже — всю ночь.
Вы услышите звон меча.

И з о р а

Спасибо, верный слуга...
Но... отойдите теперь от окна...

Б е р т р а н

Я отойду.

Становится в тень у стены.

Счастлива будь, Изора!
Мальчик красивый
Лучше туманных и страшных снов!
Пусть найдет
Покой и усладу
Бурное сердце твое!
О, как далек от тебя, Изора,
Тот, феей данный,
Тот выцветший крест! —
Цвети, о, роза,
В саду заветном,
Благоухай, пока над миром
Плывет священная весна!
Храни, Изора,
Душу младую
На черные дни.
Слышу я, слышу,
Волны бушуют,
Ревет океан,
Крест горит над вьюгой,
Зовет тебя в снежную ночь!

Раны болят...
Силы слабеют!
Тверже стой на страже, Бертран!
Обопрись на меч!
Не увянет роза твоя.

И з о р а (в окне)

Рыцарь! Со мною! Со мною!
Жаркая кровь!
Благоуханная ночь!
Счастье вернулось опять!
Страшные сны миновались!
Сны мне снились
Лишь о тебе! —
Нет, молчи, я знаю...
Разве до снов нам!
Разве до песен теперь...

Скрывается в окне.

- Б е р т р а н

Тверже стой на страже, Бертран!
Проклятые раны,
Не жгите мне сердца!
Роза, гори, гори!
Чу! Трубы!..
Из рокота волн
Рожденные трубы
Громче, все громче зовут!
Розовый свет блеснул
На гребнях белых
Свинцовых ночных валов!
О, какая мука!
И сладость — за мукою вслед!
Неземная сладость
Повеяла в сердце!
Как ночь прекрасна!

Андрей Белый

БЛИЗКОЙ

Мне цветы и травы влюбленные
Нашептали не сказку — былъ.

1

В окнах месяц млечный.
Дышит тенями тишь.
Однообразно, извечно —

Шепчет
Темная
Тишь.

Золотая свеча дымится
В глухую мглу.
Королевне не спится: —

— Королевна
Берет
Иглу.

Много в лесу далеком,
Много погибло душ!
Рыцарь,
Разбитый
Роком, —
Канул в лесную глушь...

Плачут в соснах совы
(Поняла роковую весть) —
Плачут —
В соснах —
Совы:
«Было, будет, есть!»

Встала (дрогнули пальца) —
Сосчитала
Бег
Облаков —
И расслышала зов скитальца
Из суровых сосновых лесов.

Вспыхнул свет из оконца
В звездную,
В синюю
В ночь, —

Кинулись: струи солнца...
Кинулись тени: прочь!

2

Глянул
Замок
С отвеса,

Рог из замка гремит:

Грозные
Гребни
Леса

Утро пламенит.

Рыцарь

В рассветных

Тенях

Скачет не в сказку — в быль:

На груди, на медных коленях,

На гребенчатом

Шлеме —

Пыль!..

Ждет его друг далекий

С глубиной

Голубою

Глаз,

Из которой бежит на щеки

Сквозной

Слезой

Алмаз.

Он нашел тебя, королева!

Он расслышал светлую весть!

Поет

Глубина

Напевно:

«Будет,

Было,

Есть!»

Игорь Северянин

ГОНДО XX

Пока не поздно, дай же мне ответ,
Молю тебя униженно и слезно,
Далекая, смотрящая мимозно:
Да или нет? Ответ — да или нет?
Поэзно «да», а «нет» — оно так прозно!

Слиянные мечты, но бьются розно
У нас сердца: тускнеет в небе свет...
О, дай мне отзвук, отзнак, свой привет,
Пока не поздно.

Ты вдалеке. Жизнь превратилась в бред.
И молния, и гром грохочет грозно.
И так давно. И так десятки лет.
Ты вдалеке, но ты со мною грезно.
Дай отклик мне, пока я не скелет,
Пока не поздно!..

Б. Л. Пастернак

* * *

Сумерки... словно оруженосцы роз,
    На которых — их копыта и шарфы.
Или сумерки — их менестрель, что врос
    С плечами в печаль свою — в арфу.

Сумерки — оруженосцы роз —
Повторят путей их извивы
И, чуть опоздав, отклонят откос
За рыцарскою альмавивой.

Двух иноходцев сменный черед,
На одном только вечер рьяней.
Тот и другой. Их соберет
Ночь в свои тусклые ткани.

Тот и другой. Топчут полынь
Вспышки копыт порыжелых.
Глубже во мглу. Тушит полынь
Сердцебиение тел их.

И. Г. Эренбург

ПЕСНИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

* * *

Рыцари, вас зову на борьбу,
На помощь Иерусалиму!
Господь пред вами начал тяжбу —
Оскорбили его сарацины.

Они разгромили святые места —
Его родовые поместья,
Кто не примет святого креста,
Тот не знает стыда и чести!

Кто с Людовиком пойдет,
Тому не страшен ад,
Душа его покой найдет
Средь ангельских услад!

За вас на кресте страдал господь,
Пронзенный копьём и гвоздями.
За него отдайте брENNую плоть,
Помогите ему в лютой брани.
Людовик сбросил парчу и меха,
Поместья свои он покинул.
Будьте как он, побойтесь греха,
Спешите помочь господину.

Кто с Людовиком пойдет,
Тому не страшен ад,
Душа его покой найдет
Средь ангельских услад.

Господь назначил в стране своей
Турнир между раем и адом.
На помощь сзывает своих друзей.
Вассалам откликнуться надо.
Господь теперь взывает к вам,
Он просит вас о защите.
За вас он принял пять смертных ран,
Вы смерть за него примите!

Кто с Людовиком пойдет,
Тому не страшен ад,
Душа его покой найдет
Средь ангельских услад!

* * *

Я вам пою, вы долго спали,
Проснитесь от дурного сна!
Господь взывает к вам в печали —
Его земля осквернена.
Господь решил неверным дать
Иерусалим на поруганье,
Чтоб нашу веру испытать.
Примите ж божье испытанье!

Иерусалим скорбит и ждет,
Кто защитит его придет!
Мы гибли, потеряв дорогу.
Господь — он к свету вывел нас.
А тяжкий крест во имя бога
От адава удела спас.
О принцы, графы, властелины,
Средь игр вы жили, среди утех.
Оставьте все, а в час единый
Идите искупить наш грех!

Иерусалим скорбит и ждет,
Кто защитит его придет!
Забыли вы о дивном масле,
За морем ждет давно жених.
Увы! Светильники погасли.
Спешите вы! Зажгите их!
Кто, слову божьему внимая,
Оставит все, на смерть пойдет,
Тот будет удостоен рая.
И, плоть отдав, свой дух спасет.
Иерусалим скорбит и ждет,
Кто защитит его придет!

* * *

Братья, новый день встает,
Жаворонок уж поет
О святом отдохновеньи.
Кто тяжелый крест возьмет,
Крест долготерпенья,
Кто познает страданный путь,
Где нельзя передохнуть,
Тот замолит прегрешенья,
Заработает спасенье.

Горе тем, что не пойдут,
Господина предадут
В час последней брани,
Он настанет, страшный суд,
После тяжких испытаний.
Агнец кроткий спросит нас,
Где мы были в этот час,
Нам покажет крест страданий,
Окровавленные длани.

Наша плоть — она темна
И на смерть обречена,
Наша участь шатка.
Кто уверен встать от сна?
Смерть для нас загадка.
Может, завтра мы умрем
И покинем бранный дом.
Так уйдем от жизни краткой
К жизни вечной, к муке сладкой!

* * *

Я сложу эту песнь, изнывая,
Чтоб забыть о печалях моих.
Из унылого, дикого края
Не приходит мой милый жених.
Далеко ль он теперь — я не знаю.
Я к заступнице нашей взываю.
Богородица, крепость и щит!
О, когда он «outré»¹ закричит,
Пощади своего пилигрима,
Ибо злы и хитры сарацины.
Не слагаю я радостных песен,
Он в далеком и страшном краю.
Боже, помнит ли он о невесте
И о том, как его я люблю?
Мы друг другу милы — мы не вместе,
Через море не шлет он мне вести.
Богородица, крепость и щит!
О, когда он «outré» закричит,
Пощади своего пилигрима,
Ибо злы и хитры сарацины.

---

¹ Военный клич крестоносцев (*старофранц.*).

Теплый ветер мне сладостью веет,
Теплый ветер твердит мне о нем.
Боже, сердце трепещет сильнее
Под тяжелым, под серым плащом.
Я на деву святую надеюсь,
Я молюсь, я скорблю перед нею.
Богородица, крепость и щит!
О, когда он «outré» закричит,
Пощади своего пилигрима,
Ибо злы и хитры сарацины!

* * *

Ликуйте, радуйтесь отныне,
Чтоб господу вернуть святыни,
Король Людовик поднял крест.
И кто погибнет на чужбине,
И кто падет средь божьих мест,
И кто уснет в морской пучине —
Тот будет жив, и только тот.
Идите все — король зовет!

Король терпел немало мук,
И тяжек был его недуг.
Недвижен, мертвым он казался,
Все громко плакали вокруг.
Все говорили: «Он скончался!»
И мать его объял испуг.
Она сказала при прощаньи:
«О сын, сколь трудно расставанье!»

Так королева Бланш сказала,
И горевали все немало.
Покрыли черным короля,
И горе страшное настало.
И граф Артуа сказал, моля,
С лица откинув покрывало:
«О брат, столь юным умереть!
Коль можешь говорить — ответь!»

Король вздохнул: «О брат, внимли.
Епископа позвать вели.
Хочу принять я крест суровый.
Давно мой дух уже вдали —

За морем, в стороне Христовой,
Среди песков святой земли,
Теперь и плоть пойдет за море,
Коль исцелюсь от этой хвори».

Все ожидавшие с тревогой
Тогда возрадовались много.
Поцеловала сына мать.
Теперь открыта в рай дорога.
Примите крест, чтоб пострадать!
Отдайте кровь и плоть за бога,
В краю, где он страдал за нас,
И где, страдая, нас он спас!

* * *

— Дама нежная, скрестивши руки,
Я о снисхожденье вас молю!
Вас любовью крепкой я люблю!
Я сильнее всего страшусь разлуки,
Но я принял крест и ухожу.
И на вас в последний раз гляжу.
За Христа хочу принять я муки.

— Нежный друг, не скрою я печали,
Лучше б мне монахиною быть.
Власяницу грубую носить!
Но теперь вы крест тяжелый взяли.
Богородицу прошу, чтоб вас
Оградила в битвы страшный час,
Чтобы вы, страдая, побеждали!

Настоящая антология включает наиболее значительные лирические произведения куртуазной литературы (см. предисловие) и охватывает время с XI по XIII в. Исключение составляет лишь раздел поэзии миннезингеров, где дан также «излет» куртуазного направления вплоть до первой половины XV в.

Антология основывается главным образом на публиковавшихся, вошедших в литературный обиход переводах. Это прежде всего тексты из 23-го тома Библиотеки всемирной литературы «Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов» (М., 1974). Максимально использованы для данного издания и такие известные книги, как антология «Песни трубадуров» (М., 1979; переводы А. Наймана) и монографическое издание «Бернарт де Вентадорн. Песни» в серии «Литературные памятники» (М., 1979; переводы В. Дынный). Вместе со стихами, переведенными специально для данной антологии, все эти переводы дают цельное представление о провансальской, северофранцузской и немецкой куртуазной поэзии; подобная антология публикуется на русском языке впервые.

Комментарии дают лишь самые необходимые сведения, без которых восприятие самих произведений затруднено. Более подробные биографические справки и интерпретационные изыскания приведены в вышеупомянутых книгах, равно как и во многих специальных трудах, привлекавших для работы авторами данных комментариев.

На авантитуле воспроизведена миниатюра из так называемой Большой Гейдельбергской рукописи (Гейдельберг, Университетская библиотека, Cod. Pal. Germ. 848), изображающая миннезингера Крафта фон Тоггенбурга.

ТРУБАДУРЫ

ГИЛЬЕМ АКВИТАНСКИЙ (1071—1126). Этого поэта, принадлежащего к одному из самых знатных родов Южной Франции (Гильем носил титул графа Пуату и IX Герцога Аквитании), часто называют «первым трубадуром». Яркая личность Гильема, его бурная жизнь послужили основой для создания многочисленных легенд. В творчестве Гильема Аквитанского намечены основные темы, мотивы, художественные принципы поэзии трубадуров.

«Сложу стихи я ни о чем...» — Песня принадлежит к жанру девиналя, т. е. загадки. *Марциал.* — Святой Марциал считался просветителем Лимузена — области на юге Франции, входившей во владения Гильема. *Анжу* — провинция в центральной части Франции. У Гильема были частые стычки с семьей графов

Анжуйских. *Милый Сосед* — сеньяль возлюбленной. Трубадуры часто скрывали подлинное имя возлюбленной, друга или покровителя за условным прозвищем, которое и называлось сеньялем. *Конфолен* (совр. Конфолан) — город в юго-западной части Франции, расположенный на реке *Вьенне*; местность вокруг города — равнинная. *Жимель*, *Ниоль* — названия владений Гильема. *Фолькова семья*. — Имеется в виду род Фолькета, графа Анжуйского.

МАРКАБРЮН (творческая деятельность — ок. 1130—1149). Предание приписывает Маркабрюну низкое происхождение, точных сведений о происхождении и жизни трубадура нет. Маркабрюн считается основоположником «темного» стиля (см. предисловие), образцом которого можно считать канцону «Начинаю без опаски...».

«Как-то раз на той неделе...» — Песня сложена в жанре пастурели, т. е. рассказа о встрече рыцаря с пастушкой. «Близ родника, среди сада, где в...» — Элементы пастурели соединяются в этой песне с чертами «женских песен», героиня которых сетует на разлуку с возлюбленным. Упоминается, по-видимому, второй крестовый поход (1147—1149), возглавляемый Людовиком VII.

АЛЕГРЕТ (творческая деятельность — вторая половина XII в.). Гасконский трубадур, возможно, ученик Маркабрюна, приверженец «темного» стиля.

СЕРКАМОН (вторая треть XII в.). Прозвище трубадура означает «странствующий по свету», что говорит о его принадлежности к жонглерам, т. е. профессиональным исполнителям песен, чаще всего сочиненных другими. Некоторые жонглеры, однако, и сами сочиняли песни. Как правило, жонглеры были более низкого происхождения, чем трубадуры.

ДЖАУФРЕ РЮДЕЛЬ (середина XII в.). Воспетая в песнях трубадура «дальняя любовь» послужила основой для легенды о любви Джауфре Рюделя к принцессе Триполитанской, в которую он якобы влюбился «заочно», по рассказам. Эта легенда была популярна не только в средние века, но и в XIX—XX вв., в частности, ее использовал французский поэт Э. Ростан в драме «Принцесса Греза» (см. переводы Т. Л. Щепкиной-Куперник в этой книге, с. 393).

Гуго — Гуго Лузиньян, друг или покровитель трубадура. *Фильоль* (дословно «сын») — прозвище жонглера. *Тулуза*, *Каор* — города на юге Франции.

РИГАУТ ДЕ БАРБЕЗЬЕУ (творческая деятельность — 1140—1163). Барбезьеу, родина трубадура, расположен в юго-западной части Франции. В жизнеописании отмечается приверженность трубадура к метафорам, позаимствованным из средневековых bestiaries — сборников рассказов о реальных и фантастических животных.

Двор Пюи — двор, где, очевидно, устраивались состязания трубадуров. *Симон-маг* — по преданию, лжечудотворец, пожелавший соперничать с Христом. *Феникс* — легендарная птица, сжигающая себя и возрождающаяся из пепла.

Персеваль. — Имеется в виду эпизод из преданий о рыцаре Персевале: при виде процессии со священным Граалем герой не осмелился задать ни одного вопроса, меж тем как вопрошающее слово могло бы снять колдовские чары.

БЕРНАРТ ДЕ ВЕНТАДОРН (творческая деятельность — 1150—1180). Легенда приписывает этому трубадурю низкое происхождение и любовь к жене своего сеньора, которой якобы и посвящена большая часть его песен. По другой легенде, Бернарт де Вентадорн был влюблен во французскую (1137—1152), а затем английскую (1152—1204) королеву Альенору Аквитанскую, неоднократно воспетую в песнях трубадууров.]

«Хотелось песен нам...» — Возможно, это обращение к английскому королю Генриху II Плантагенету, чьим покровительством пользовался поэт. *Оруженосец* — сеньяль друга. *Магнит* — по всей видимости, сеньяль дамы, влекущей к себе влюбленного. *Нормандская королева*. — Имеется в виду Альенора Аквитанская, имеющая владения в Нормандии (на севере Франции). *Гюгет* — очевидно, имя жонглера. *Овернец*. — Возможно, речь идет о графе Раймоне Тулузском, покровителе трубадууров. *Очей отрада* — сеньяль, относящийся, вероятно, к жене графа Тулузского. «Мой славный Бернарт, неужель...» — Партнером Бернарта по тенсоне (т. е. песне-спору) выступает, очевидно, трубадур Пейре Овернский (см. след. прим.).

ПЕЙРЕ ОВЕРНСКИЙ (творческая деятельность — 1150—1170). В одном средневековом жизнеописании Пейре назван «лучшим в мире трубадууром до Гираута де Борнеля». Пейре Овернский — один из зачинателей «изысканного» стиля, соединившего достижения «темного» и «легкого» стилей.

Аудрик — трубадур Аудрик де Вилар. «Трубадуур прославить я рад...» — Эта шутивная песня создана, вероятно, по случаю большого собрания трубадууров. Возможно, оно происходило при дворе Альеноры Аквитанской, возможно, у других властительных особ — Раймона Тулузского или короля Альфонса Кастильского. В песне упоминаются как хорошо известные нам имена (Гираут де Борнель, Бернарт де Вентадорн, Раймбаут Оранский), так и малоизвестные либо забытые вовсе. Упоминание волынки в последних строках песни подчеркивает ее шутивный характер (волынка считалась «низким» музыкальным инструментом).

РАЙМБАУТ ОРАНСКИЙ (д'Ауренга) (творческая деятельность — 1150—1173). Отпрыск одного из самых знатных провансальских родов, Раймбаут Оранский создавал песни в «изысканном» стиле. Для его произведений характерны пародия и самопародия.

Мой Перстень — сеньяль возлюбленной. *Милый жонглер*. — Возможно, имеется в виду некая дама-трубадуурка. *Сирвентес, эстрибот* — жанры поэзии трубадууров. *Сол* (соль) — мелкая монета. *In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti!* (лат.) — Во имя отца и сына и святого духа! — латинская фраза из католического богослужения. *Жонглер* — сеньяль трубадуурки Азалаис. П. Поркьярагуэс.

ГИРАУТ ДЕ БОРНЕЛЬ (творческая деятельность — 1160—1200). Перигорский сеньор, признанный мастер «темного» стиля, Гираут де Борнель назван в одном из жизнеописаний «магистром трубадуров».

Аламанда — вымышленное лицо, наперсница возлюбленной. «Благому Свету, ясному Царю...» — Песня сложена в жанре альбы, т. е. предрассветной песни. Она вложена в уста друга влюбленных, оберегающего их покой.

ЛИНЬАУРА — ГИРАУТ ДЕ БОРНЕЛЬ. Линьяура — сеньяль Раймбаута Оранского (прим. см. выше). В этой тенсоне Гираут выступает сторонником «легкого» стиля, хотя большинство его песен созданы в принципах «темного» стиля. Скрытый смысл этой тенсоны — необходимость взаимодействия «легкого» и «темного» стилей, блестяще сочетать которые удавалось тому же Раймбауту.

АРНАУТ ДАНИЭЛЬ (ок. 1150—1160 — ок. 1200). Уроженец Дордони (области на юго-западе Франции), Арнаут Даниэль — один из самых знаменитых трубадуров, мастеров «темного» стиля. Свои поэтические принципы трубадур излагает в канцонах «Из слов согласной прямыны...» и «Гну я слово и строгаю...».

Мьель-де-бен (дословно — лучше, чем благо) — сеньяль. *Люцерна* — легендарный город в Испании. «Слепую страсть, что в сердце входит...» — Песня сложена в форме секстины. Форма эта изобретена и введена в обиход трубадуров Арнаутом Даниэлем. Каждая строфа секстины состоит из шести нерифмуемых стихов, шесть конечных слов повторяются в разном порядке из строфы в строфу. «*Палка стала веткой...*» — намек на ветхозаветное предание, рассказывающее о том, как посох пророка Моисея сделался цветущей веткой.

МАРИЯ ВЕНТАДОРНСКАЯ — ГИ Д'ЮССЕЛЬ. Трубадурка и покровительница трубадуров, Мария (ум. после 1221 г.) воспевалась многими поэтами. Ги д'Юссель был священником и, как гласит предание, по приказу папы римского был вынужден бросить стихотворчество. В предлагаемой тенсоне широко использованы термины феодального юридического обихода: дама названа сюзереном, ее вассал — влюбленный рыцарь — просит выделить лен в сердце. *На* (старопровансальск.) — госпожа. *Лен* — феодальный земельный надел.

Вот влюбленный, руки сложив... — Имеется в виду феодальный ритуал оммажа, оформлявший отношения между сеньором и вассалом.

РАЙМБАУТ ДЕ ВАКЕЙРАС (конец XII — начало XIII в.). Уроженец Вакейраса (местность на юге Франции), Раймбаут пользовался покровительством маркиза Бонифация Монферратского, при дворе которого в Италии провел значительную часть жизни. Предание приписывает трубадурю любовь к жене маркиза.

«Мне образец мотива...» — В этой песне, рассказывающей о небывалом турнире — «гарламбее», под лошадьми подразумеваются дамы, а под наездни-

ками — их возлюбленные. Песня изобилует намеками, не всегда понятными нам, но, без сомнения, понятными современникам поэта. *Монт Рабей* — герой старопровансальского эпического сказания «Джирард Русильонский»; песня Раймбаута повторяет метрику и ритмику сказания. *Дон де Бос*, *Эн Раймон*, *Драгомет*, *граф де Боке*, *де Монлор*, *Барраль из Марселя*, *Эн Понс*, *Де Меольон* — южнофранцузские сеньеры. *Фисба* (Тисба), *Пирам* — герои античного мифа, влюбленные, чья любовь окончилась трагично. *Алый Рыцарь* — персонаж из романа Кретьена де Труа «Персеваль». *Тантал* — герой греческого мифа, осужденный переносить нечеловеческие муки. *Эвмен* — герой средневекового «Романа об Александре», отличившийся при осаде города *Ти́ра*. *Энглес* (буквально «англичанин») — сеньяль маркиза Монферратского. *Оранж*, *Монтлимар* — места близ Вакейраса. «Имеет слабость больше сил...» — Песня сложена в жанре девиналя. «Волны высокие, волны кругом...» — В этой песне прослеживаются отголоски фольклорных «женских песен».

БЕРТРАН ДЕ БОРН (1140—ок. 1215). Перигорский сеньер Бертран де Борн прожил бурную жизнь, участвуя в многочисленных феодальных распрях и политических интригах. Конец жизни (примерно с 1194 г.) провел в монастыре. Прославился в первую очередь сирвентами, сложенными по поводу конкретных политических событий своего времени. Многие песни посвящены спору Бертрана с его младшим братом за замок Аутофорт, который Бертран считал своим по праву майората (старшинства). Кроме того, трубадур принимал активное участие в междоусобной войне сыновей английского короля Генриха II Плантагенета, Иоанна Безземельного, Генриха и Ричарда Львиное Сердце. Трубадур выступал на стороне молодого Генриха.

Лиможец, *Гильем Гурдонский*, *Таллейран* — имена сеньеров, втянутых Бертраном в его войну с братом. *Цепь Леонарда*. — Имеется в виду средневековая легенда о святом Леонарде, освободителе узников. *Байард* — имя коня. «Пенье отныне заглушено плачем...» — Песня написана по поводу смерти Генриха (1183 г.), «молодого короля». Бертран де Борн называет Генриха королем, хотя тот лишь претендовал на престол. *Роланд* — герой средневекового эпоса, образец воинской доблести. *Безан* — золотая монета. *Цимбелин* — сеньяль встречается и у других трубадуров, однако отождествить его не удалось. *Дама Аэлис* — Аэлис де Монфор, жена Гилье́ма Гурдонского. *...путь в Шале...к виконтессе...* — Имеется в виду Гибор де Монтозе́, жена виконта Шале. *Тристан и Изольда* — герои средневековой легенды, любовники, которых не смогла разлучить даже смерть. *Аудьярт* — Аудьярт де Маламорт, воспетая многими трубадурами. *Папиоль* — имя жонглера, постоянно исполнявшего песни Бертрана де Борна. *Азиман* (буквально «влекущий») — сеньяль трубадура Фолькета Марсельского.

ФОЛЬКЕТ МАРСЕЛЬСКИЙ (ум. 1231). Сын купца, священник, впоследствии епископ Тулузский, Фолькет Марсельский был одним из организаторов инквизиции в Провансе. Песни Фолькета Марсельского обращены главным образом к его покровителям: Евдоксии Константинопольской, дочери императора

Византийского (в песнях названа императрицей), и Барралю, виконту Марсельскому, покровителю многих трубадуров.

Магнит — здесь: сеньяль Бертрана де Борна.

АРНАУТ ДЕ МАРЕЙЛЬ (конец XII — начало XIII в.). Поэт скромного происхождения, приверженец «легкого» стиля. Легенда приписывает ему любовь к графине де Бурлац. По преданию, графиня ответила трубадурову взаимностью, однако вскоре прогнала его, так как король Альфонс Арагонский, также влюбленный в графиню, оклеветал счастливого соперника.

Овидий (Публий Овидий Назон, 43 до н.э. — ок. 18 н.э.) — римский поэт, чей трактат «Искусство любви» был популярен среди куртуазных поэтов.

ГАУСЕЛЬМ ФАЙДИТ (род. ок. 1150). Уроженец Юерша (город в Лимузене), один из наиболее плодотворных трубадуров. Пользовался покровительством Марии Вентадорнской, посвящал ей песни. Предание говорит о Гаусельме как об азартном игроке, гурмане и волоките.

Бель-Эспер (дословно «прекрасная надежда») — сеньяль дамы. Возможно, этим сеньялем обозначена Мария Вентадорнская. ...*в путь отправлюсь превратный...* — Имеется в виду третий крестовый поход (1189—1192), участником которого был трубадур. Пятая и шестая строфы выдержаны в традициях песен крестовых походов. *Сеньор Пуатье* — Ричард Львиное Сердце. Песня сложена как бы от его имени и обращена к Марии Вентадорнской.

ГРАФИНЯ ДЕ ДИА (конец XII в.). Предание приписывает этой трубадурке любовь к Раймбауту Оранскому, что, однако, опровергается историческими фактами.

«Я горестной тоски полна...» — В этой песне звучат отголоски фольклорных «женских песен». *Бланкафлор, Флор* — влюбленные, герои популярного куртуазного романа.

КАСТЕЛЛОЗА (конец XII — начало XIII в.). Об этой поэтессе, чье прозвище означает «замковая», «из замка», практически ничего не известно.

ПЕЙРЕ ВИДАЛЬ (конец XII — начало XIII в.). Средневековые жизнеописания рассказывают о Пейре как о повесе, питавшем пристрастие к разного рода авантюрам — как любовным, так и политическим. Любовные песни трубадура обращены к некой «даме Лобе» (буквально «волчица»); отождествить этот сеньяль не удалось.

Мой граф. — Имеется в виду граф Раймон Тулузский. *Король* — Альфонс II Арагонский. *Комторова дочь.* — Имеется в виду *Раймбауда*, дочь *комтора* (временного управляющего церковной кафедрой). Есть предположение, что Раймбауда и есть дама Лоба. *Эн Драгоман* — сеньяль Гильема де Монпелье, покровителя трубадура. *Оливье, Бернар из Мондидье* — герои средневековых эпических сказаний. *Балаз'эр, Прованс, Монпелье, Кро, Тулуза* — места, в которых происходили бои в войне между Альфонсом Арагонским и Ричардом Львиное

Сердце. *Асна, Оссо* — военные кличи баскских воинов-песнников. *Сеньора Вьерна* — дама, которой посвящены некоторые песни трубадура. *Эн Райньер* (дословно «излучающий свет») — общий сеньяль Пейре и Барраля Марсельского. *Артур* — легендарный король, царивший в Бретани; по преданию, он должен воцариться опять и установить справедливость.

ГАВАУДАН (творческая деятельность — ок. 1195—1211). Предлагаемая пастурель, где сон смешан с явью, а образ пастушки сливается с образом Дамы, представляет образец «темного» стиля.

ГИЛЬЕМ ДЕ КАБЕСТАНЬ (начало XIII в.). Средневековое описание делает трубадура героем легенды о «съеденном сердце», по которой ревнивый муж, убив возлюбленного своей жены, превращает его сердце в изысканное кушанье и подает жене, не подозревающей, что перед ней.

ПЕЙРЕ КАРДЕНАЛЬ (ум. ок. 1280). По словам жизнеописания, трубадур «порицал зло этого мира и неверность клириков». Песни представляют собой сирвенты, которые в отличие от сирвент Бертрана де Борна не посвящены конкретным политическим событиям, а носят общеобличительный характер.

Денье, су — мелкие монеты. *Безан, марка* — крупные золотые монеты. *Файдит, Раймондет* — имена жонглеров, исполнявших песни трубадуров.

ГИРАУТ РИКЬЕР (ок. 1230—ок. 1295). Выходец из городской среды, уроженец Нарбонны. Гираута часто называют последним трубадуром; он был одним из весьма немногочисленных трубадуров, точно датировавших свои произведения.

«Однажды лугами...» — В рукописях указано, что это «первая пастурель эн Гираута Рикьера, сочиненная в году 1260». *Бель-Депорт* (дословно «прекрасное утешение») — сеньяль дамы. *Бертран д'Опиан* — нарбоннский рыцарь. «Дама к другу не была...» — Указано, что это «серена эн Гираута Рикьера, сочиненная в году 1263». Жанр серены («вечерней песни») создан трубадурами по аналогии с альбой. «Пора мне с песнями кончать...» — Этой песней, которая помечена как «27-ой верс эн Гираута Рикьера, сочиненный в году 1292», принято завершать творчество трубадура, равно как и поэзию трубадуров в целом.

АНОНИМНЫЕ ПЕСНИ. Песни, близкие к народным, получили более широкое распространение в лирике труверов, однако до нас дошли и некоторые образцы провансальских песен подобного рода.

«Все цветет! Вокруг весна...» — Песня восходит к древнейшим плясовым майским песням. «Я хороша, а жизнь моя уныла...» — Песню можно отнести к жанру песен о несчастном замужестве (прим. см. ниже). «Отогнал он сон ленивый...», «Дама и друг ее скрыты листвою...» — Песни сложены в жанре альбы.

ТРУВЕРЫ

ГАС БРЮЛЕ (ок. 1159 — после 1213). Шампанский трувер Гас Брюле — один из самых активных участников поэтической жизни северной Франции. Он пользовался покровительством самых знатных дворов Франции, имел «творческие контакты» со многими современными ему поэтами. Гас Брюле воспевает верность Любви к жестокой Даме, неотступное стремление к недостигаемой цели.

...*на берегах Бретани...* — Песня создана между 1181 и 1186 гг., когда трувер находился при дворе Жоффруа Бретонского. *Бошар* — Бошар де Марли, покровитель и друг трувера. *Нант* — город на северо-западе Франции.

КРЕТЬЕН ДЕ ТРУА (ок. 1130 — ок. 1190). Получил духовное образование, возможно, был священником. Автор пяти рыцарских романов, составивших целую эпоху в развитии повествовательного жанра. Романы Кретьена де Труа служили образцом для подражания нескольким поколениям европейских писателей. Песни были сложены трувером, по-видимому, при дворе Марии Шампанской.

БЛОНДЕЛЬ ДЕ НЕЛЬ (творческая деятельность — 1175—1200). Пикардский сеньор. Пользовался особым покровительством Ричарда Львиное Сердце, об их дружбе говорит средневековый хронист. Трувер XIII в. Эсташ де Пентр включил Блонделя в число «лучших любовников» (двое других — Тристан и шатлен Куси). Песни Блонделя посвящены, как правило, мукам влюбленного; трувер воспевает страдание как путь к достижению ответной любви.

ГИ ДЕ КУСИ (ум. 1203). Этого трувера, называемого в средневековых песенниках «шатленом Куси» отождествляют с Ги де Туроттом, уроженцем северо-запада Франции. Трувер участвовал в третьем крестовом походе и погиб в четвертом крестовом походе (1199—1202). Один из самых виртуозных труверов, он использует разнообразные строфические и метрические формы, прибегает к культурно-литературным реминисценциям. Основной мотив его песен — изображение «истинного влюбленного-поэта». Трувер XIII в. Жакмес сделал шатлена Куси героем «Романа о шатлене де Куси и даме де Файель», где разрабатывается мотив «съеденного сердца» (см. выше).

«И новый век, и май, и ароматы...», «Влюбленные, вам прежде всех других...» — Эти песни созданы между 1189 и 1191 гг., в ходе третьего крестового похода. *Лэ* («лирическое лэ») — один из жанров лирики труверов.

КОНОН ДЕ БЕТЮН (ок. 1155—1219). Знатный пикардский сеньор. Прославился как искусный дипломат. Участвовал в третьем крестовом походе. Будучи одним из военачальников четвертого крестового похода, трувер занял видное место в Латинской империи, образовавшейся в ходе этой кампании. Язывительный обличитель, обрушивающийся не только на слишком гордых дам, но и на своих политических противников. Конон де Бетюн говорит о невыносимых муках неразделенной любви и даже ставит под сомнение сам куртуазный принцип стремления к недостигаемой награде.

«Увы, любовь, тоску разъединенья...» — Песня создана в 1188 г. перед отправлением трувера в третий крестовый поход. «Не время, видно, песни петь...» — Эта песня, тяготеющая к жанру сирвенты, создана по поводу введения так называемой «салладиновой десятины» — налога, которым облагались те, кто не шел в крестовый поход. Французский король Филипп Август использовал собранные таким способом средства не на снаряжение крестового похода, а на войну с английским королем Генрихом II, чем и вызвал негодование многих рыцарей. *Граф отомстил...* — Имеется в виду граф Филипп Фландрский, покровитель труверов, не пожелавший принять участие в войне с Генрихом II. *Мастер из Уази* — трувер Гуйо д'Уази.

ГИЙО ДЕ ДИЖОН (конец XII — начало XIII в.). О трувере практически ничего не известно. Песня «Я своей душе в печали...» создана во время третьего крестового похода, возможно, под влиянием песни Маркабрюна «Близ родника, среди сада, где в...» (см. раздел «Трубадуры»).

Бовези — область в центральной части Франции. *Он прислал рубашку...* — Имеется в виду род пелерины, которую крестоносцы надевали поверх одежды.

ГОТЬЕ ДЕ ДАРЖЬЕС (ум. после 1236). Пикардийский трувер, современник как старшего (Гас Брюле, Конон де Бетюн), так и младшего (Тибо Шампанский, Филипп де Нантейль) поколений труверов. Песня сложена в жанре дескорта, где каждая строфа имеет свою структуру и исполняется на свой мотив.

ГУЙО ДЕ БЕРЗЕ (ок. 1170—1220). Уроженец центральной Франции, этот трувер принимал участие в четвертом и пятом крестовых походах.

«Коль тот, чье сердце в злой разлуке ныло...» — Песня создана в 1202 г., во время четвертого крестового похода. «Бернарт, скажи премудрому Фолькету...» — Песня сочинена в 1217—1221 гг., в пятом крестовом походе. Ей посланы слова: «Гуйо де Берзе шлет сию песню через жонглера Бернарта Аргентского Фолькету Романскому и призывает его отправиться вместе с ним за море». *Фолькет Марсельский* — трубадур (см. выше). *Маркизу, коему я предан свято...* — Имеется в виду маркиз Гильом Монферратский; далее трувер говорит об отце Гильома Бонифации Монферратском и о дяде Гильома Конраде Монферратском.

ГЮОН АРРАССКИЙ (ум. 1226). Шатлен Арраса Гюон участвовал в четвертом крестовом походе. Песня была создана во время кампании, в 1202 г.

Гвиневра, Ланселот — герои романов о короле Артуре: Гвиневра — жена короля, Ланселот — влюбленный в нее рыцарь.

ТИБО ШАМПАНСКИЙ (1201—1253). Графы Шампанские принадлежали к одному из самых знатных родов северной Франции. Тибо представлял собой

значительную политическую фигуру, он не раз организовывал заговоры против короля Людовика IX, принимал участие в шестом (1228—1229) и седьмом (1248—1254) крестовых походах. В 1239 г. в ходе подготовки седьмого крестового похода Тибо возглавил экспедицию крестоносцев на Восток. Центральным эпизодом этой военной экспедиции была битва под Газой, окончившаяся поражением крестоносцев. Поэзия Тибо Шампанского вобрала в себя все достижения лирики труверов XII в. и служила образцом для поэтов-рыцарей XIII в.

Орлица — сеньяль дамы. *Единорог* — легендарный зверь, замиравший при виде девственницы. «О господа, узнайте: кто нейдет...». «В дни, что изменою чреваты...», «Да будет так! О дама, ухожу...» — Песни созданы в 1239—1240 гг. *Филипп* — Филипп де Нантейль, друг Тибо Шампанского.

ШАРДОН ДЕ КРУАЗИЛЬ (творческая деятельность — 1230—1240). Участник шестого крестового похода, во время которого и создана песня; обращена она, предположительно, к жене Тибо Шампанского.

ФИЛИПП ДЕ НАНТЕЙЛЬ (ум. ок. 1250). Участник шестого и седьмого крестовых походов, во время седьмого похода погиб. Песня создана в 1239 г. по поводу поражения крестоносцев в битве под Газой.

Граф Монфор, граф де Бар. — Имеются в виду военачальники крестоносцев Эмерик де Монфор и Генрих де Бар. ...*наш союзник смелый, тамплиер, госпитальер*... — В битве под Газой принимали участие рыцари Тевтонского ордена и рыцари военно-монашеских орденов тамплиеров (храмовников) и госпитальеров.

КОЛЕН МЮЗЕ (род. ок. 1210). В песнях этого трувера содержится немало сведений как бы автобиографического характера, однако с абсолютной уверенностью на них полагаться нельзя. Колен Мюзе обращается к разным жанрам куртуазной поэзии, но во всех его песнях присутствуют мотивы радостей жизни, счастливой любви. Лирический герой трувера — странствующий поэт, живущий милостями знатных сеньоров.

АДАМ ДЕ ЛА АЛЬ (1235—1285/88). Уроженец Арраса, ставшего в XIII в. центром «бюргерского» направления в куртуазной лирике; поэты-бюргеры накладывали законы рыцарской поэзии на бюргерскую систему ценностей. Адам де ла Аль использовал традиционные куртуазные мотивы, но подчас принципиально их переосмысливал. Трувер был также актером и автором «пес-ингр», в частности театрализованной пастурели «Игра о Робене и Марион».

«Умру, умру, ей постылый...», «Когда погляжу...», «Любовь благая...» — Песни сложены в форме ронделей (рондо); особенность ронделя — повторение одной и той же строки или пары строк в начале, середине и конце песни.

МОНЬО АРРАССКИЙ (творческая деятельность — 1212—1240). Прозвище трувера, означающее дословно «монашек», указывает на его возможную при-

надлежность к духовному сословию. Трувер — автор многих песен; публикуемая здесь может быть отнесена к жанру реверди (прим. см. ниже), но в ней есть и элементы песни-кансоны (герой рассказывает двум влюбленным о своей несчастной любви).

АНОНИМНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. ПЕСНИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ.

Жизор — город на северо-западе Франции.

ПЕСНИ ПОЛОТНА. Происхождение названия жанра не установлено. Эти песни, встречающиеся только в поэзии труверов, называют иногда куртуазными балладами. Жанр был распространен в XII в.; в XIII в. *песни полотна* были переработаны аррасским трувером Одфруа де Батаром.

ПЕСНИ О НЕСЧАСТНОМ ЗАМУЖЕСТВЕ. Жанр близок к фольклорным «женским песням». Героиня песен обычно жалуется на мужа — старого и незнатного — и грозитя завести «дружка».

«Смирись, мой муж...» — Песня, сложенная в форме ронделя, иногда приписывается Кретьену де Труа. «Красота Алиса...» — В песне, примыкающей к данному жанру, содержатся также элементы реверди.

РЕВЕРДИ. Название этого жанра, также характерного в основном для северо-французской куртуазной поэзии, можно приблизительно перевести как «песни пробуждающейся природы». Как правило, герои реверди — влюбленные, наслаждающиеся своей любовью на лоне природы.

ПАСТУРЕЛЬ. В поэзии труверов жанр наделен несколько иными, чем у трубадуrow, чертами. У труверов обычно не упоминается жестокая Дама, а пастушка, как правило, уступает рыцарю.

РОНДЕЛИ. О специфике жанра см. комментарий к песням Адама де ла Аля.

«Сидя у камина...» — Строго говоря, песня не является ронделем; в ней пародируются мотивы куртуазной лирики. *Тавлея* — расчерченная доска для игры в кости или шахматы.

МИННЕЗИНГЕРЫ

КЮРЕНБЕРГ. Упоминается в песенниках как «рыцарь фон Кюренберг», т. е. из Кюренберга, по месту рождения. Первое «фиксированное» имя в истории миннезанга (упомянут впервые вместе с Дитмаром фон Айстом в 1160 г.). Крупнейший представитель раннего дунайского миннезанга, основанного на народной традиции, и не испытавший еще влияния трубадуrow. Происходил из рода австрийских дворян, исполнявших вассальную повинность.

МЕЙНЛОХ ФОН СЕФЕЛИНГЕН. Дворянин из рода швабских рыцарей (современный город Сефлинген находится неподалеку от Ульма), упоминается

в 1180 г. Здесь приведены все стихи, с достоверностью приписываемые Мейнлоху.

БУРГГРАФ ФОН РЕГЕНСБУРГ. Этот миннезингер обычно отождествляется с Фридрихом Регенсбургским, сыном бургграфа Генриха III (ум. 1177). Форма песен (длинные строки, разделенные цезурой) восходит к старонемецким образцам, некоторые исследователи отмечают также влияние трубадура Маркабрюна.

БУРГГРАФ ФОН РИТЕНБУРГ. По всей видимости, младший брат бургграфа фон Регенсбурга. Форма и содержание песен указывает на знакомство с поэзией трубадуров.

СПЕРФОГЕЛЬ. В шпрухах (дидактических стихах, характерных для певцов нерыцарского происхождения) Большой Гейдельбергской рукописи, данных под именем Сперфогеля, исследователи различают два «почерка». Собственно Сперфогель жил позднее, чем его «соавтор», в конце XII — начале XIII в.

ДИТМАР ФОН АЙСТ. Под этим именем в разных рукописях даны песни, возникшие в разное время. Насколько они связаны с реальным лицом, дворянином Дитмаром фон Айстом, состоявшим на службе у Генриха II Австрийского в 70-х гг. XII века, до сих пор неясно. Автор далек от влияния трубадуров, связан в своем творчестве с народными традициями. Дитмару принадлежит первая из сохранившихся «утренних песен» миннезингеров, хотя некоторые исследователи оспаривают ее принадлежность раннему периоду миннезанга.

ИМПЕРАТОР ГЕНРИХ. Песни, записанные в манускриптах под именем «императора Генриха», традиционно связываются с императором Священной Римской империи германской нации Генрихом VI (1165—1197), при дворе которого процветал миннезанг, причем сочинение песен считалось занятием, которого достойны лишь самые знатные. Различимы два стиля: рейнский миннезанг, испытывавший влияние трубадуров, и традиционная дунайская ветвь (см. Кюренберга и Дитмара фон Айста).

ФРИДРИХ ФОН ХАУЗЕН. Упоминается в хрониках и документах с 1171 по 1190 г. как обладающий значительным состоянием министр-ал (служилый рыцарь). В 1175 и 1186 гг. был с Генрихом VI в Италии. В 1187 г. присутствовал при исторической встрече Фридриха I с Филиппом Августом Французским. Погиб в третьем крестовом походе в битве при Филомелиуме (1190). Впервые в миннезанге дал развернутое воплощение темы высокой любви, разработал ритуал служения Даме. Наиболее знамениты его песни крестовых походов.

ГЕНРИХ ФОН ФЕЛЬДЕКЕ. Происходил из долины реки Мааса, сочинял

на лимбургском наречии. Из его произведений явствует, что поэт присутствовал в 1184 г. при посвящении в рыцари сыновей императора — Генриха (будущего Генриха VI) и Фридриха — и что позже он жил при дворе ландграфа Германа Тюрингского, покровителя многих миннезингеров. Автор романа «Энеида» — первого в Германии произведения куртуазного эпоса, представляющего собой обработку старофранцузского романа на античную тему. В песнях трубадура любви приобретает временами иронический характер. Сильное влияние трубадуров видно в разработке тем и в формальной стороне; для поэта характерно обращение к сложным системам рифмовки, ставка на виртуозность стиха.

РУДОЛЬФ ФОН ФЕНИС. Швейцарский миннезингер, обычно отождествляется с графом Рудольфом II фон Нейенбургом, упоминается с 1158 по 1192 г. Более всех миннезингеров был подвержен влиянию лирики трубадуров. Песни представляют собой по большей части переложения провансальских кансон, в которых соблюдаются строфика и рифмовка оригинала.

АЛЬБРЕХТ ФОН ЙОХАНСДОРФ. Упоминается с 1180 по 1209 г. Происходил, очевидно, из Баварии, принадлежал к роду рыцарей, находившихся в вассальной зависимости от архиепископов Пассау и Бамберга. Участвовал в третьем крестовом походе. Своеобразие лирики определяется органическим соединением старой дунайской традиции с глубоко разработанной темой высокой любви. Стихи также выявляют импонирующие человеческие качества: не знающие компромиссов собственное достоинство, цельность и благородство натуры. Благодетель и служение Даме находятся в гармоническом единстве.

ГЕНРИХ ФОН МОРУНГЕН. Принадлежал к роду министерялов Тюрингии. Участвовал в четвертом крестовом походе. Творчество Генриха фон Морунгена — одна из ярчайших страниц миннезанга; стилю его свойственна особая музыкальность и ритмическая изощренность. Тема высокой любви трактуется метафизически, разрабатываются мотивы любовной мистики. Чувствуется влияние трубадуров, в особенности Бернарта де Вентадорна.

РЕЙНМАР (фон Хагенау). Наиболее плодовитый из миннезингеров. Происходил, по-видимому, из эльзасского рода высокопоставленных министерялов. Участвовал в третьем крестовом походе. При дворе Леопольда V Австрийского встретился с Вальтером фон дер Фогельвейде (см. ниже), который впоследствии пародировал стиль Рейнмара; известна поэтическая полемика между двумя певцами по вопросу о том, что должно быть предметом искусства. Неизменной темой Рейнмара является любовная тоска; он как бы создает культ страдания. Образно передают поэтическую индивидуальность Рейнмара прозвища, данные миннезингеру его современником Готфридом Страсбургским в романе «Тристан» («соловей из Хагенау») и немецким поэтом нового времени Людвигом Уландом («схоластик несчастной любви»).

ГАРТМАН ФОН АУЭ (ок. 1170 — ок. 1210). Родом из Швабии; рыцарь,

участник третьего или четвертого крестового похода. Прославился как мастер стихотворного повествования, переложивший на среднерheinemский в стихах куртуазные эпосы Кретьена де Труа «Эрек и Энида» и «Ивейн». Автор популярной стихотворной новеллы «Бедный Генрих», находящейся по жанру на полпути между религиозной дидактической повестью и рыцарской эпопеей, и поэмы-легенды «Грегориус». Выработал ясный стиль, основанный на изобретательном использовании разнообразных риторических и поэтических средств, который стал образцом для позднейших поколений поэтов.

ВОЛЬФРАМ ФОН ЭШЕНБАХ (ок. 1170 — ок. 1220). Министериал из знатного, но обедневшего рода, из города Оберэшенбаха в Баварии. В 1203—1216 гг. жил при дворе ландграфа Германа Тюрингского. Вольфрам проявил себя как один из самых оригинальных поэтов своего времени и вошел в живую историю культуры. В огромном по протяженности романе «Парцифаль» и его продолжении «Титурель» им разработана легенда о святом Граале, исторические события трактованы в эпосе «Виллехальм». Лирические произведения поэта немногочисленны, но и в них видно стремление к перенасыщенной мыслями и образами, «заумной» речи, зачастую приводящее к темноте и невнятице. Слава Вольфрама прошла через века: он стал одним из героев оперы Р. Вагнера «Тангейзер».

ВАЛЬТЕР ФОН ДЕР ФОГЕЛЬВЕЙДЕ (ок. 1170 — ок. 1230). Бедный австрийский министриал, искусству сочинения и исполнения песен учился у Рейнмара. С 1190 по 1198 гг. был придворным поэтом в Вене, затем служил у многих правителей Германии, Италии и Франции. Некоторое время жил в Вартбурге, при дворе ландграфа Германа Тюрингского. Скитания кончились службой у императора Фридриха II Гогенштауфена, который в 1220 г. пожаловал певцу небольшой лен под Вюрцбургом. В песнях Вальтера нашли отражение и куртуазный стиль, и поэтика народного творчества; яркое дарование поэта проявлялось как в «чистой» лирике, так и в гражданских стихах. Вальтер фон дер Фогельвейде — один из наиболее читаемых и почитаемых у себя на родине миннезингеров, место его в средневековой немецкой поэзии можно сравнить с местом Вийона во французской.

НЕЙДХАРДТ ФОН РОЙЕНТАЛЬ (ум. ок. 1230). Жил в Баварии, происхождение его неизвестно. Участвовал в пятом крестовом походе. Развивал идею «низкой любви» — страсти к простой крестьянке — и явился зачинателем сельской куртуазной поэзии, так называемого «деревенского миннезанга». В пародиях на песни «придворного миннезанга» отчетливы элементы социальной сатиры. Вокруг личности миннезингера сложился цикл шванков, составивших в XV в. книгу «Нейдхардт Лис».

ГОТФРИД ФОН НЕЙФЕН. Из рыцарского рода. Был причастен к политической борьбе своего времени. Куртуазные песни отличаются высоким стилем при заметном однообразии содержания.

УЛЬРИХ ФОН ЗИНГЕНБЕРГ (первая треть XIII в.). Принадлежал к сословию министерялов, с 1219 по 1228 г. был казначеем города Санкт-Галлена в Швейцарии. Испытывал несомненное влияние Вальтера фон дер Фогельвейде.

БУРКХАРТ ФОН ХОЭНФЕЛЬЗ (первая половина XIII в.). Младший сын рыцарского рода. Одно время находился в окружении императора Генриха VII. Автор трех куртуазных песен и трех песен, близких к «деревенскому миннезангу».

ТАНГЕЙЗЕР (ок. 1200—1270). Рыцарь из Франконии, принимал участие в крестовом походе (вероятно, шестом), служил германскому императору Фридриху II и его сыну Генриху VII, а также австрийскому герцогу Фридриху Воинственному. От последнего получил лен; после смерти герцога разорился и покинул Вену, вел жизнь странствующего миннезингера. Излюбленный жанр Тангейзера — лейх (песнь, состоящая из нескольких строф разного строения). Изображение культа любви приобретает у него ироническую и фривольную окраску. Легенда XVI в. изображает Тангейзера пленником и возлюбленным богини Венеры, его фигура как бы воплощает в себе языческий культ чувственности. Тангейзер — главный герой одноименной оперы Р. Вагнера.

ФРЕЙДАНК. Это имя обычно отождествляется со странствующим поэтом бюргерского происхождения из Швабии или Тироля, который принимал участие в шестом крестовом походе и умер в 1233 г. на пути в Венецию в баварском городе Кайсгейме. Фрейданк означает «вольнодумец»; остается неясным, является ли это имя истинным или представляет самоназвание. Основной сборник Фрейданка — «Разумение», состоящий из рифмованных изречений, афоризмов, пословиц. Фрейданк — один из зачинателей бюргерской дидактической поэзии, вытекающей из традиции шпруха и предваряющей мастерзанг.

КРАФТ ФОН ТОГГЕНБУРГ (конец XIII в.) (см. цветную вклейку на авантитуле). Рыцарь из рода графов Тоггенбургов, владевшего богатыми землями в предгорьях Альп в Швейцарии и вымершего к середине XV в.

ФОН БУВЕНБУРГ (конец XIII в. — начало XIV в.). Происходил, очевидно, из рода швабских дворян. Песни Бувенбурга отличает реализм образов; насмешливое отношение к женщине иногда приводит к грубонатуралистическому изображению любви.

ГЕСС ФОН РЕЙНАХ (конец XIII в.). Происходил из духовенства или сословия министерялов.

ОСВАЛЬД ФОН ВОЛЬКЕНШТЕЙН (†377—1445). Происходил из старого рода тирольских рыцарей. Прожил богатую событиями жизнь, много воевал, был склонен к авантюрам. Творчество его — завершение миннезанга; песни

представляют своего рода лирическую автобиографию, стиль их оригинален и даже изыскан.

ГЕНРИХ ФОН МЮГЕЛЬН (ок. 1320—1372). Поэт из бюргерской среды, автор аллегорической поэмы «Венец юных дев». Мейстерзингеры причисляли Генриха к «двенадцати старым мастерам».

ГУГО ФОН МОНТФОРТ (1357—1423). Граф знатного рода, владелец больших земель, принимал активное участие в политической жизни Австрии во время правления герцога Леопольда III. Стремился соблюдать традиции куртуазной поэзии, но по технике был ближе к народному творчеству. В творчестве Гуго отчетливо виден закат миннезанга.

МОТИВЫ КУРТУАЗНОЙ ЛИРИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПОЭТОВ XIX—XX ВЕКОВ. ПОДРАЖАНИЯ, ПЕРЕЛОЖЕНИЯ, ПЕРЕВОДЫ.¹

Литература нового времени западноевропейских стран долго не обращала внимания на свою предшественницу — литературу средних веков. Потому и русская поэзия лишь во второй половине XIX в. обратилась к сколько-нибудь серьезному освоению сокровищ куртуазной лирики. Классических переводов в этой области создано не было (в том смысле, в каком можно говорить о классических переводах произведений античности или, скажем, эпохи романтизма). Однако можно говорить все же о переводах, имеющих определенное культурно-историческое или даже чисто историческое значение. В первую очередь это переводы миннезингеров, выполненные Д. Д. Минаевым (1835—1889) для антологии Н. В. Гербеля «Немецкие поэты в биографиях и образцах» (СПб, 1877). Мастер эпиграммы и пародии, «король рифмы», Д. Д. Минаев добился органического звучания, текучести стиха, но миннезингеры пели у него все же с нескрываемо некрасовскими интонациями. В 1901 г. вышла в свет книга К. А. Иванова (1858—?) «Трубадуры, труверы и миннезингеры», в которой развернутый пояснительный текст содержал многие образцы лирики миннезингеров и трубадуров. Специалист по истории средних веков, К. А. Иванов обладал значительной эрудицией, знал языки, на которых писали его авторы. Однако поэтом он был весьма посредственным, хотя и издавал сборники собственных стихов. Отсутствие литературной одаренности, дилетантизм мешали в полной мере проявиться знаниям историка и литературоведа, поэтому переводы К. А. Иванова имеют, пожалуй, чисто историческое значение. В XX в. куртуазная поэзия привлекла также внимание И. Г. Эренбурга (1891—1967), начинавшего как поэт и питавшего глубокие пристрастия к французской литературе вообще. Главная особенность

¹ Тексты этого раздела даются главным образом по книгам серии «Библиотека поэта» или собраниям сочинений. Подробные биографические данные о русских поэтах читатели могут найти в соответствующих изданиях. Порядок расположения авторов определяется датами рождения.— *Прим. составителей.*

его переводов состоит в том, что «формульность» куртуазной поэзии, четкие риторико-логические ходы, взаимозависимость слов и образов зачастую заменяются романтической размытостью и экспрессионистскими лирическими «наплывами», тем самым достигается современное звучание. Переводы Эренбурга следует считать скорее переложениями, если вкладывать в это слово смысл намеренно вольного обращения с оригиналом.

Переложениями являются также некоторые песни в драме А. А. БЛОКА (1880—1921) «Роза и крест», однако здесь это слово мы употребляем с другим оттенком, имея в виду бережное использование иноязычного материала для собственных художественных задач. Все песни (кроме ключевого романса Гаэтана) имеют реальный прототип — старопровансальский, старофранцузский или бретонский. (В целом о драме мы говорим в заключительной части комментариев.)

Главное место в данном разделе книги занимают произведения, которые являются либо подражаниями, либо просто построены на темах и образах рыцарской поэзии.

Вспомним, что западноевропейская средневековая культура в целом вошла в литературный процесс России через немецких поэтов-романтиков, открывших богатейшую традицию там, где раньше видели лишь тьму невежества и провал в истории человечества.

«Поэзия родилась под небом полуденной Франции», — пишет в 1825 г. А. С. ПУШКИН (1799—1837), увидевший в провансальской куртуазной лирике истоки европейской поэзии нового времени. Несколько позднее, в 1829 г., он пишет стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный...», где использует популярный в поэзии трубадуров мотив поклонения деве Марии как Даме. Стихотворение это — не стилизация, не подражание какой-либо конкретной поэтической форме трубадуров, но в нем присутствует довольно точный обобщенный образ рыцарской поэзии в целом с ее пафосом воинской доблести и верности избранному идеалу. В последних строках ясно слышится некоторая авторская отстраненность:

Между тем как он кончался,
Дух лукавый подоспел,
Душу рыцаря сбирался
Бес тащить уж в свой предел:

Он-де Богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа.

Но пречистая сердчно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

За авторской иронией здесь прочитывается характерная для Пушкина мысль об опасности подхода к одной культуре с ценностными категориями дру-

гой, вследствие которого выражение «полон верой и любовью» может быть трактовано как «волочился». В 1835 г. Пушкин начал писать оставшуюся незавершенной пьесу, которую обычно называют «Сцены из рыцарских времен». Здесь на смену обобщенному образу рыцарской поэзии приходит воспроизведение конкретного отрезка времени, определенного этапа развития средневековой культуры, когда все еще сильное рыцарское сословие начинает постепенно терять ведущую позицию в культурной жизни средневекового общества. В пьесу Пушкин включил два написанных ранее стихотворения — переложение шотландской народной баллады «Ворон к ворону летит...» и переработанный вариант стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...». Весьма знаменательно, что последнее, вложенное в уста средневекового певца, должно было утратить авторскую отстраненность, и три последних строфы (см. выше) были Пушкиным сняты.

Следует заметить, что, согласно некоторым наблюдениям, стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный...» написано Пушкиным не без влияния баллады В. А. ЖУКОВСКОГО (1783—1852) «Рыцарь Тогенбург», опубликованной в 1818 г. Она, в свою очередь, представляет собой перевод одноименной баллады Фридриха Шиллера — предромантического произведения об идеальной любви, вечном «томлении». Две другие баллады Жуковского, включенные в нашу книгу, — это переложения произведений немецкого поэта-романтика Л. Уланда, написанных по мотивам средневековых легенд. «Переводчик милостью божьей», основатель русской школы стихотворного перевода, Жуковский шел, как правило, по пути некоторой нейтрализации местных и исторических красок, оставляя лирическое и символическое звучание. Пожалуй, именно Жуковскому принадлежит заслуга введения средневековой культуры (пусть и опосредованно, через романтиков) в русский литературный обиход, о чем мы говорили выше. Характерна пародия М. Ю. ЛЕРМОНТОВА (1814—1841) на «Старого рыцаря» Жуковского («Он был в краю святом...»), подразумевающая широкую известность объекта пародии.

Вообще говоря, и после опытов Жуковского и Пушкина пристальное вглядывание в эпоху Средневековья не было типичным для русских поэтов XIX века. Стремясь найти в культуре прошлого свои сегодняшние идеалы, они вычленили из куртуазной поэзии лишь то, что этим идеалам соответствовало. Подобно авторам средневековых «жизнеописаний» трубадуров, сплетавших то, что было, с тем, что им хотелось бы видеть в биографиях поэтов «былых времен», поэты XIX в. постепенно выработали своего рода легенду о куртуазной культуре. В центре этой легенды стоял образ поэта, таящего в груди неразделенную любовь. Как правило, поэт рисуется бродягой, кочующим из замка в замок; он волен и независим, поэтический дар его идет от самого сердца, песни его воодушевлены одной лишь любовью. Таким предстает перед нами, в частности, герой стихотворения Н. П. ОГАРЕВА (1813—1873) «Миннезингер». Поэзия и любовь наполнили жизнь состарившегося певца из стихотворения «Вадох трубадура» Н. Ф. ГЛИНКИ (1786—1880) и разочаровавшегося в жизни, погруженного в прошлое рыцаря из миниатюры А. А. ДЕЛЬВИГА (1798—1831) «Романс».

Образ бродячего поэта возник, вероятно, от смешения понятий миннезингер и менестрель, трубадур и жонглер. Так, герой стихотворения А. Н. МАЙКОВА (1821—1897) «Менестрель» по своему социальному статусу не отличается от огаревского миннезингера. Примечательно, что рыцарь из одноименного произведения Майкова наделен и воинской доблестью, и любовью к Даме, но лишен поэтического дара: образ бродячего поэта плохо ложился на статус знатного рыцаря.

Иначе обстояло дело, когда героем стихотворения становился реальный трубадур, как, например, в «Бертране де Борне» А. А. ФЕТА (1820—1892), переводе из Л. Уланда. Знатный рыцарь Бертран де Борн, разумеется, не может быть бродягой без роду и племени. Однако и в его образе для автора главное — независимость, сочетающаяся с воинской доблестью и поэтическим даром. Желая видеть в трубадуре XII в. образец бесстрашия, автор XIX в. вкладывает в его уста дерзкие слова, обращенные к королю, забывая при этом, что в эпоху Средневековья король был всего лишь одним из самых знатных сеньоров, не более. Но историческая точность не нужна ни Уланду, ни Фету: реальный Бертран волнует их гораздо меньше, чем возможность высказать свое представление о роли и месте поэта в обществе. Так же свободно обращается с «историческим антуражем» и М. Ю. Лермонтов в стихотворении «Пленный рыцарь», развивая привычный мотив одиночества.

К концу XIX — началу XX в. образы, заимствованные из куртуазной поэзии, прочно вошли в арсенал изобразительных средств русских поэтов, стали появляться и в стихах, не связанных прямо со средневековыми темами. Один из примеров — «Серенада» А. А. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА (1848—1913), где в один ряд выстраиваются метафоры: рыцарь-смерть, смерть-освободительница, рыцарь-освободитель. В стихотворении «Для битвы честной и суровой...» того же автора слова «битва», «меч», «стяг» призваны вызвать у читателя ряд ассоциаций, связанных с пафосом служения избранному делу — в данном случае — делу поэта. В 80—90-е годы XIX в. в русской поэзии появляются устойчивые стереотипы в изображении «рыцаря» и «певца», характерными в этом смысле являются стихотворения «Паладин» КОНСТАНТИНА ЛЬДОВА (1862— ум. после 1935) и «Лионель» М. А. ЛОХВИЦКОЙ (1869—1905). Мелодраматизация мотива высокой любви свойственна пьесе французского поэта Эдмона Ростана «Принцесса Греза», которая в мастерском переводе-переложении Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК (1874—1952) стала популярна среди определенной части читающей публики.

В русской поэзии конца XIX — начала XX в. косная легенда, обобщенно-трафаретный взгляд на рыцарство постепенно изживают себя. В «Стихах о Прекрасной Даме» А. А. Блока речь идет о высоком чувстве к возлюбленной, а не о средневековой Даме; условно трактует рыцарскую метафизику АНДРЕЙ БЕЛЫЙ (1880—1934) в стихотворении «Близкой»; необычная метафора «Сумерки — оруженосцы роз» появляется у молодого Б. Л. ПАСТЕРНАКА (1890—1960). В «Тангейзере» М. А. ВОЛОШИНА (1877—1932) перед нами снова леген-

да о миннезингере, но взята она непосредственно из Средневековья, и элементы легенды, мифа (Венерин грот) четко отделены от средневековой «конкретики» («острокрыший городок»).

Возникшая потребность выикнуть в дух куртуазной поэзии, постичь ее законы пускает глубокие корни. Поэты рубежа веков активно берутся за такие задачи. В. Я. БРЮСОВ (1873—1924), давая развернутую панораму мировой лирики в сборнике подражаний «Сны человечества», создает мастерские, тончайшие стилизации, без видимого усилия вживается в сложные строфические формы куртуазной лирики. В стихотворении «La belle dame sans merci» Брюсов добивается зримого погружения в эпоху Средневековья, «ухитряется» говорить с читателями XX в. устами средневекового человека.

Такой же момент игры отчетлив и в иронически стилизованном под средневековую песенку стихотворении ФЕДОРА СОЛОГУБА (1863—1927) «Маргрета и Леберехт» и в его «Триолетах», где виртуозно манипулируемая фиксированная форма вмещает вариации на «вечные темы», то остранные суховатой стилизацией под средневековые рондели (в выбранных нами образцах), то резко «вдвинутые» в современность; интересна попытка ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА (1887—1941) использовать форму рондо для современного стихотворения. Попутно следует отметить, что версификационные и стилизаторские достижения поэзии этого времени (в первую очередь опыты Брюсова) явились той базой, на которой современные переводчики строят художественные концепции при переводе средневековой лирики.

Стремление проникнуть в самый дух куртуазной поэзии, равно как и в законы ее восприятия, ярко проявилось в драме А. А. БЛОКА (1880—1921) «Роза и крест», написанной в 1916 г. Блок выбирает для действия своей пьесы период альбигойских войн начала XIII в. Время это стало роковым для провансальской культуры, в ходе альбигойских войн большая часть южной Франции оказалась разрушенной. С другой стороны, к этому времени куртуазная поэзия уже сформировалась и развилась как целостное явление, и Блок показывает нам бытование поэтического слова трубадуров среди их же современников. Разрушая сложившиеся стереотипы, о которых мы говорили выше, автор драмы выводит на сцену неуклюжего рыцаря (Бертрана), даму, отнюдь не недоступную, томимую плотскими вожделениями (Изоору), рыцаря «нерыцарского» поведения (Алискана) и, наконец, поэта, который не является ни рыцарем, ни влюбленным (Гаэтан). О Гаэтане следует сказать особо. Он так же резко отличен от других, вполне реальных персонажей, как отлична его песня от других песен, включенных в пьесу и имеющих реальный прототип (об этом говорилось выше). Песня Гаэтана не могла быть сочинена трубадуром, как не мог бы быть трубадуром Гаэтан. Гаэтан и его песня — это обобщенное видение Блоком куртуазной культуры — не вполне понятной, загадочной, манящей, проникнутой трагическим пафосом «Радости-Страдания». Гаэтан — это образ поэта, единого на все времена, образ самой поэзии, соединяющей в нашем восприятии минувшую и сегодняшнюю культуру.

Не так уж случайно, что словосочетание Прекрасная Дама — La Belle Dame

французской куртуазной лирики — воспринимается большинством наших современников как образ-символ поэзии Блока.

Блок имеет на это право: вместе с Пушкиным, чей «бедный рыцарь» органически вошел в русскую культуру (вспомним хотя бы «Идиота» Ф. М. Достоевского), он принадлежит к тем немногим русским поэтам, которые захотели и смогли проникнуть в глубь далекой эпохи и постичь образный строй рыцарской лирики.

О. Смолицкая, А. Парин

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Любовная лирика средневекового Запада. *Предисловие А. Д. Михайлова* 3

ТРУБАДУРЫ

Гильем Аквитанский. <i>Перевод А. Наймана</i> (1—2), <i>С. Бунгмана</i> * (3—4), <i>В. Орла</i> * (5—7) ¹	17
Маркабрюн. <i>Перевод А. Наймана</i>	24
Алегрет. <i>Перевод А. Наймана</i>	30
Серкамон. <i>Перевод В. Дынник</i>	32
Джауфре Рюдель. <i>Перевод А. Наймана</i> (1), <i>В. Дынник</i> (2), <i>А. Парина</i> * (3)	34
Ригаут де Барбезьеу. <i>Перевод В. Дынник</i>	38
Бернарт де Вентадорн. <i>Перевод В. Дынник</i>	42
Пейре — Бернарт де Вентадорн. <i>Перевод В. Дынник</i>	51
Пейре Овернский. <i>Перевод А. Наймана</i>	53
Раймбаут Оранский. <i>Перевод А. Наймана</i>	57
Гираут де Борнель. <i>Перевод В. Дынник</i> (1) и <i>А. Наймана</i> (2—4)	62
Линьяура — Гираут де Борнель. <i>Перевод А. Наймана</i>	69
Арнаут Даниэль. <i>Перевод А. Наймана</i>	71
Мария Вентадорнская — Ги д'Юссель. <i>Перевод А. Наймана</i>	79
Раймбаут де Вакейрас. <i>Перевод А. Наймана</i>	81
Вертран де Борн. <i>Перевод А. Наймана</i>	87
Фолькет Марсельский. <i>Перевод А. Наймана</i>	97
Арнаут де Марейль. <i>Перевод А. Наймана</i>	103
Гаусельм Файдит. <i>Перевод А. Наймана</i>	107
Графиня де Диа. <i>Перевод В. Дынник</i>	113

---

¹ Цифры в скобках соответствуют нумерации стихотворений в данной книге; звездочками обозначены переводы, публикуемые впервые. — *Прим. составителей.*

Истеллоза. <i>Перевод В. Дымник</i> .	116
Пейре Видаль. <i>Перевод А. Наймана</i> .	118
Гаваудан. <i>Перевод А. Наймана</i> .	123
Гильем де Кабестань. <i>Перевод А. Наймана</i> .	125
Пейре Карденаль. <i>Перевод А. Наймана</i> .	129
Гираут Рикьер. <i>Перевод А. Наймана</i> (1) и <i>В. Дымник</i> (2—3) .	133
Анонимные песни. <i>Перевод В. Дымник</i> (1—3) и <i>А. Наймана</i> (4) .	138

ТРУВЕРЫ

Перевод А. Парина *

Гас Брюле	145
Кретъен де Труа .	150
Блондель де Нель .	152
Ги де Куси .	155
Конон де Бетюн .	161
Гийо де Дижон .	167
Готье де Даржьес .	169
Гуйо де Берзе .	171
Гюон Аррасский .	174
Гибо Шампанский	176
Шардон де Круазиль .	184
Филипп де Нантейль .	186
Колен Мюзе .	188
Адам де ла Аль .	192
Моньо Аррасский .	194
Анонимные произведения	
Песни крестовых походов .	196
Песни подотна .	201
Песни о несчастном замужестве .	204
Реверди	205
Пастурель	206
Рондели	207

МИННЕЗИНГЕРЫ

Кюренберг. <i>Перевод В. Микушевича</i> .	211
Мейнлох фон Сефелинген. <i>Перевод В. Микушевича</i> .	214
Бургграф фон Регенбург. <i>Перевод В. Микушевича</i> .	217
Бургграф фон Ритенбург. <i>Перевод В. Микушевича</i> .	218
Сперфогель. <i>Перевод В. Орла</i> * .	220
<u>Дитмар фон Айст</u> <i>Перевод И. Грицковой-Журбиной</i> .	222
Император Генрих. <i>Перевод В. Микушевича</i> .	226
<u>Фридрих фон Хаувен</u> . <i>Перевод В. Микушевича</i> .	228
<u>Генрих фон Фельдеке</u> . <i>Перевод В. Микушевича</i> .	233
<u>Рудольф фон Фенис</u> . <i>Перевод В. Микушевича</i> .	240
<u>Альбрехт фон Йохансдорф</u> . <i>Перевод В. Микушевича</i> .	242
<u>Генрих фон Морунген</u> . <i>Перевод В. Микушевича</i> .	245
<u>Рейнмар</u> . <i>Перевод В. Микушевича</i> .	260
<u>Гартман фон Ауэ</u> . <i>Перевод В. Микушевича</i> .	277
<u>Вольфрам фон Эшенбах</u> . <i>Перевод В. Микушевича</i> .	285
<u>Вальтер фон дер Фогельвейде</u> . <i>Перевод О. Румера (1) и В. Левика (2—30)</i> .	287
<u>Нейдхардт фон Ройнталь</u> . <i>Перевод В. Орла</i> * .	308
<u>Готфрид фон Нейфен</u> . <i>Перевод О. Чухонцева</i> .	310
<u>Ульрих фон Зингенберг</u> . <i>Перевод Юнны Мориц</i> .	312
<u>Буркхарт фон Хоэнфельз</u> . <i>Перевод Юнны Мориц</i> .	313
<u>Тангейзер</u> . <i>Перевод В. Орла</i> * .	316
<u>Фрэйданк</u> . <i>Перевод Л. Гинзбурга</i> .	318
<u>Крафт фон Тоггенбург</u> . <i>Перевод Юнны Мориц</i> .	324
<u>Фон Бувенбург</u> . <i>Перевод О. Чухонцева</i> .	326
<u>Гесс фон Рейнах</u> . <i>Перевод Юнны Мориц</i> .	327
<u>Освальд фон Волькенштейн</u> . <i>Перевод О. Чухонцева</i> .	328
<u>Генрих фон Мюгельн</u> . <i>Перевод О. Чухонцева</i> .	333
<u>Гуго фон Монтфорт</u> . <i>Перевод О. Чухонцева</i> .	334

МОТИВЫ КУРТУАЗНОЙ ЛИРИКИ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПОЭТОВ
XIX — XX ВЕКОВ.

Подражания, переложения, переводы

3. <i>А. Жуковский</i> . Рыцарь Тогенбург. Плавание Карла Великого. Старый рыцарь .	337
<i>Д. Н. Глинка</i> . Вздох трубадура .	342
1. <i>А. Дельвиг</i> . Романс .	343
1. <i>С. Пушкин</i> . Сцены из рыцарских времен .	344
1. <i>П. Огарев</i> . Миннезингер .	365
1. <i>Ю. Лермонтов</i> . Пленный рыцарь. «Он был в краю святом...» .	366
1. <i>А. Фет</i> . Бертран де Борн.	368
1. <i>И. Майков</i> . Рыцарь. Менестрель .	370
7. <i>Е. Минаев</i> . Из Дитмара фон Айста. Из Генриха фон Фельдеке. Из Вальтера фон дер Фогельвейде .	372
1. <i>С. Голеншищев-Кутузов</i> . «Для битвы честной и суровой...» Соренада	375
Ч. <i>А. Иванов</i> . Из Гираута де Борнеля. Из Бертрана де Борна. Из Императора Генриха. Из Генриха фон Фельдеке. Из Вальтера фон дер Фогельвейде .	377
<i>Константин Льдов</i> . Паладин .	382
<i>Федор Сологуб</i> . Маргрета и Леберехт. Из «Триолетов» .	383
<i>М. А. Лохвицкая</i> . Лионель .	386
<i>Э. Я. Брюсов</i> . Канцона к Даме. Дворец любви. La belle dame sans merci. Песня из темницы. Виланель. Подражание труверам. На смерть принца Генриха .	387
<i>Г. Л. Щепкина-Куперник</i> . Из пьесы Э. Ростана «Принцесса Греза» .	393
<i>М. А. Волошин</i> . Тангейзер .	395
4. <i>А. Блок</i> . Из «Стихов о Прекрасной Даме». Из пьесы «Роза и крест»	396
<i>Андрей Белый</i> . Близкой .	426
<i>Игорь Северянин</i> . Рондо XX .	428
<i>Б. Л. Пастернак</i> . «Сумерки...» .	429
<i>И. Г. Эренбург</i> . Песни крестовых походов .	430
омментарии . . .	435

ИБ № 2686

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА

Из средневековой лирики

Составители О. В. СМОЛИЦКАЯ, А. В. ПАРИН

Заведующая редакцией

Л. Сурова

Редактор

Н. Рыльникова

Художественный редактор

Э. Розен

Технические редакторы

Г. Бессонова, Т. Л. Беседина

Корректоры

Т. Горячева, Н. Кузнецова, В. Чеснокова

Сдано в набор 25.01.84. Подписано к печати 10.07.84. Формат 60×
× 84^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать
офсетная. Усл. печ. л. 27.09. Усл. кр.-отт. 27.72. Уч. изд. л.
21.84. Тираж 100 000 экз. Заказ 4170. Цена 2 р. 10 к. Ордена Трудо-
вого Красного Знамени издательство «Московский рабочий»,
101854, ГСП, Москва, Центр. Чистопрудный бульвар, 8. Ордена Ле-
нина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.

•

Прекрасная Дама: Из средневековой лирики/Сост.:
П71 А. В. Парин, О. В. Смолицкая.— М.: Моск. рабочий,
1984.— (Однотомники классической литературы).— 462 с.

Лирика зрелого Средневековья (XI—XIII века) — такое же выдающееся явление, как поэзия Древней Греции и Рима. Пронизанные неподдельным чувством, произведения средневековых поэтов не утратили своего очарования и в наши дни. Высокие художественные достоинства этой поэзии, восхищавшие Пушкина, Гейне, Блока, тонкий лиризм, глубокое раскрытие переживаний человека далекой, но не отделенной от нас непреодолимой стеной эпохи привлекают внимание самого широкого читателя.

4703000000—230
П _____252—84
M172(03)—84

С61

В 1984 году
издательство
«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
в с е р и и
«Однотомники классической литературы»
выпустило книги:
Ф. М. Достоевский.
Повести и рассказы ▶
Марьяна роща.
Московская романтическая повесть

2 p. 10 1/2

157